

Герхард Файкс

Полиция возвращается

Из истории
уголовной
полиции
ФРГ

«Юридическая
литература»

Полиция возвра- щается

Из истории
уголовной
полиции
ФРГ

Gerhard Feix

**Der Tod
kam mit
der post**

Aus der Geschichte
der BRD-Kripo

Герхард Файкс

Полиция
возвра-
щается

Из истории
УГОЛОВНОЙ
ПОЛИЦИИ
ФРГ

*Под общей редакцией
доктора юридических наук,
профессора И. И. Карпеца*

Москва
„Юридическая литература“ 1983

**67.99(4Ф)
Ф17**

Перевод с немецкого **ФАДЕЕВОЙ Г. М.**

Рецензенты:

ГИЛЕНСЕН В. М., доктор юридических наук
ФЕДОРОВ В. И., кандидат технических наук

Файкс Г.

Ф 17 Полиция возвращается. Из истории уголовной полиции ФРГ: Пер. с нем. — М., Юрид. лит., 1983. — 240 с.

В книге прослеживаются этапы становления и развития уголовной полиции в Федеративной Республике Германии. В ней рассмотрены характерные для западногерманского общества уголовные преступления и действия полиции по их раскрытию. Автор показывает не только деятельность уголовной полиции ФРГ, но и корни преступности, ее политическую и экономическую подоплеку. Адресуется широкому кругу читателей.

Ф 120600000-019 **57-83**
012(01)-83

67.99(4Ф)

Герхард Ф а й к с

**«ПОЛИЦИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ.
ИЗ ИСТОРИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ ФРГ»**

Редактор **В. Е. ЖЕРЕБЦОВ**

Художник **В. И. ПАНТЕЛЕЕВ**

Художественный редактор **Е. П. СУМАТОХИН**

Технический редактор **М. В. ГРИДАСОВА**

Корректоры **Т. Д. КРАСНОВА, В. Д. РЫБАКОВА**

ИБ 1243

Сдано в набор 20.09.82. Подписано в печать 13.01.83.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 3. Гарнитура таймс. Печать офсетная.

Объем: усл. печ. л. 12,60; усл. кр.-отт. 25,70; учет.-изд. л. 16,02.

Тираж 60 000 экз. Заказ № 66 Цена 65 коп.

Издание подготовлено к печати с использованием ЭВМ и фотонаборного оборудования в Отраслевом центре ордена «Знак Почета» издательства «Юридическая литература», 121069, Москва, Г-69, ул. Качалова д. 14.

Ярославский полиграфкомбинат

Союзполиграфпрома при Государственном

комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

© Verlag Das Neue Berlin, Berlin, 1980(1979)

© Предисловие и перевод на русский язык с сокращениями
Издательство «Юридическая литература»

**Западногерманская полиция
и реальности политики
в области борьбы с преступностью в ФРГ**

Герхард Файкс уже известен советскому читателю по книге «Большое ухо Парижа», выпущенной издательством «Юридическая литература». Как видно, автор последователен в своих творческих поисках. Первая книга была посвящена истории французской полиции, вторая — полиции ФРГ. Принцип изложения материала также един: автор на конкретных фактических материалах прослеживает становление полиции двух капиталистических государств Европы. Исходный материал — конкретное уголовное дело либо серия преступлений — служит автору как бы прологом для рассуждений и о характере преступности, и о социальных условиях, на фоне которых разворачивается повествование, и о причинах совершения преступлений и, наконец, о политической их подоплеке. В предлагаемой читателю книге отрезок истории сравнительно короткий, как короток период существования ФРГ, начавшийся с разгрома нацизма. В то же время для читателя, особенно советского, этот период истории весьма близок, многих он затрагивает непосредственно как участников великой битвы с фашизмом. Поэтому столь злободневно звучат политические мотивы, связанные со становлением западногерманского государства, противоборством существующих там политических сил, характеризующимся стремительным переходом от денацификации до покровительства неонацизму.

Полиция, по замыслу и теоретическим обоснованиям западных ученых, есть орган, ведущий борьбу лишь с уголовной преступностью. Но это — всего лишь миф, поддерживаемый из политических соображений идеологами западного мира. Они маскируют подлинную сущность буржуазной полиции и ее классовое предназначение. Идея эта у Г. Файкса проводится достаточно последовательно.

Случаи, описываемые автором, позволяют увидеть, сколь стремительно преступность приобретала черты, присущие другим странам «свободного» мира, и в первую очередь США; как захлестывали общество наиболее опасные ее формы, как бурно шел процесс сращивания преступного мира с государственным аппаратом. Иными словами, как законы существования эксплуататорского общества неизбежно приводили к тому, что преступность стала составной частью образа жизни нового, образовавшегося после войны капиталистического государства.

Г. Файкс начинает повествование с дела об убийстве женщины в Гамбурге в условиях, когда еще не было практически западногерманского государства и, соответственно, полиции, ког-

да в оккупированных зонах хозяйничали американцы, англичане и французы. Автор описывает трудную экономическую и политическую обстановку этого периода, положение людей, разоренных и развращенных, забитых и запуганных фашизмом, идущих на любые преступления. Уже тогда, в силу принятых на себя обязательств, оккупационные власти США, Великобритании и Франции должны были обеспечить порядок, безопасность населения. И начинать эту работу они должны были с денацификации, т. е. с выявления активных сотрудников бывших нацистских учреждений, удаления их с государственных постов и передачи их дел в суд за совершенные в период войны преступления. Однако с первых же дней после окончания войны и даже в период подготовки Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками США, Великобритания и Франция поставили своей целью укрыть бывших нацистов, взять их под защиту до тех пор, когда их можно будет выпустить на сцену для борьбы с демократическими силами и начать вновь пропаганду идей «Великой Германии» и борьбы с коммунизмом. Естественно, что на первых порах эта политика проводилась весьма осторожно, скрытно и некоторых нацистских преступников приходилось судить. Но уже с 1948 года западные державы практически отказались от политики денацификации. Обстановка потворствования преступникам, конечно же, давала себя знать и вызывала, с одной стороны, активизацию преступных элементов, а с другой — страх населения и неверие в то, что преступники понесут заслуженную ими кару.

И не удивительно, что бывшие эсэсовцы и другие члены преступных организаций нацизма, приученные к убийствам и зверствам, были организаторами преступных банд, терроризировавших население. Это, естественно, создавало немалые трудности для тех полицейских формирований, которые создавались для борьбы с преступностью.

Существенное значение имела и разобщенность полицейских ведомств, снижавшая их возможности в борьбе с преступностью. В этой связи следует сказать и о том, что в каждой оккупационной зоне были установлены свои правила, соответствующие правовым принципам стран, контролирующих зону. Британские власти стремились организовать полицию по образцу и подобию английской, в частности уголовную полицию по образцу Скотланд-Ярда. Американские — внедряли свои правила, вытекающие из существующей полицейской системы США и американского законодательства.

Французы же, естественно, считали наилучшей полицией французскую. Что же касается законодательства, то во Франции, в отличие от Великобритании, действовало так называемое континентальное право, значительно отличающееся от англо-американского. Смещение всех этих влияний не могло не сказаться на организации и деятельности немецкой полиции. При этом нельзя сбрасывать со счетов и, на наш взгляд, традицион-

ное нежелание западных полицейских органов оказывать помощь друг другу, особенно если при расследовании выяснялось, что преступление совершено на «чужой» территории. Этот порок Г. Файкс показывает достаточно убедительно.

Кстати, именно разобщенность усилий полицейских подразделений позволяла (и позволяет) длительное время действовать крупным «международным» аферистам («Человек с дипломатическим паспортом»). Причем разобщенность эта и нежелание оказывать содействие друг другу принимает, подчас, просто патологический характер. Сотрудники полиции одного округа чуть ли не с ненавистью относятся к своим коллегам из другого округа. Они готовы покрыть преступников, поступиться своим долгом и оставить преступление не раскрытым ради достижения одной лишь цели: досадить коллегам, не дать им добиться успеха, если успех этот в какой-то мере может повлиять на авторитет, часто ложно понимаемый, других полицейских.

Может быть, особенно ярко автор показывает внутреннюю грызню полицейских начальников, и, следовательно, всех полицейских, в деле о банде Йегера, где шеф полиции г. Маннгейма Ристер делал все, чтобы досадить шефу полиции г. Франкфурта-на-Майне — Конраду, а Конрад готов был идти на любые подлости, чтобы перехитрить Ристера. В результате страдало дело, а банда продолжала совершать тяжкие преступления.

В других же случаях полиция, проявляя профессиональную беспомощность, но страдая непомерной амбицией, идет на должностные подлоги и фальсификации, выискивая виновных там, где их нет, стремясь найти «преступников» среди тех категорий населения, которые в силу политических взглядов кажутся полиции «потенциальными преступниками», и для того, чтобы выставить себя в выгодном свете, именно такими путями, методами и средствами полиция создает видимость борьбы с преступностью и «делает» «благополучную» статистику.

Не последнюю роль в этих отношениях играют и политические симпатии или антипатии. При этом читатель может по ходу изложения материала в книге проследить, как растут среди полицейского руководства симпатии к нацистам и антипатии к демократическим силам.

Рост симпатий к нацизму и, можно сказать, ностальгия некоторых кругов в ФРГ по фашизму и существовавшим в третьем рейхе порядкам вызваны, мягко говоря, весьма непоследовательной политикой местных властей. В ФРГ все время идет борьба между теми, кто понимает, сколь пагубной для страны была бы политика возрождения фашизма, что ничего, кроме горя и бед немецкому народу это не принесет, и теми, кто, играя на реваншистских настроениях той части населения, чье сознание было отравлено нацистскими пропагандистами, вновь поднимает на щит лозунги о «Великой Германии», о «восстановлении справедливости», о «заслугах Гитлера перед нацией» и т. п., требуя, в числе прочего, восстановления территории Германии в

границах 1937 года и поглощения ГДР. «Исследования» идеологов нацизма, книги о Гитлере, фильмы о нем, пластинки с рок-мелодиями, на которых изображен бесноватый фюрер, — всем этим наводнен рынок в ФРГ и в Западной Европе. Начало всей этой идущей во вред человечеству кампании было положено с момента возникновения западногерманского государства, в частности, правительством Аденауэра, и ныне подхвачено правыми силами.

Этот процесс тревожит прогрессивную общественность страны. Правительство же не видит «особой опасности» в явной пропаганде идей фашизма, но зато принимает так называемый закон о «запрете на профессии», на основании которого в ФРГ развернута и постоянно подогревается кампания преследования прогрессивно мыслящих людей, а тех, кто является членом компартии, просто сочувствует ей либо принимает участие в деятельности демократических организаций (в том числе международных, таких, например, как Международная ассоциация юристов-демократов), преследуют, увольняют с работы, оставляют без средств к существованию.

Герхард Файкс в очерке «Захмелевший арестант» описывает, как на практике работы западногерманской полиции сказывается существование пресловутого закона о «запрете на профессии», как полиция из кожи вон лезет, преследуя тех, кто является «нарушителем» этого закона, но полностью бездействует тогда, когда нужно раскрывать тяжкие преступления, весьма беспокоящие население и оказывающие отрицательное влияние на его психологию.

Более того, в очерке «Смерть пришла по почте» автор прямо говорит о том, что западногерманская полиция ничего не делает для того, чтобы арестовать преступника Галаца потому, что он не «левый» (!).

Кстати, нельзя не отметить, что Западной Германии еще тогда, когда она была разбита на зоны и не существовала как государство — ФРГ, было запрещено иметь тайную политическую полицию. Однако нарушения обязательств, вытекающих для Западной Германии, как следствие разгрома нацизма, стали повседневной практикой буквально на следующий день после подписания соответствующих документов. Еще не высохли чернила на них, как при полном покровительстве США, Великобритании и Франции на территории их зон стала создаваться именно тайная политическая полиция (тайно, конечно, на первых порах). Такой полицией была, например, так называемая «Служба Кельна». Дальше этот процесс протекал весьма стремительно, в нарушение достигнутых соглашений и вопреки им.

Естественно, что подобная политика сказывалась отрицательно на формировании кадров западногерманской полиции. Конечно, трудности создания квалифицированного ядра полицейского аппарата, объективные трудности, были. Среди тех, кто комплектовал полицию, были и честные люди, желающие создать

профессиональную, грамотную полицию. Им было трудно потому, что, с одной стороны, им не хотелось брать на службу в полицию бывших нацистов или тех, кто, не будучи членом нацистской партии, все-таки слишком усердно служил фашизму. С другой стороны, среди населения после войны не так-то просто было найти людей, желавших служить в полиции, покрывшей себя позором в годы гитлеризма. Определенные круги старались протолкнуть в полицию бывших гитлеровцев, преследуя при этом вполне очевидные политические цели. В результате в весьма короткое время западногерманская полиция в немалой части превратилась во вместилище проходимцев, карьеристов, а также вобрала в себя и откровенно преступные элементы. Причем процесс этот был характерен не только для полиции, но и для других органов, ведущих борьбу с преступностью.

В очерке «Мошенники из комиссариата» Г. Файкс довольно убедительно показывает это. Вот персонажи, достаточно характерные и типичные. Кроковски — прокурор. Образования не имеет, по профессии — аферист, Мильш — душевнобольной.

Такой же кадровый состав в полиции — значительная часть — мошенники и откровенные преступники (в данном комиссариате, естественно, хотя это достаточно типичная картина). А взгляните, читатель, на фигуру «эксперта» Брезе. Когда «эксперта» разоблачают его же коллеги, начальство берет Брезе под защиту. Его переводят на другую работу, но степень доктора наук оставляют. Поскольку дело Брезе становилось все более скандальным, его осудили за мошенничество, но... всего на один год лишения свободы. Степень же доктора ему оставили, а это значит, что и без работы покровители его не оставят. А почему? Да потому, прежде всего, что фигуру Брезе определенные круги стремились использовать в политических целях, для сведения счетов с «Востоком». Вот и весь секрет. А о том, что делать с теми людьми, которые были осуждены на основании экспертных заключений невежды, начальство Брезе предпочитает молчать и, естественно, не пересматривать ни одного приговора. Судьба людей безразлична этим политикам.

Иногда автор очень детально описывает фабулу того или иного конкретного дела, одного или серии преступлений, поэтому от читателя могут ускользнуть некоторые весьма существенные моменты, которые, безусловно, заслуживают того, чтобы посмотреть на них более пристально. В частности, хотелось бы обратить внимание читателя на следующее.

Империалистические идеологи и политики представляют ФРГ процветающим государством, как бы эталоном «свободного общества», в противовес Германской Демократической Республике. Поэтому западные державы поставили своей целью добиться «процветания» ФРГ любой ценой. Капиталовложения в экономику ФРГ потекли рекой. В нарушение соглашений по Западному Берлину реваншистские круги пытались сделать его частью территории ФРГ или, как они выражались, — «фасадом

западного мира». Из того, чтобы сделать Западный Берлин частью ФРГ, ничего не получилось вследствие твердой позиции социалистических стран. Но стремление западных держав использовать Западный Берлин в качестве идеологического форпоста империализма, прежде всего против ГДР, — сохранилось.

Но дело, конечно, не только и даже не столько в Западном Берлине и его статусе. Ремилитаризация, поправление политического климата и тому подобные явления — это то, к чему стремятся США и их союзники. Они всеми силами стимулируют эти процессы. ФРГ предназначена роль ядерного форпоста НАТО. И «процветающая» страна стала постепенно превращаться в территорию, на которой пытаются все более откровенно хозяйничать США, используя для этого экономическую зависимость ФРГ от США и членство ФРГ в агрессивном блоке НАТО. В образе жизни этой страны стали со все большей отчетливостью проявляться черты, характерные для США, в том числе в размахе и характере преступности.

В ФРГ, по данным официальной статистики, ежегодно совершается более трех с половиной миллионов преступлений. Рост преступности значительно обгоняет рост народонаселения. Но не только эти признаки — специфические и традиционные для оценки характера преступности и ее увеличивающейся общественной опасности — имеют значение. Важно посмотреть, на какой социальной основе происходят процессы как количественного увеличения преступности, так и изменения ее качественных характеристик в сторону увеличивающегося процента тяжелых преступлений в общей массе преступности.

Причины преступности в ФРГ, естественно, те же, что и в любой стране эксплуататорской системы. Они коренятся в самой сущности эксплуататорских общественных отношений, ими порождаются, ими стимулируются. В ФРГ начало «стандартизации» преступности и процессу становления ее единообразия с преступностью на Западе вообще и США в частности положено не только указанными обстоятельствами, но и определенными специфическими факторами, в частности бесчинствами в зонах оккупации английских «томми» (у Г. Файкса это показано на примере г. Люнебурга), американских солдат. Вообще процесс милитаризации западного мира сопровождается узаконенными (во всяком случае морально) преступлениями солдатни. Достаточно вспомнить зверства американских оккупантов во Вьетнаме.

Вот на то, что Г. Файкс часть своей книги посвящает показу модификации преступности в ФРГ, «сближения» ее с преступностью США, и хотелось бы обратить внимание читателя.

У Г. Файкса мы найдем утверждения о том, что власти ФРГ и западногерманская полиция не могут справиться с так называемой «беловоротничковой преступностью». Как пишет Г. Файкс, западногерманская юстиция капитулировала перед этой формой преступности. Впервые исследования, посвященные

«беловоротничковой преступности» были сделаны сравнительно недавно видным американским криминологом и социологом Э. Сатерлендом. «Беловоротничковой» он назвал преступность представителей делового мира и высших чиновников государственного аппарата США в области экономики, сколачивающих миллионные состояния. Но принципы организации хозяйства, погоня за максимальной прибылью, стремление к обогащению любыми средствами — характерная и неотъемлемая черта капиталистических общественных отношений. Недаром другой американский ученый — Т. Парсонс образно говорил, что многие виды преступности выросли из банковского дела, имея в виду методы осуществления финансовых операций капиталистическими банками. Естественно, что все эти преступные в своей основе способы обогащения перекочевали и в ФРГ: ведь связь капиталистических многонациональных монополий, где главенствующая роль принадлежит американским дельцам, очевидна и весьма крепка. Вот почему борьба с этим видом преступности не приносит особых успехов. Более того, некоторые добросовестные сотрудники полиции, проявляющие стремление к разоблачению преступников, часто остаются не у дел.

Другой вид, может быть, точнее другая черта преступности — это изменение ее характера в сторону увеличения тяжести совершаемых преступлений. Г. Файкс показывает этот процесс, сопоставляя элементарное «любительское» ограбление в первые годы существования ФРГ и постепенное ужесточение форм этого вида преступности, приобретающего постепенно черты гангстеризма — столь характерного для США.

Описывая этот процесс, автор представляет читателю целую галерею преступных персонажей «нового» типа — порождение изменяющихся общественных отношений в ФРГ и «американизации» преступности.

Весьма характерна в этом плане история бывшего профессионального боксера Гудера, который, потеряв надежду на дальнейшие успехи в спорте, стал опасным преступником. Значительное время Гудер прожил в США, а в ФРГ он стал своего рода гостем, гастролирующим преступником. Проследив историю Гудера, читатель, конечно, не может не вспомнить судьбы многих американских (да и не только американских, а вообще западных) знаменитых в начале своей карьеры спортсменов, заканчивающих жизнь в нищете или в тюрьмах.

Говоря об организации полиции, автор подчеркивает, что западногерманская полиция современного образца построена по образцу и подобию ФБР. Иными словами, американизация во всем: и в формах преступности, и в формах организации полиции (как и всех других правоохранительных органов).

Показывая особенности политического и морального климата в ФРГ, автор подчеркивает несдержанность западной прессы и ее погоню за сенсациями. Это действительно бич западного об-

щества. В общем хоре, создающем атмосферу страха, аморализма, вседозволенности, с одной стороны, военной истерии и антикоммунизма, с другой — огромна негативная роль средств массовой информации. Прессу (как и радио и телевидение) вовсе не беспокоит то, что население дезинформируется, что у обывателя развивается страх, создается атмосфера неустойчивости, неверия во все... Зато — сенсации, обогащение на фальшивках и полное отсутствие воспитательной роли прессы. Нередко болтливость прессы служит ориентиром для преступников — как поступать. Практически преступники имеют возможность следить с абсолютной точностью за ходом расследования совершенных ими преступлений (в тех случаях, когда они не пойманы) и корректировать свои планы. Так что и в этом смысле пресса ФРГ — родная сестра американской прессы.

И, наконец, хотелось бы обратить внимание читателя на то, что Г. Файкс заканчивает свою книгу описанием деятельности западногерманских «левацких» террористов. Проблема борьбы с терроризмом стала ныне злободневной. И не только потому, что террористические акции являются одним из самых опасных видов преступлений, но прежде всего потому, что проблема терроризма стала предметом политических спекуляций, инспирированных, в частности, администрацией Рейгана.

Не уходя в глубь истории, отметим, что террористические методы подавления населения, включая порабощение других народов, изобретены не в XX веке; эти методы органически присущи эксплуататорским общественно-экономическим формациям и, конечно, империализму. Но именно в XX веке к власти в Германии пришла самая террористическая диктатура — фашизм. И XX век дает нам пример того, как модифицируются различные виды преступной деятельности и какие теоретические битвы разгораются вокруг определения понятий тех или иных преступных деяний. Когда эксплуататоры были единственными вершителями человеческих судеб на земле, когда они вели борьбу между собой, используя любые формы и методы борьбы, тогда не возникал серьезно вопрос о терроризме как о преступлении. Но как только зародились идеи социализма и коммунизма и тем более тогда, когда в повестку дня жизни народов встал вопрос о несправедливости эксплуататорских общественных отношений и их свержении, тогда появились псевдотеоретики, объявившие не только действия революционеров, но и марксистско-ленинскую теорию — терроризмом. Таким псевдотеоретиком был, например, К. Каутский, создавший опус «Терроризм и коммунизм». В этой связи уместно напомнить, что основоположники марксизма-ленинизма отрицательно относились к террористическим методам борьбы за власть, полагая, что террор со стороны одиночек ничего кроме вреда организованному рабочему движению не принесит. Марксистско-ленинская концепция борьбы за освобождение народов от эксплуатации не отрицает насилия, но не приемлет террор и терроризм. Теоретики же им-

периализма пытаются приписать это всему национально-освободительному движению, всей революционной теории и практике. Цель же одна: развязать террор против всех, кто не приемлет империализм и угнетение.

Однако и в этом случае, вспоминая историю, сравнительно недавнее прошлое — конец 20-х — начало 30-х годов, — мы должны отметить, что такие теории развивались итальянским фашиствующим ученым Гарофало (кстати, явившимся одним из основных теоретиков о прирожденном преступнике и биологическом происхождении преступности) и были поддержаны существовавшей тогда международной организацией специалистов по уголовному праву под названием «Движение за унификацию уголовного права и законодательства», принявшей даже специальную резолюцию по вопросу о борьбе с терроризмом (читай — с коммунистическим движением), приветственно встреченную столпами фашизма.

Сегодня же человечество имеет дело не только с теоретическими модификациями терроризма. Существуют две его разновидности. Родиной одного ответвления терроризма — «левацкого» — является ФРГ. Его теоретической основой является смесь анархизма, троцкизма и прочих псевдореволюционных теорий, дающих, в конечном счете, оружие в руки империализма для борьбы с подлинно революционным и национально-освободительным движением, ибо под маркой борьбы с терроризмом империалистические круги террористическими методами ведут борьбу со всеми прогрессивными и демократическими организациями и движениями. Вот почему та часть книги Г. Файкса, где речь идет о «левацком» терроризме, представляет безусловный интерес.

Второй разновидностью является терроризм правый, фашистского толка. Руками террористов этого направления реакционные круги империализма повсеместно ведут борьбу с демократическими силами. Более того, если «левацкий» терроризм объединен, образно говоря, духовно, а организационных связей между «леваками» из разных стран не отмечается (за исключением итальянских и французских), то правые террористы провели ряд международных встреч, на которых наметили целую программу террористических акций против демократических и национально-освободительных движений. Долгое время центром правых террористов была созданная в Испании организация «Ажинтерпресс». После свержения в этой стране фашистской диктатуры деятельность ее была ограничена. Более того, руководители этой организации стали подыскивать другую страну для пребывания. Помимо этого силу набрала организация «Паладин», которую, пожалуй, сегодня можно считать международным центром фашизма и правого терроризма.

В террористических организациях правого направления немалую роль играют сионисты. Кстати, премьер-министр Израиля М. Бегин длительное время возглавлял террористическую орга-

низацию «Иргун цвай леуме», запятнавшую себя кровью тысяч людей.

Характерной для нынешнего периода чертой является и, образно говоря, сращивание правого и «левацкого» терроризма. С «левацким» терроризмом происходит то, о чем с присущей ему прозорливостью говорил В. И. Ленин. В деятельности «левацких» террористов кровно заинтересован империализм, ибо это позволяет ему, с одной стороны, организовать преследование демократов (с «левацким» терроризмом империализм ведет борьбу достаточно активно), а с другой — руками леваков расправляться с любыми неугодными империализму людьми. Подстрекаемые правыми к «всеобщему бунту» леваки делают то, от чего правые круги хотят остаться в стороне. О смыкании «левацкого» и правого терроризма свидетельствует, например, дело о похищении в Италии американского генерала Дж. Доузера в декабре 1981 года (этот генерал являлся заместителем начальника объединенных сил НАТО в южной зоне Европы). Похитили его террористы левацкого толка из «Красных бригад». Но действовали они не одни, а при поддержке израильской разведки «Моссад». К всеобщему смущению хозяев террористов и покровителей Израиля эта преступная связь стала достоянием гласности. Для чего же это делалось? Как заявил раскрывший эти связи бывший член «Красных бригад» некий Альфредо Буонавита, для того, чтобы усилить дестабилизацию политической обстановки в Италии. А чтобы поставить точки над *i*, мы вполне обоснованно можем предположить, что дестабилизация нужна в Италии, чтобы повернуть эту страну вправо.

Это надо иметь в виду, читая книгу Г. Файкса, хотя мы, конечно, далеки от мысли о том, что дали отвечающую на все вопросы характеристику современного международного терроризма. Это — предмет специального исследования.

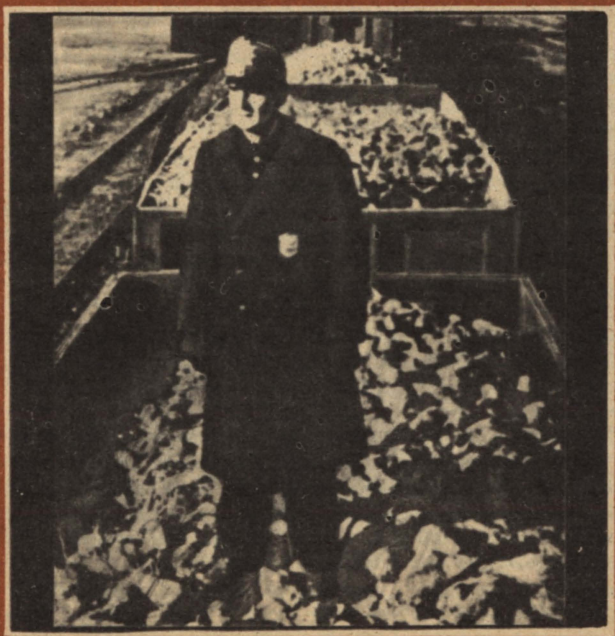
Одно лишь ясно, что терроризм — международное преступление и влияние его на рост преступности на Западе, в частности в ФРГ, огромно.

Заслуженный деятель науки
РСФСР, доктор юридических наук,
профессор И. Карпец

Глава 1

ПОЛИЦИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

МЕРТВАЯ ЖЕНЩИНА В ОТВОДНОМ КАНАЛЕ

Женщина высвободилась из слишком вольных объятий своего спутника и глазами указала на человека, который, тяжело ступая, шел за ними. Она вовсе не сердилась. Напротив! Но мартовские ночи так холодны. Да и развалины, вдоль которых они пробирались, не располагали к близости.

— Подожди пока мы придем, — шепнула женщина, когда ее спутник неожиданно остановился и стал грубо вталкивать ее в широкий стеной пролом.

— Я не хочу ждать! — раздраженно бросил он.

— Но твой брат... — попыталась было возразить женщина и отвернулась. В тот же миг петля сдавила ее горло. Женщина захлебнулась, в ужасе забила руками вокруг себя и хотела закричать, но из груди вырвался лишь слабый сдавленный хрип. Через несколько секунд ее тело обмякло. Мужчина опустил труп на землю и завязал узлом полотняный ремень на шее жертвы. Потом зажег спичку, схватил потрепанную женскую сумку и вынул оттуда пухлую пачку денег.

Теперь зашевелился и второй мужчина, который все это время стоял в нескольких метрах, наблюдая за разыгравшейся сценой. Он подошел, склонился над безжизненным телом и заторопил первого. Они подхватили труп и потащили его к каналу Герренграбен. Потом приволокли тяжелый бетонный брус и крепко привязали к нему убитую женщину, предварительно сняв с нее пальто и туфли.

С большим трудом мужчинам удалось перевалить тяжелую ношу через ограждение в воду. Через несколько минут оба исчезли в ночи. Никто не видел их, никто не услышал ни звука. Да и кто мог что-то услышать в глухом безлюдном месте, среди развалин? Лишь стаи полуголодных крыс шныряли здесь в поисках пищи. Даже бродягам, которых в разрушенном Гамбурге 1946 года было более чем достаточно, не пришлось бы в голову искать здесь пристанища. Так что данные, на которые мог опереться в следствии старший инспектор Штаве из гамбургской комиссии по расследованию убийств, были слишком скудными.

Искать убийц в первую послевоенную весну в таком огромном, наполовину разрушенном городе, как Гамбург, было немногим легче, чем иголку в стоге сена. Уголовная полиция была необучен-

ной, плохо организованной и вооруженной, перегруженной делами. А преступность процветала, как никогда, на почве глубочайшей экономической разрухи и социально-политического кризиса в стране.росло число тяжких преступлений, не говоря уже о воровстве и спекуляции. Люди бесследно исчезали. Вероятно, и на этот раз преступники остались бы безнаказанными, если бы не совершили одну роковую ошибку: бросив труп в глубокий полноводный канал Герренграбен, они считали, что отлично замели следы, и не учли, что в этот момент был прилив. Но на следующее утро, когда электрик Гейнце шел в свою мастерскую, заканчивался отлив и канал обмелел. Бетонный брус должен был, по замыслу убийц, удержать от всплытия труп, но он же еще и не дал потоку воды унести тело. Убитая женщина, которую электрик принял вначале за манекен, лежала на грунте, не сдвинувшись с места, и сотрудники уголовной полиции легко обнаружили глубокие царапины на перилах берегового ограждения, оставленные брусом. Кроме того, на берегу были обнаружены следы ног, которые вели к развалинам, где было совершено убийство. На месте преступления не нашли ничего существенного, что могло бы помочь следствию. Кто была убитая женщина и что она делала ночью в этом забытом богом месте, оставалось неясным. Одно не вызывало сомнений: женщина подверглась ограблению и была сброшена в воду по меньшей мере двумя людьми, так как, во-первых, у мертвой не было никаких документов, не было пальто и обуви, а, во-вторых, вместе с бетонным брусом она весила около 135 кг, то есть больше чем мог осилить один человек со средними физическими данными. При более внимательном осмотре трупа старший инспектор обратил внимание на одно немаловажное обстоятельство: узлы ремня, которым труп был привязан к брусу, указывали на профессиональные навыки убийц. Это были так называемые перекрестные и выбленочные морские узлы. Конечно, в портовом Гамбурге такие навыки среди моряков не редкость, да к тому же эти узлы, правда под другими названиями, используются и плотниками. Но все-таки это было уже кое-что.

Исследование ремня с помощью криминалистической техники дало дополнительные результаты.

На фотографии, сделанной в инфракрасных лучах, было видно выцветшее клеймо. На клейме стояло «US ROMÉ 1944», т.е. речь шла об амуниции американской армии. Но это тоже давало не слишком много. Таких поясов были тысячи.

Единственной надеждой на успешное расследование убийства оставалось опознание жертвы. Поэтому Штаве разослал отпечатки пальцев и фотоснимок убитой во все полицейские органы британской оккупационной зоны с просьбой просмотреть списки пропавших без вести. Никакого результата! Напрасным оказалось и наведение справок у стоматологов, которым был предъявлен зубной протез женщины.

Исходя из этого, комиссия по расследованию убийств предположила, что женщина либо была не из Гамбурга, либо не имела

в городе родственников. И в том и в другом случае шансы на восстановление личности убитой были ничтожны.

Проходили недели. Старший инспектор Штаве уже потерял надежду расследовать это дело, когда в полицейский участок Рендсбурга явилась некая фрау Зандерс, разыскивавшая свою дочь Эрну.

Услышав, что Эрне Зандерс перевалило за 40 и она часто неделями пропадала из дому, дежурный сотрудник сразу потерял интерес к заявительнице. Женщина не первой молодости, без мужа, истосковавшаяся по жизни, безусловно, могла иметь веские причины для долгого отсутствия. Дежурный уже собирался отправить пожилую даму, сказав ей несколько утешительных слов, но вспомнил о фотографии, присланной недавно из Гамбурга. Он порылся в бумагах, нашел ее и положил перед фрау Зандерс. Едва бросив взгляд на фотографию, та воскликнула: «Моя дочь!»

Дежурный тотчас связался с гамбургской комиссией по расследованию убийств, и уже на следующий день старший инспектор Штаве внес в протокол показания фрау Зандерс.

Так после трех недель безуспешных поисков был сделан первый важный шаг на пути к раскрытию убийства.

Эрна Зандерс, найденная мертвой в отводном канале, была родом из Бранденбурга. Незадолго до окончания войны судьба забросила ее с матерью в Шлезвиг-Гольштейн в маленькую деревню недалеко от Рендсбурга. В Бранденбурге у нее был магазин готового платья, и она надеялась основать подобное предприятие на новом месте. Но у нее не хватило средств. Работу по душе в этой сельской местности Эрна не нашла. К мужу, который уже давно расстался с ней и жил сейчас в Мюнхене, она тоже не хотела возвращаться.

Так Эрна Зандерс без прописки и работы неделями скиталась по Килью и Гамбургу, надеясь найти хоть какое-то пристанище.

Только в конце месяца, когда надо было получать новые продовольственные карточки, она возвращалась на несколько дней к матери, получала карточки, оставляла немного денег и опять исчезала. Что делала ее дочь и чем она жила, фрау Зандерс не знала. Однако уголовной полиции было нетрудно установить это. Для Эрны Зандерс, не имевшей прописки и работы, были только две возможности существования: спекуляция на «черном рынке» или проституция, а, может быть, то и другое. Конъюнктура для этих занятий в то время была очень благоприятна. Даже приблизительно нельзя было оценить число профессиональных «жриц любви» в городе, не говоря уже о тех, кто не занимался этим постоянно. Гамбург, издавна считавшийся цитаделью проституции, обладал особой притягательной силой для желающих заняться этим «ремеслом». О масштабах же спекуляции в послевоенной Германии некоторое представление дает объем товаров, конфискованных полицией. Так, например, только один отдел Гамбургской уголовной полиции по борьбе с «черным рынком» конфисковал в 1946 году товары общим весом 2 тысячи 156 тонн стоимостью

8 миллионов 400 тысяч рейхсмарок. Кроме того, гамбургская полиция за тот же период раскрыла 255 случаев фальсификации продовольственных товаров, ликвидировала 725 подпольных винокуренных заводов и 100 типографий, в которых печатались фальшивые продовольственные карточки и ордера на получение нормированных товаров.

Объединения спекулянтов, как правило, лучше организованные, вооруженные и моторизованные, чем полиция, господствовали на «черных рынках» всех западных зон. Они диктовали цены, и нередко в результате их деятельности целые партии продукции непосредственно с предприятий и со складов товаров исчезали по тайным каналам.

В конце концов спекуляция приняла колоссальные размеры и стала в такой степени угрожать экономике и снабжению, что администрация некоторых земель, расположенных в западных зонах, как, например, земли Рейнланд-Пфальц (французская зона), с одобрения оккупационных властей ввела, а в других землях предлагала ввести, казнь для спекулянтов и контрабандистов.

Эрна Зандерс, конечно, не принадлежала к дельцам, которые вели свое дело с размахом. Она была из той мелкой голодной рыбешки, которая подхватывает крохи, оброненные акулами «черного рынка». Между делом, когда жалкие операции с кофе и сигаретами давали так мало, что нельзя было свести концы с концами, она, очевидно, торговала и своим телом в грязных номерах сомнительных гостиниц.

В поисках убийц старший инспектор Штаве и его сотрудники постарались восстановить образ жизни этой женщины. Одним из источников информации оказалась маленькая прокуренная пивная у Главного вокзала. Здесь Эрна почти ежедневно встречалась с несколькими другими неудачниками, которые владели свое существование, перебиваясь темными делишками в постоянном ожидании «большого шанса» и вечно скрываясь от бюро прописки и полиции.

Тут был, например, отсидевшийся в войну на солдатской кухне фельдфебель Курт Креппель из Эссена. Он задавал тон в компании и щедро разбрасывался предложениями работы на своем будущем «транспортном предприятии».

Так, Эрне Зандерс он твердо обещал место доверенного своей фирмы. Правда, зарплаты она пока не получала, так как «предприятие» еще не имело доходов. Однако бывший повар и будущий предприниматель уже заявил бургомистру маленького местечка под Рендсбургом о зачислении Эрны к себе на службу и таким образом обеспечил ей продовольственные карточки.

Другому члену их компании, инвалиду войны, Креппель обещал место конторского служащего, третьему — место водителя.

Правда, «шеф предприятия» сам до сих пор не имел ни разрешения на свой промысел, ни автомашин, необходимых для подобного дела, однако все были убеждены в успехе задуманного. Во всяком случае, Эрна Зандерс уже рассказывала знакомым о

своих надеждах на перемены к лучшему, о прекрасной работе и твердой почве под ногами в скором будущем.

27 марта 1946 года, за день до смерти, она даже поделилась с одной женщиной своими планами. По словам Эрны, некий влиятельный покровитель обеспечил ей место доверенного фирмы и маленькую чистенькую квартирку со всем необходимым. 28 марта она должна переехать туда, хотя все это пока еще не совсем легально. Не хватает согласия биржи труда и жилищного управления. Поэтому Эрна Зандерс просила знакомых пока никому ничего не рассказывать.

Старший инспектор Штаве напал на эту свидетельницу совершенно случайно. Услышав, что влиятельного покровителя, о котором говорила Эрна Зандерс, звали Курт Креппель, он задумался.

Креппель, завсегда пивнушки на углу, был хорошо известен уголовной полиции, и его уже допрашивали по этому делу. Но он ни словом не упомянул Эрну Зандерс и, более того, категорически отрицал близкое знакомство с ней, подтвердив лишь, что действительно хотел взять Эрну на работу в случае осуществления своих планов. А в общем Креппель утверждал, что имел с ней дела не больше, чем любой другой посетитель пивнушки. Правда, она была ему довольно симпатична, и поэтому он хотел бы по мере своих возможностей помочь в расследовании преступления. В последний раз Креппель, по его словам, видел Эрну Зандерс «где-то числа 20-го». А 28 марта, когда было совершено убийство, он провел весь день со своим братом Фрицем из Эссена.

Таким образом, Курт Креппель имел алиби.

И все же у старшего инспектора возникли некоторые подозрения, которые не исчезали, хотя Креппель на очной ставке со знакомой Эрны Зандерс продолжал настаивать на своем. Под напором его энергичных возражений свидетельница начала сомневаться и даже частично изменила свои показания. Тогда Штаве распорядился тщательно проверить братьев Креппель.

В то время подобная проверка являлась весьма сложной задачей.

Город Эссен, где жила семья Креппель, не входил в ведение гамбургской уголовной полиции. Для проведения розыска в Эссене Штаве должен был получить не только разрешение шефа эссенской полиции, но и одобрение оккупационных властей. И то и другое было не так просто. Местные шефы полиции очень ревниво охраняли свою сферу влияния и расценивали подобные просьбы как недоверие к их способностям. В то же время британские оккупационные власти, ярые сторонники децентрализованной муниципальной полиции, нередко видели в этом тенденцию к централизации и поэтому всеми силами поддерживали самостоятельность местных полицейских органов. Только когда Штаве обрисовал всю сложность этого случая и доказал, что проведение розыска за пределами Гамбурга — единственный шанс на успех, было получено соответствующее разрешение.

Между тем подозрения Штаве в виновности Креппеля получи-

ли два важных подтверждения. Во-первых, до начала 1946 года Курт Креппель находился в американском плену и, по некоторым данным, носил такой же пояс, как и тот, которым была задушена Эрна Зандерс. Более того, клеймо, обнаруженное на поясе, указывало на Рим и 1944 год, а Курт Креппель попал в плен к американцам в Италии в 1944 году. Во-вторых, брат Курта Креппеля — Фриц Креппель, работавший теперь шахтером в Эссене, во время войны служил в военно-морских силах, а до этого — в морском торговом флоте. Следовательно, он должен был уметь вязать морские узлы. К тому же в день убийства Фриц Креппель был у своего брата Курта в Гамбурге, что было доказано.

Сотрудники Штаве обыскали комнату Курта и обнаружили датированный 3 апреля 1946 года в Эссене билет на Гамбург. Как показало расследование, это был билет жены Курта Креппеля. Инспектор допускал, что Креппель переслал с женой в Эссен деньги и вещи убитой. Тем временем перед комиссией по расследованию убийств уже лежало описание пальто и туфель убитой. Кроме того, несколько свидетелей подтвердили, что Эрна Зандерс всегда носила с собой в сумке все свое состояние, около 3 тысяч марок. Два сотрудника, которых Штаве направил в Рурскую область, должны были произвести обыск на квартирах у родственников и друзей братьев Креппель. Однако при обыске не было найдено ничего, что могло бы принадлежать Эрне Зандерс. Тем не менее эта мера оказалась не напрасной.

Отец, сестры и знакомые Креппеля, которых, между прочим, опросили и о манере братьев одеваться, единодушно показали, что Курт привез из плена оливково-зеленый ремень и постоянно носил его.

Это противоречило показаниям Креппеля, утверждавшего, что он оставил ремень в Италии.

Штаве приказал арестовать братьев и с утра до вечера подвергал их непрерывным допросам и очным ставкам. При этом старший инспектор не скупился ни на добрые советы, ни на мрачные прогнозы. Но подследственные, которых предусмотрительно поместили в одиночные камеры, упорно держались. А в это время люди инспектора разыскивали пальто и туфли убитой. Вскоре они натолкнулись еще на одну постоянную клиентку кабачка у Главного вокзала. Женщина заявила, что видела точно такие же дамские туфли в портфеле Креппеля через несколько дней после убийства.

Штаве распорядился привести братьев и предъявил им это показание.

Курт Креппель остался тверд, зато у брата нервы начали сдавать. Спустя некоторое время Фриц Креппель попросил отвести его к старшему инспектору и во всем сознался.

Он рассказал, как его брат заманил Эрну Зандерс в пустынную местность, задушил ее поясом, ограбил и как они вместе бросили тело в канал.

Штаве ликовал. Между тем Курт Креппель продолжал всё отрицать. Он даже попытался передать записку брату с целью угово-

рить его отказаться от показаний. Но записка попала на стол к старшему инспектору.

Штаве только пожал плечами и приказал продолжать расследование. Вскоре выяснилось, что пальто и туфли убитой Фриц Креппель продал на «черном рынке» в Бремене. Штаве попытался проследить дальнейший путь этих вещей, но безуспешно. А Курт Креппель все больше и больше запутывался в своих противоречивых показаниях. В конце концов он понял, что проиграл, и попытался вывернуться с помощью частичного признания.

Он продолжал отрицать запланированное и хладнокровно осуществленное убийство Эрны Зандерс, о котором говорил его брат. Согласно его версии, все это был только несчастный случай, самое большое, действие, совершенное в состоянии аффекта. Эрна Зандерс привела его в бешенство тем, что не хотела возратить 5 тысяч марок, которые он как-то дал ей взаймы. Вдобавок она оскорбила его достоинство, обрушив на него поток грязных ругательств. Он и сам уже не помнил, как все это произошло. Во всяком случае, терпение его лопнуло, он сорвался и вот тут, очевидно, и задушил ее своим поясом.

Собственно, сразу же после случившегося он хотел явиться в полицию, но его брат предложил бросить труп в воду. Курт Креппель умело вплел в свой рассказ и то, что он якобы был контужен во время войны и с тех пор у него временами бывало расстройство сознания. Судить обо всем этом уже не входило в задачи старшего инспектора, который после признания Курта Креппеля завершил дело и передал материалы в государственную прокуратуру.

Старший инспектор Штаве из Гамбурга выполнил свою миссию.

Это убийство было первым уголовным делом, подробно рассмотренным на страницах журнала «Полицайрундшау» в 1947 году, то есть в первый год его издания. Гамбург стал и колыбелью Федерального ведомства уголовной полиции, современного органа уголовной полиции ФРГ.

28 февраля 1947 года суд присяжных Гамбурга, который согласился со всеми основными пунктами дела, приговорил Курта Креппеля за умышленное убийство в корыстных целях к лишению всех гражданских прав и смертной казни.

Фрицу Креппелю зачли его признание как смягчающее обстоятельство. Он был приговорен к 10 годам тюрьмы за пособничество в убийстве.

В первые послевоенные годы в западных оккупационных зонах выносилось и приводилось в исполнение довольно много смертных приговоров.

В одной только британской зоне с 1 июля по 31 декабря 1946 года было вынесено 135 смертных приговоров.

Уголовная полиция ФРГ во многом обязана своим существованием оккупационным властям. Это — детище американской, английской и французской военных администраций, которые его породили, окрестили и поставили на ноги. Но, как говорится, у семи нянек дитя без глаза.

«Отцы» были не только чужими, у них не было даже единого мнения относительно того, каким должно быть их творение — новая полиция и в каком направлении она должна развиваться. Каждый хотел, чтобы «дитя» было похоже на него.

Правительства западных держав, которых представляли эти военные администрации, обязались в соглашениях, имеющих международно-правовую силу, искоренить германский милитаризм и нацизм, навсегда предотвратить возможность его возрождения, провести демилитаризацию, денацификацию и демократизацию Германии и дать немецкому народу возможность строить миролюбивое демократическое государство, «чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире». Такое заявление было торжественно сделано представителями держав-победительниц уже на Крымской конференции 1945 года и вновь подтверждено в Потсдамском соглашении от 2 августа 1945 года.

После капитуляции Германии все нацистские органы власти, организации, в том числе полицейский аппарат, были почти полностью распущены. Необходимо было создать новую полицию, и будущая немецкая полиция должна была по крайней мере внешне как можно меньше напоминать свою предшественницу — имперскую полицию. Та слишком сильно запятнала себя как рьяная прислужница имперских властей и надежная опора нацистской тирании.

В первые месяцы лета 1945 года западным союзникам пришлось еще думать об этом: нацистские преступления были слишком свежи в памяти народов. Поэтому и в западных зонах проводилась денацификация, демилитаризация, децентрализация и демократизация полицейского аппарата. Однако руководство западных союзнических офицеров полиции и вышестоящие органы, выполняя задание своих правительств, преследовали не столько демократические, сколько своекорыстные цели и уже тогда акцентировали свое внимание не столько на нацистах, сколько на своем бывшем союзнике СССР. Спустя несколько лет это беззастенчиво признал в телевизионном интервью американский верховный комиссар в Германии Клей. Тем не менее они были вынуждены, по крайней мере в первое время и хотя бы формально, производить чистку полицейского аппарата и юстиции от особо скомпрометиро-

вавших себя нацистов и милитаристов. Некоторые офицеры западных оккупационных частей не понимали политики своих правительств, верили их заявлениям и совершенно серьезно воспринимали задачу денацификации. Об этом свидетельствует относительно высокое число арестов, приговоров и даже смертных казней нацистских преступников в первое послевоенное время.

Позднее западногерманские историки вменили децентрализацию полиции и чистку от нацистских и милитаристских элементов в вину ее западным «отцам». И сегодня они нередко говорят о том, что западные союзники грубо сломали хребет «испытанной немецкой уголовной полиции», «одной из лучших в мире» и поэтому именно они виновны в том, что эта полиция по сей день не стала тем, чем могла быть.

Однако «сломать хребет» можно только, если таковой имеется. Что касается уголовной полиции нацистской Германии, которая была под контролем фашистской партии и нацистской службы безопасности (СД), то она как раз всегда отличалась бесхребетностью. Впрочем, это нисколько не мешает подобным «историкам», многих из которых коснулись мероприятия по чистке летом 1945 года, делать подобные заявления.

Тем не менее нельзя не согласиться, что полиция, которую создали западные оккупационные власти летом 1945 года в своих зонах, была весьма далека от совершенства. Сам план создания полиции был чрезвычайно пестр. Американцы предпочитали и соответственно создали в своей оккупационной зоне привычную для них смешанную систему, что-то среднее между государственной и муниципальной полицией.

Французы придали полиции своей зоны черты централизованной государственной полиции, взяв за образец французскую Сюрте Насьональ, и свели число общинных полицейских органов к минимуму.

Наконец, англичане, следуя своей древней традиции прикрывать полицейское насилие видимостью демократии, стремились к радикальной муниципализации немецкой полиции по британскому образцу.

В результате в трех западных зонах, оккупационные власти которых по своей политической сути и антикоммунистической позиции были похожи как две капли воды, возникли совершенно различные полицейские структуры. Это неминуемо должно было привести к трудностям в межзональных полицейских связях и, скорее, мешало, чем способствовало борьбе с преступностью. Система подведомственности полномочий и информационной службы уголовной полиции в каждой зоне была организована по-своему.

В американской зоне, в которую входили земли* Бавария,

---

* Земля — исторически сложившиеся террриториальные образования в ФРГ и Австрии. В ГДР до 1952 года — крупные административно-территориальные единицы. — *Прим. перев.*

Гессен, Баден-Вюртемберг и Бремен, во всех общинах, насчитывавших до 5 тысяч жителей, была создана государственная, организованная на земельном уровне и позднее подчиненная правительствам земель полиция с относительно самостоятельными органами уголовного сыска. Крупные города и общины получили собственную муниципальную охранную и уголовную полицию. Кроме того, в каждой земле был создан центральный государственный орган уголовной полиции, который хотя и не мог давать указания нижестоящим органам, но должен был организовывать службу информации, опознание и розыск в границах данной земли. Первым центральным органом уголовной полиции в американской зоне было расположенное по традиции на Эттштрассе в Мюнхене Баварское земельное управление службы опознания (ландесеркеннунгсамт). Оно было создано уже весной 1946 года при участии известного немецкого криминалиста Роберта Гейндля и в скором времени приняло на себя функции, распространившиеся на всю американскую оккупационную зону.

Во французской оккупационной зоне, в которую входили земли Южный Баден, Южный Вюртемберг-Гогенцоллерн и Рейнланд-Пфальц, полиция с самого начала строилась как централизованная государственная служба с самостоятельной уголовной полицией. В каждой земле было создано земельное управление (ландескриминальамт), которому подчинялись нижестоящие органы уголовной полиции. Сбор и анализ информации, картотеки и розыскная служба были централизованы и организованы по единому принципу. Таким образом, административные границы и рамки подведомственности не мешали деятельности уголовной полиции. Немецкая уголовная полиция французской зоны, как и французская военная полиция, была известна своими жесткими методами и поэтому вызвала гораздо больше страха у преступников, чем полиция других западных зон.

Дальше всех от организационных принципов бывшей немецкой уголовной полиции отошли оккупационные власти британской зоны (земли Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Шлезвиг-Гольштейн и Гамбург). Этот отход был таким резким, что в первое время уголовная полиция здесь была вообще ликвидирована как самостоятельная служба и в соответствии с директивой британской военной администрации от 25 сентября 1949 года вошла в общую полицию. Бюро прописки, полностью исключенные из компетенции полиции, превратились в гражданские административные органы. Полиция в британской зоне, организационно приспособленная к ее административному делению, получила в каждом административном округе и в каждом городском районе, насчитывавшем сто тысяч и более жителей, самостоятельное полицейское подразделение — полицейгебит, при котором существовала и уголовная полиция. Все эти органы подчинялись только оккупационным властям и лишь спустя некоторое время перешли в распоряжение местных немецких органов власти. Несколько подразделений (полицейгебите) объединялись в так называемую

«группу» (полицайгруппе), при которой также существовало управление уголовной полиции, не имевшее, однако, никаких полномочий по отношению к нижестоящим органам уголовной полиции. Все эти службы были созданы произвольно, без учета географии преступности, и не столько способствовали, сколько мешали раскрытию преступлений. Поэтому уже через несколько недель они были распущены и заменены региональными ведомствами уголовной полиции, которые впоследствии переросли в земельные ведомства. В существовавших тогда административных районах были созданы полицейские комитеты, куда входили представители административных органов и разрешенных оккупационными властями партий. Комитеты должны были осуществлять надзор за деятельностью полиции и решать ее важные кадровые вопросы. Но на деле эти органы стали ареной муниципальной и политической борьбы за власть и «теплые» места и имели весьма ограниченное влияние на полицию.

Жесткая муниципализация уголовной полиции явилась причиной ее раздробленности и привела к тому, что полиция оказалась совершенно оторванной от остальной полицейской системы британской зоны, не говоря уже о других оккупационных зонах. Из-за этого вхолостую работал механизм пресловутой демократии и страдало население, которое должно было расплачиваться за это беспомощное детище британских властей. И только всякого рода мошенникам, которые не придерживались ни правил игры в демократию, ни муниципальных границ, это было на руку.

Так, в земле Шлезвиг-Гольштейн зимой 1945—1946 годов банда взломщиков долгое время безнаказанно разбойничала только лишь потому, что объектом своих набегов избирала усадьбы на границе с соседним полицейским участком. Даже если местная полиция прибывала вовремя, преступники вместе с добычей успевали ускользнуть через близкую «границу». Для перехода через границу своего участка местной уголовной полиции необходимо было получить не менее трех разрешений: одно от своего шефа полиции, другое от шефа полиции того участка, куда они хотели вторгнуться, и третье от компетентных оккупационных органов. Вся эта громоздкая процедура привела к тому, что многие полицейские считали свой долг выполненным, если выгоняли преступников на соседний участок. Конечно, долго так не могло продолжаться.

Именно поэтому в той зоне оккупации, где стремились к полной децентрализации немецкой полиции, было создано первое центральное зональное, не зависимое от общей полиции Управление уголовной полиции британской зоны (Криминальполицайамт дер бритаишен зоне). Правда, этот орган не имел ни директивных полномочий по отношению к другим органам уголовного розыска, ни исполнительной власти, то есть ему было далеко до Скотланд-Ярда. И все же он внес значительный вклад в борьбу с преступностью. Служба собирала информацию по всей зоне о тех преступлениях, которые были совершены на ее территории, сравнивала

их с преступлениями в других землях и сообщала о результатах заинтересованным органам уголовного розыска. Управление располагало центральной зональной картотекой, криминалистической лабораторией и помогало отдельным органам уголовной полиции земель и районов в опознании преступников, анализе следов на месте преступления и организации розыска по всей зоне. Управление уголовной полиции британской зоны подчинялось только оккупационным властям и совершенно не зависело от немецких органов власти.

Это положение сохранилось и впоследствии, когда земельные розыскные службы были переданы в ведение немецкой администрации земель. Со временем Управление было преобразовано в Федеральное ведомство уголовной полиции ФРГ — Бундескриминальamt (БКА).

МОШЕННИК С ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПАСПОРТОМ

Весенним днем 1946 года в старинную ратушу города Любек вошел офицер в форме майора венгерской армии. Он предъявил дипломатический паспорт на имя доктора Штефана Грегора Немета, уполномоченного комитета по репатриации и директора венгерского Красного Креста и с очаровательной улыбкой, однако весьма настойчиво, потребовал «официальной» аудиенции у обер-бургомистра.

Замотанный делами, глава ганзейского города был не в восторге от непредвиденного визита, но что ему оставалось делать: не заставляя же иностранного дипломата ждать. И доктор Немец был тотчас допущен к обер-бургомистру. Определенного дела у майора не было. Он заявил, что просто хотел нанести главе города визит вежливости, подобный визиту его гамбургскому коллеге. Поскольку в будущем им придется время от времени встречаться, отметил Немец, то будет полезно для обоих знать друг друга лично. Обер-бургомистр был совершенно с этим согласен, а так как посетитель не предъявлял никаких требований, а просил лишь о поддержке в его нелегкой, но благородной деятельности, то любекский обер-бургомистр нашел его исключительно милым человеком. Майор сообщил, что будет сотрудничать с немецким Красным Крестом и любезно предложил свои услуги на случай, если возникнут какие-либо сложности с венгерскими беженцами.

С каждой минутой майор нравился обер-бургомистру все больше и больше. В скором времени «лучшие круги» Любека и Гамбурга разделили его восторг. В обоих городах майор Немец организовал пункты по репатриации и потребовал, а вскоре и стал

получать через немецкий Красный Крест от соответствующих хозяйственных органов от 20 до 25 суточных продовольственных пайков для проезжающих венгерских реэмигрантов. Впоследствии выяснилось, что ни один венгерский реэмигрант не получил из этих пайков ни крошки. Продукты питания из без помощи отцов города были израсходованы самим Неметом.

Но это обнаружилось лишь спустя много месяцев. А весной 1946 года Немет был все еще элегантен и очарователен. Он пользовался таким расположением и любовью у сливок гамбургского и любекского общества, что считалось хорошим тоном быть знакомым с ним и даже бывать в его доме.

Этот любезный человек был милый хозяин и собеседник. И это при том, что жизнь сыграла с ним злую шутку. Тем не менее никто не слышал, чтобы он жаловался или ругал «немцев». Напротив! «Виноват во всем был только этот Гитлер, не так ли? Но Вы, уважаемая фрау и Ваш супруг, Вы же не Гитлер?»

Господи, какая объективность! От какого же иностранца услышишь подобное о немцах?

Вдобавок ко всему майор был баснословно богат. Правда, значительную часть своего состояния он потерял во время войны. Он говорил об этом при случае на своих вечерах, которые устраивал для высшего общества — точнее, для тех, кто считал себя таковым. Впрочем, он все еще владел ценными бумагами на сумму 900 тысяч рейхсмарок в немецких банках, не говоря уже о великолепных семейных драгоценностях. Иногда после бокала вина он в шутку давал примерить их какой-либо из дам. И, наконец, было совершенно очевидно, что у него снова по горло прибыльных дел. Он уже основал изрядное число фирм, и все они приносили высокий доход. Это было ясно из бухгалтерских отчетов, которые он охотно показывал каждому деловому человеку из числа своих знакомых, если тот проявлял интерес. Он был связан со столькими предприятиями, что вынужден был нанять двух личных секретарей и адвоката. Конечно, великодушный майор и в делах не был мелочным, напротив, он был всегда готов ввести некоторых состоятельных друзей в число пайщиков своих фирм. Наряду с этим Немет замышлял целый ряд других сделок: например, продажу прекрасного венгерского вина, которое не случайно пользуется такой славой во всем мире. Позднее так и не удалось установить, сколько же владельцев гостиниц и торговцев надеялись разбогатеть на этой сделке. Ясно только, что число их было довольно велико, так как Немет положил к себе в карман около 300 тысяч рейхсмарок.

На махинации, идея которой принадлежала его адвокату, он взял сразу 150 тысяч рейхсмарок. И все это с помощью чрезвычайно примитивного трюка. Одураченные Неметом люди поверили, что он сопровождал состав из восьми вагонов с партией венгерского вина от Мюнхена до границы зоны в районе Эйхенберга. И там из-за пустяковой небрежности в сопроводительных документах партия была задержана. Не хватало какой-то печати. «Мелочь»,

на которую в Венгрии не обратил бы внимания ни один чиновник. Но здесь у педантичных немецких служащих это, конечно, вызвало целый переполох. Постепенно все удалось уладить. Печать поставлена, и партия должна прибыть со дня на день. Таким образом, все как будто в порядке, но «небрежность со штампом» имела серьезные последствия для его бизнеса. Партнер Немета отказался из-за этих проволочек от сделки, и вот теперь на Немете висит вся партия вина. Чтобы не отправлять вагоны обратно в Венгрию, а это не даст ничего, кроме новых хлопот, он добился разрешения у своего правительства и у британских оккупационных властей сбывать вино в Германии внушающим доверие перекупщикам. О спекулянтах, разумеется, не может быть и речи. Имеются в виду честные торговцы, тем более что вино он может отдавать только крупными партиями, где-то от трех до четырех тысяч литров, и только за процентную плату вперед.

Разумеется, каждый хозяин гостиницы, владелец ресторана или торговец, с которыми Немет говорил об этом, считал себя кристально честным человеком. И почти каждый был готов внести требуемый задаток. Минимальная сумма, которую Немет получил в установленных следствием 11 случаях, составляла 6 тысяч рейхсмарок.

Были у майора Немета и другие махинации, как, например, «перевозка тел умерших». Осенью 1945 года одна жительница Гамбурга с большим трудом отыскала место где был похоронен ее погибший на войне сын. С этого времени она мечтала перевезти бранные останки сына на родину. Дело было очень сложным: миллионы оцов и сыновей лежали в чужой земле. Оно было тем более безнадежным, что в то время еще не существовало ни отрегулированной административной системы, ни соответствующих международных соглашений. Знакомые этой женщины, более реально смотревшие на вещи, советовали ей отказаться от дальнейших попыток. Она и сама уже примирилась с неудачей, но тут ее неожиданно познакомили с влиятельным и любезным венгерским майором. Женщина увидела в этом перст судьбы: ведь могила ее сына была как раз в Венгрии.

Исполненная решимости, она обратилась к майору, и тот сразу проявил большое участие. Конечно, можно организовать перевозку, и притом совершенно легально. Но для этого необходимо запастись терпением и преодолеть массу формальностей. Немет перечислил лишь некоторые из них, и бедной матери стало не по себе. Но находчивый майор сумел ее успокоить. Он сказал, что имеет некоторые связи в Союзном контрольном совете и, без сомнения, получит соответствующее разрешение.

И действительно, уже через неделю он появился у женщины и заверил ее, что дело сдвинулось с места. По его словам, ему не только удалось получить разрешение на перевоз тела, но и договориться с известным во всем мире похоронным бюро «Конкордия». Эта фирма находится в Берлине и оттуда будет осуществлять все необходимые действия. Нужно только перевести на ее счет задаток

в сумме 14 тысяч рейхсмарок. Женщина вручила Немету деньги, и он пообещал в ближайшее время привезти оформленные документы.

Всемогущий майор и на этот раз сдержал свое слово. Через несколько дней он принес заверенную у нотариуса копию квитанции за гроб, выписанную фирмой «Конкордия» в Берлине. В квитанции «Конкордия», кроме того, предъявляла счет на общую сумму 14 тысяч 820 рейхсмарок и 22 пфеннига за транспортировку пустого гроба из Берлина в Венгрию и оттуда назад в Гамбург (уже с останками). На приложенном счете сумма была разложена по отдельным статьям расходов.

Немет сообщил женщине, как выглядит гроб и каковы его размеры, и разъяснил правила международных железнодорожных перевозок тел умерших. Он опять просил ее набраться терпения, так как дела с транспортом обстояли далеко не лучшим образом.

Удовлетворенная заказчица внесла оставшиеся 820 рейхсмарок и 22 пфеннига и стала ждать. Проходила неделя за неделей, но ни гроба, ни каких-либо известий от фирмы «Конкордия» не поступало. Женщина забеспокоилась, начала наводить справки в гамбургских похоронных бюро и к своему ужасу узнала, что о фирме «Конкордия» никто никогда не слышал. Она наняла частного детектива, который занялся розыском в Берлине, но и там об этом «солидном и уважаемом» похоронном бюро ничего не знали.

Женщина нашла Немета, который как раз собирался организовать еще одну перевозку тела. Увидев перед собой разгневанную клиентку, майор не растерялся. Бюро «Конкордия» переехало из Берлина в Вену, заявил он. Когда спустя короткое время выяснилось, что такого бюро нет и в Вене, Немет сказал, что теперь «Конкордия» окончательно обосновалась в Будапеште. И чтобы доказать, как не права его заказчица со своими подозрениями, он предложил ей поехать с ним в Венгрию и в ее присутствии на месте урегулировать вопрос. Для этого нужно было лишь 10 тысяч рейхсмарок для оплаты расходов во время поездки.

Осуществить это намерение ему уже не удалось. Уголовная полиция, имевшая достаточно материала против Немета, вмешалась, наконец, в это дело. Уполномоченная британскими оккупационными властями, любекская полиция уже несколько недель собирала сведения о подозрительном венгерском дипломате. В отделе общественной безопасности — Public Safety Branch (PSB), который осуществлял контроль за немецкой полицией в британской зоне, также навели справки. Вскоре не осталось никаких сомнений: человек с дипломатическим паспортом — отъявленный мошенник.

Немецкие банки, в которых Немет якобы хранил свои ценные бумаги, понятия о нем не имели, а фирмы, якобы основанные им, в доказательство чего он показывал соответствующие документы, все без исключения были дутыми. Они никогда не существовали, как, впрочем, и восемь вагонов венгерского вина или похоронное бюро «Конкордия». И уж конечно, фальшивыми были его дипломатический паспорт и докторская степень. Венгерское правитель-

тво, узнав о деятельности, которую господин Немет развил от его имени, заявило по радио, что Немет не является ни венгерским дипломатом, ни директором венгерского Красного Креста, ни уполномоченным венгерского Комитета по репатриации, а просто крупный аферист.

Но для бывших друзей «майора» дело обернулось еще хуже. Когда уголовная полиция повнимательнее занялась жизнью Немета, выяснилось, что душа общества, любимец женщин и необыкновенно удачливый делец, которого так восторженно приняло «высшее общество» Гамбурга и Любека, был злостный рецидивист Иштван Геза Немет, имевший двенадцать судимостей. Еще до войны он «специализировался» на обмане владельцев отелей и торговцев, причем всегда присваивал себе исключительно звучные и соответствующие духу времени имена, как, например, барон фон Мансфельд. В конце концов по требованию нацистской уголовной полиции Немет как «злостный рецидивист» был заключен в один из концентрационных лагерей.

Когда в 1945 году ворота лагерей распахнулись, Немету, как и многим другим уголовникам, удалось скрыться и начать новую карьеру.

Что ж, это тоже было чертой того бурного времени. В хаосе крушения фашистского немецкого государства двери тюрем открылись не только для измученных, истерзанных, пострадавших политических жертв кровавой нацистской юстиции; были освобождены и многие преступники. Так, в трех западных зонах в послевоенной неразберихе бесследно исчезли свыше 6 тысяч профессиональных и привычных преступников*. Немет, приговоренный в феврале 1948 года земельным судом Любека к четырем с половиной годам тюрьмы за мошенничество и тяжелые хозяйственные преступления**, был лишь одним из них.

Этот наглый аферист, о котором, кстати, ни один человек не мог с уверенностью утверждать, что его имя действительно Немет, ни в полиции, ни на суде не сознался в своей вине. Поэтому приговор основывался только на показаниях свидетелей и ряде косвенных улик. Немет не сообщил даже своих анкетных данных. Для установления его личности пришлось прибегнуть к дактилоскопической экспертизе и привлечь к делу управление полиции Вены, шефа королевской полиции Копенгагена и центры криминалистической информации уголовной полиции Мюнхена и Карлсруэ.

Дело Немета было далеко не единственным. Только в районе Любека наряду с многочисленными мелкими мошенниками дейс-

---

* «Привычная» (рецидивная) преступность — термин в уголовном праве ФРГ. — *Прим. перев.*

** Под этой категорией преступлений в законодательстве многих западных стран понимаются разного рода спекулятивные сделки, связанные, в основном, с присвоением денег, различные посягательства на частную собственность, не являющиеся кражами. — *Прим. отв. перев.*

твовали еще два афериста такого же крупного масштаба. Одним из них был имевший семнадцать судимостей Пауль Фридрих, он же Паулу Лауренс, который выдавал себя за баснословно богатого владельца фирмы «Кофе-Лауренс» из Сантуса (Бразилия). Он создал дутую процветающую фирму, втерся в доверие к нескольким западногерманским предпринимателям и пообещал им колоссальные заказы на сельскохозяйственные машины. При этом он действовал так уверенно, что даже опытные специалисты были совершенно убеждены в том, что ведут переговоры лично с «королем кофе» Лауренсом. Кроме того, Фридрих занимался таким прибыльным делом, как организация выезда через Бразилию в другие страны для желающих покинуть Германию. Приговоренный в апреле 1946 года британским военным трибуналом в Любеке к четырем годам тюрьмы, он уже в конце 1947 года вновь оказался на свободе и сразу затеял новые мошенничества. На этот раз он выдавал себя в земле Шлезвиг-Гольштейн за богатого бразильца Лауренса. Удивительно, но ни одной из его многочисленных жертв не показалось странным, что мнимый бразилец ни слова не понимал по-португальски, который является официальным языком в Бразилии.

В декабре 1947 года уголовная полиция Любека арестовала рецидивиста Курта Ройтера, имевшего четырнадцать судимостей. Заявление о правонарушителе поступило от Комитета по денацификации. Мнимый доктор наук и инженер Ройтер, которому с помощью фальшивых документов и ложных заявлений удалось выдать себя за политического заключенного, занялся чрезвычайно своевременным и доходным делом. За суммы от 550 до 30 тысяч рейхсмарок он обещал многим бывшим членам нацистской партии ускорить прохождение дел по их денацификации. Он говорил, что делает это через знакомого британского офицера контрольной комиссии в Киле. Его клиентами были, главным образом, врачи, учителя, мелкие предприниматели и их жены, которые боялись ответственности за свое сотрудничество с фашистскими организациями. От исхода «денацификации», то есть от решения Комитета по денацификации, в то время зависело, смогут ли бывшие нацисты сохранить свою работу и состояние или на них распространится «закон о запрете на профессию» (беруфсфербот)*. Они могли быть привлечены и к судебной ответственности. Это было время, когда бывшие «маленькие наци» дрожали от страха за свою судьбу, а за желанную оправдательную бумажку низко кланялись даже

---

* В настоящее время этот закон правительство ФРГ «повернуло» против тех, кто борется с возрождением фашизма, за демократические принципы внутри ФРГ, за мир и разрядку международной напряженности. Практика сегодняшней Западной Германии пестрит фактами преследования людей за принадлежность к Коммунистической партии, демократическим организациям типа Международной ассоциации юристов-демократов. Зато этот закон в отношении как бывших, так и новых нацистов молчит. — *Прим. отв. ред.*

болтать у стойки Хоникеля. Однако обычно столь словоохотливый Хоникель был на этот раз удивительно молчалив. И не без причины. Еще в момент ограбления он сообразил, что всему виной была его болтливость. Чтобы не потерять вслед за мешком с деньгами свою пенсию, заработанную 22 годами службы на почте, он решил держать язык за зубами. Это создало немало трудностей и вызвало ряд промахов шефа уголовной полиции Ристера. Хоникель мог бы многое рассказать, но молчал. Его коллеги и другие свидетели были готовы помочь следствию, но знали очень мало, ведь все случилось так неожиданно и так быстро. Ристер готов был рвать на себе волосы от досады, тем более что и CID в своих расследованиях не продвинулась ни на шаг. В довершение ко всему выяснилось, что номер машины, на который полиция возлагала столько надежд, был записан регулировщиком неправильно.

Правда, в полицию поступил ряд сообщений о подозрительных иностранцах, а в ходе расследования на крючок попало немало немецких и американских спекулянтов и контрабандистов, но ни один след не навел на грабителей.

Казалось уже, что и это дело пополнит список нераскрытых преступлений, когда в уголовную полицию поступило донесение о том, что в Хюттендорфском лесу, вблизи от автомагистрали, обнаружен автомобиль, с помощью которого было совершено преступление. Серый «Форд» стоял недалеко от того самого места, где 10 дней назад лесник нашел угнанный красный «Шевроле» американского лейтенанта из Цвингенберга. Взаимосвязь между обеими автомобильными кражами и почтовым ограблением была очевидна. И тем не менее Ристер распорядился передать найденный «Форд» его владельцу, не проведя предварительно основательной работы по установлению следов, возможно оставленных преступниками. 10 дней назад он точно так же поступил с «Шевроле». Таким образом, вполне вероятно, что Ристер сам упустил те доказательства, которых ему впоследствии так не хватало.

Цельми днями уголовная полиция прочесывала маннгеймские пивные в районе порта и в увеселительном квартале по 19-й Кверштрассе*. Так как конкретных данных у полиции не было, разыскивались вообще «виртуозы вождения автомобилей», у которых в последнее время были замечены крупные суммы денег. Во время этой операции одному из сотрудников уголовной полиции стало известно о необычной сделке на «черном рынке». Какой-то неизвестный незадолго до почтового ограбления скупал патроны для пистолетов по 5 марок за штуку и в придачу давал пачку американских сигарет. Посредником сделки был хозяин пивной, который теперь все отрицал. Однако от чиновника полиции не ускольз-

---

* Кверштрассе — поперечная улица. Центральная часть Маннгейма имеет так называемую структуру шахматной доски, отдельные кварталы обозначаются буквами и цифрами. Цифровое обозначение имеют и параллельные улицы. — *Прим. перев.*

нуло беспокойство трактирщика, вызванное его вопросами. Он начал вести слежку и вскоре напал на след. Перепуганный трактирщик не придумал ничего лучше, чем прямым ходом направиться к своим клиентам, и невольно вывел полицию на квартиру братьев Штук.

Ристер решил повременить с арестом, но организовал неусыпное наблюдение за подозреваемыми. С этого момента ему был известен каждый шаг братьев.

Следующий штрих в общую картину преступления внесла одна проститутка, которая навела полицию на след группы спекулянтов строфантином. По ее словам, одним из главарей спекулянтов был человек по имени Роберт, разъезжавший на черном «Опель-капитане». Так Ристер напал на след Кнабеншу. Тому надоел отдых, и он снова оживился в темные дела маннгеймского преступного мира. Был объявлен розыск «Опель-капитана» с антенной на правой стороне. Поначалу никакой связи с почтовым ограблением не обнаружилось. Поэтому уголовная полиция пыталась продвинуть вперед расследование с помощью братьев Штук. Они были арестованы и допрошены о покупке боеприпасов. Но как ни нажимал на них комиссар полиции Факель, который вел допрос, братья оставались непроницаемы. Об их связях с Кнабеншу полиции по-прежнему ничего не было известно.

Не прошло и часу с момента ареста братьев, как Красавчик Роберт пронюхал об этом. Не долго думая он направился в управление полиции, покрутился в вестибюле и наконец оказался у двери, за которой во весь голос ругался комиссар Факель, выведенный из себя этими «тупыми» братьями Штук и их «дурацкой» ложью. Вот таким до смешного простым способом Кнабеншу получил из первых рук нужную информацию. Курьер управления с готовностью выложил ему, что братьев «опять» отправили в маннгеймскую земельную тюрьму на Вальдхофер-штрассе. Кнабеншу поехал к тюрьме и до тех пор свистел под окнами камер, пока за одной из решеток не показалось лицо Франца Штука. Скупыми, но очень понятными для Кнабеншу жестами Франц как верный друг сообщил ему об опасности. Приобретенные на похищенные деньги черный «Опель-капитан» Кнабеншу, новый грузовик Бройнинга и мотоциклы должны были немедленно исчезнуть.

Кнабеншу сумел перехватить также адвоката доктора Фердера, который и раньше защищал братьев, уже не раз вступавших в конфликт с законом, и осторожно выведал у него все. Только после этого он вызвал по тревоге своих сообщников Бройнинга и Гернера, ожидавших известий в его бунгало, в Вальдхоф-Гартенштадте. Втроем они обсудили сложившуюся ситуацию и не увидели особого повода портить себе уикэнд. Бройнинг заявил, что эти болваны из уголовной полиции слишком глупы, чтобы разгадать такое дело, и вместе со своим закадычным другом Гернером преспокойно отправился в Фюрт на футбольный матч.

Но они просчитались. Шеф полиции Ристер продолжал энергично вести розыск черного «Опель-капитана». Все полицейские

службы земли, жандармерия и даже полевые сторожа были привлечены к розыску, так что уже в тот самый вечер, когда Бройнинг и Гернер поехали в Оденвальд, полицейский патруль обнаружил автомобиль на 17-й Кверштрассе Маннгейма. Кнабеншу завернул туда со своей невестой, Брюнеткой Анитой, распить бутылочку вина. Патруль незаметно установил, кому принадлежит машина, и на следующее утро Кнабеншу был арестован. Он как раз собирался удрать вместе со своей невестой в Кассель, в окрестностях которого, как он выяснил, можно было месяцами жить без прописки.

Бройнинга и Гернера Ристер заманил в ловушку с помощью элементарной уловки. Поскольку Фюрт находился в Баварии, то есть вне пределов его компетенции, а направлять в соответствующие инстанции официальную просьбу о разрешении на арест было делом хлопотным и медленным, он приказал сообщить обоим через местного жандарма, что их друг Кнабеншу попал в тяжелую автомобильную аварию и просит их срочно приехать в Вальдхоф-Гартенштадт. Бройнинг и Гернер немедленно явились.

Таким образом три грабителя и оба их сообщника были благополучно взяты под стражу. Но это мало что дало полиции. Веских доказательств не было, а подозреваемые и не думали ни в чем сознаваться. Неделями бились с ними сотрудники полиции понапрасну, прибегали ко всевозможным уловкам, прельщали обещаниями. Когда стало ясно, что таким путем успеха не добьются, полиция вспомнила о показаниях прохожих, которые видели в лесу под Фирнхаймом угнанный «Шевроле» и каких-то парней возле него. С тех пор прошло много времени и шансы найти какие-либо следы были ничтожны. Тем не менее несколько сотрудников были направлены в Хюттендорфский лес. К всеобщему удивлению, они и в самом деле кое-что обнаружили. Это были следы от мотоцикла заговорщиков и старая квитанция бензозаправочной станции. На бумаге был виден штамп бензоколонки и пятнадцатый телефонный номер, одна из цифр которого была плохо различима.

Установить, кто получил квитанцию, на бензозаправочной станции не удалось. Вся старая документация была отправлена с макулатурой на переработку. Зато кое-что удалось выяснить с помощью телефонного номера. Предпоследнюю цифру можно было прочесть и как «8», и как размазанную «2». В последнем случае это был телефонный номер акушерки, оказавшейся теткой братьев Штук. Однако интерес для уголовного полиции представляла не столько она, сколько ее дочь. Дело в том, что она была одной из любовниц Кнабеншу.

Уголовная полиция снова взяла в оборот всю компанию и сумела на этот раз во время допроса так запутать их, что в конце концов Франц Штук не выдержал и сознался в угоне серого «Форда». К его признанию присоединились и остальные. Но нападение на почтовый автомобиль все пятеро по-прежнему отрицали. По их словам, их наняли для угона машины. Заплатили им некие Рудель, Толстяк и Длинный. Они так подробно описывали своих заказчи-

ков, что полиция арестовала по меньшей мере полдюжины невинных людей на основании этих примет.

Раздосадованный неудачами Ристер решил прибегнуть еще к одному рискованному трюку. Он сделал вид, что верит показаниям Кнабеншу, взял в разговорах с ним отеческий тон и даже предложил ему помочь уголовной полиции в розыске грабителей Руделя, Толстяка и Длинного. Для этого Красавчик Роберт должен был в сопровождении своей подружки Аниты и сотрудницы полиции Инги Лотман побродить по пивным города, высматривая эту тройцу.

Так в 1950 году в Маннгейме произошло то, что во времена Видока считалось высшим достижением полицейского сыска, а впоследствии стало рассматриваться как весьма спорный прием. Красавчик Робби шатался в свое удовольствие по пивным Маннгейма в обществе двух привлекательных молодых дам, отдыхая от камеры и ячменного кофе. Под присмотром уголовной полиции он быстро «нализался», тем более что платил он не из своего кармана. Но все расходы оправдали себя. Целиком поглощенный коньяком и пышными формами Аниты, Кнабеншу не заметил, что Инга Лотман почти ничего не пила, в то время как он опрокидывал одну рюмку за другой. Поэтому, когда Инга ловко притворилась пьяной и «вздremнула», якобы хватив лишнего, у него не возникло ни малейшего подозрения.

Кнабеншу казался себе необыкновенно умным, от души потешался над «сонной полицейской ищейкой» и наконец начал выкладывать истории из своей грабительской практики. Он сулил Аните золотые горы, благо денег у него теперь было предостаточно. А поскольку он не скупился на подробности, сотрудница полиции услышала не только его обещания Аните, но и то, как сообщники поделили и упаковали в ящики добычу, часть зарыли в подвале, часть спрятали на чердаке под стропилами.

Даже Ристер был поражен такой откровенной глупостью Красавчика Роберта. Оставалось только собрать доказательства, которых следствию так долго недоставало. Однако в указанных тайниках была найдена далеко не вся похищенная сумма. В подвале хранились только 24 тысячи марок, на чердаке 21 тысяча.

Отрицание вины уже не могло помочь грабителям, пришлось сознаться во всем. Наконец-то шеф маннгеймской уголовной полиции Ристер смог приписать первое после войны скандальное почтовое ограбление к раскрытым преступлениям. Пресса превозносила его до небес.

Правда, большую часть денег так и не нашли. Из 160 тысяч марок к середине октября 1950 года удалось собрать лишь 64 тысячи 818 марок 30 пфеннигов. К этому времени вся компания уже отсиживала полученный срок.

Но история имела продолжение. Спустя семь месяцев после процесса над Кнабеншу и его сообщниками суд земли в Маннгейме приговорил к различным срокам тюремного заключения еще трех второстепенных действующих лиц почтового ограбления:

«Брюнетку» Аниту и ее тетку Марию Дубайль за пособничество в трате награбленных денег и адвоката Фердерера, защитника братьев Штук и Кнабеншу. Анита и ее тетка получили по 9 месяцев. Доктор Фердерер был приговорен к тюремному заключению сроком на 1 год и 4 месяца и денежному штрафу в сумме 15 тысяч 200 марок.

Вообще этот «доктор обоих прав» не только положил в карман баснословный гонорар, выплаченный из похищенной суммы, но еще и активно помогал Кнабеншу, уже сидящему за решеткой, тратить награбленные деньги на всевозможные деликатесы.

МОШЕННИКИ ИЗ КОМИССАРИАТА

Среди занимающих высокие должности стражей закона нередко встречаются те, кто, в сущности, должен бы находиться по другую сторону барьера в зале судебного заседания. Трудно поверить, какие невозможные вещи творятся под прикрытием тоги богини правосудия, какие мошеннические физиономии прячутся часто за ее повязкой.

В первые послевоенные годы на улице Герихтсштрассе во Франкфурте-на-Майне, где находится прокуратура, имел свою резиденцию некий граф Винсенс фон Кроков-Кроковски. Его выступления на суде наводили ужас в равной степени и на судей, и на свидетелей, и на обвиняемых. Этот прокурор, который за долгие годы учебы в Сорбонне совершенно разучился говорить по-немецки, но так и не научился говорить по-французски, был уникальным явлением даже для послевоенной Западной Германии. Никого уже не удивляло, если на утреннем заседании он требовал приговора к тюрьме за обычную клевету, а после обеда настаивал на небольшом денежном штрафе за зверское изнасилование.

Объяснялось это вовсе не его капризным характером и не произвольным толкованием законов. Дело в том, что франкфуртский прокурор вообще не знал законов. Уважаемый граф Винсенс не был на самом деле ни юристом, ни графом. Это был аферист чистой воды, который в 1945 году появился в судебном ведомстве земли Гессен и безо всякой проверки, без каких-либо документов получил место прокурора. Мечислав Кроковски (именно так звали этого проходимца), бывший капрал литовской армии, действительно служил некоторое время судебным секретарем, но основным его занятием еще до войны были разные мошенничества.

Тогда он выдавал себя за барона. Кроме того, он уже был судим за двоеженство.

Этот авантюрист был далеко не единственной паршивой овцой в стаде франкфуртской прокуратуры. В том же 1950 году, когда «графу» пришлось сменить кресло прокурора на скамью подсудимого, франкфуртский суд рассматривал дела еще двух прокуроров. Один из них, некий Карл Мильш, привлекался к ответственности

за клевету. Он обвинил своего начальника во взяточничестве. Взятка была дана, по его утверждению, в виде куклы. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что Мильш тоже никогда не был юристом и прокурором, зато его отлично знали в сумасшедшем доме. Благодаря поддержке гессенского судебного ведомства осуществилась его заветная мечта, и он смог наконец сыграть в ФРГ ту роль, которую до этого долго играл лишь в психиатрической больнице.

Что касается третьего прокурора, доктора Отто Грюнинга, то это был действительно настоящий юрист, без подвоха. Однако и ему пришлось повесить на гвоздь судебную мантию и берет и отправиться в тюрьму. Вместо того чтобы вести беспощадную борьбу со спекуляцией, этот страж закона сам пустился во все тяжкие на «черном рынке».

Не лучше обстояли дела и в уголовной полиции. И здесь всегда были (и остаются по сей день) проблемы с персоналом. В конце 1948 года американские оккупационные власти выдвинули серьезные обвинения в адрес западногерманской уголовной полиции в связи с незаконными обысками квартир и арестами. В конце концов американская военная администрация была вынуждена обратиться через прессу и по баварскому радио к населению с призывом оказывать сопротивление полицейскому произволу. Чиновники уголовной полиции, которые именем закона «конфисковывали» чужое имущество в собственный карман, изымали товары у спекулянтов, чтобы самим спекулировать ими, брали взятки или занимались вымогательством, были далеко не редкостью. Вряд ли существуют преступления, будь то обычная кража, вооруженное нападение или убийство, которые в ФРГ не совершались бы чиновниками уголовной полиции.

Так, например, в декабре 1950 года начальник полиции Франкфурта-на-Майне доктор Иесс отдал приказ об аресте целой дюжины сотрудников своего аппарата, которые, как выяснилось, давным-давно были подкуплены спекулянтами и торговцами «черного рынка». Причем в числе этих криминалистов-уголовников была не только мелкая сошка вроде ассистента уголовной полиции Карла Хенкеля, но и начальник комиссариата по борьбе с «черным рынком», комиссар уголовной полиции Тео Дайте.

Комиссариат К-6 Дюссельдорфа, называвшийся в то время Комиссариатом по борьбе с «черным рынком», а впоследствии Комиссариатом по борьбе с мошенничеством, в сентябре 1950 года был практически в полном составе во главе со своим шефом заключен в тюрьму. Дело в том, что и его уголовная деятельность была гораздо шире, чем криминалистическая. В марте 1950 года двенадцать сотрудников дюссельдорфской уголовной полиции разом лишились своих служебных знаков, когда 53-летняя стенографистка Лили Квирин из К-6 начала выкладывать все, что знала.

13 октября 1947 года вахмистр полиции Отто Кальва конфисковал у четырех дюссельдорфских спекулянтов 17 тысяч пар перловых чулок. Из них доблестные рыцари порядка из К-6 остави-

ли себе полторы тысячи пар, а остальные передали фирме Кох для продажи. В течение нескольких дней из выручки, переданной фирмой комиссариату после продажи, бесследно исчезли 1300 марок.

14 августа 1948 года криминаль-майстер К-6 Дикхернер конфисковал у экспедитора Николауса Хальгера 9 тысяч 600 американских сигарет и 2 тысячи 400 марок наличными и положил их на хранение как вещественные доказательства в свой служебный кабинет. На следующий день и то и другое исчезло без следа. А ровно год спустя в этом же комиссариате пропал целый грузовой автопоезд со 100 центнерами кофе. Произошло это так.

В субботу 13 августа 1949 года инспектор уголовной полиции Иоахим Людер дежурил в полицейском управлении Дюссельдорфа на Юргенплац 3—7. Все было спокойно, и инспектор Людер изнывал от скуки. Он доводился племянником бывшему шефу имперской уголовной полиции Артуру Небе, которого гестапо расстреляло после 20 июля 1944 года. Коллега Людера, вахмистр Шефер, составлял ему компанию, хотя его рабочий день давно закончился. Около 16 часов раздался телефонный звонок, и неизвестный сообщил, что в районе Хильдена, на дороге, выходящей на автостраду, стоит грузовой автопоезд со 100 центнерами кофе, предназначенным для «черного рынка» Дюссельдорфа. Не передав информацию таможенной противоконтрабандной службе, занимавшейся вопросами контрабанды кофе, инспектор Людер сам поехал на место, прихватив с собой Шефера. Там они действительно нашли автопоезд и при нем трех человек. После некоторого колебания один из них назвал себя сотрудником таможенной противоконтрабандной службы из Линдау на Боденском озере и пояснил, что эта партия кофе всего лишь приманка для дюссельдорфских спекулянтов. В результате кропотливого и длительного розыска таможенный инспектор Шнайдер сумел подобраться к этой банде и подстроить им ловушку. Это должно было поставить последнюю точку и окончательно изобличить спекулянтов. Однако ревностные горе-сыщики из К-6, Людер и Шефер, не долго думая объявили все это (в том числе и подлинные удостоверения трех таможенников) чистейшим надувательством, арестовали их, а кофе приказали везти к полицейскому управлению. Автопоезд поставили перед зданием управления. Пока Людер добросовестно старался выудить у таможенников признание, Шефер время от времени посматривал в окно. Так прошло около часа. Вдруг Шефер воскликнул: «Автопоезд исчез!»

И в самом деле. Среди бела дня прямо из-под носа у полицейских, чуть ли не на глазах у Шефера, кто-то увел огромный грузовой автопоезд. Спустя два дня полиция нашла его в предместье Дюссельдорфа. Разумеется, он был пуст. Часть кофе таможенный инспектор Шнайдер обнаружил вскоре после этого на складе дюссельдорфского экспедитора и крупного спекулянта кофе Рауша. Таможенная противоконтрабандная служба установила, что Рауш был не только шефом банды спекулянтов кофе, но и инициатором

кражи автопоезда. Этот тип, будучи экспедитором, заказал крупную партию кофе в Линдау, и тут ему пришло в голову, что можно заработать гораздо больше, не покупая кофе, а похитив его. Он и не подозревал, что таможенная служба расставляла на него сети, отправив эту партию. Тем, что его план сработал безупречно, он был обязан не только невероятной тупости и невежеству инспектора уголовной полиции Людера, но и своему закадычному другу вахмистру Шеферу.

План угона транспорта кофе был отлично известен Шеферу, и он сделал все для его осуществления, за что получил солидный куш. Анонимный телефонный звонок был от самого Рауша. Шефер уговорил Людера конфисковать кофе и поставить автопоезд перед полицейским управлением. В это время его сообщник уже ждал на углу улицы. Когда Шефер дал из окна условный знак, Рауш преспокойно сел за руль и увез весь груз.

Конечно, очень плохо, что в дюссельдорфской полиции окопались такие уголовные элементы, как Шефер, но то, что их покрывало начальство, старшие чиновники и даже директор уголовной полиции, старший советник Миттельштейнер, а впоследствии протекцию им оказывал сам полицей-президент Симон, просто не укладывается в голове. Прокурор возбудил ходатайство перед отделом полиции министерства внутренних дел земли Северный Рейн-Вестфалия об освобождении от должности полицей-президента. Симон оказывал на свидетелей давление, запугивал их и строго запретил своим подчиненным давать показания, изобличающие полностью разложившихся «борцов» со спекуляцией из К-6. Но министерство юстиции смотрело на деятельность Симона сквозь пальцы. Нетрудно догадаться, почему... Прошло немало времени, и только после многочисленных жалоб и настойчивых требований Симону пришлось держать ответ. А между тем наступили новые времена, времена холодной войны и демонстрации реваншистских сил. Пробыл час тех, кто умел ловко замять дело и обелить запятнанное прошлое фашистских мракобесов. Это было время, когда изо всех щелей выползало все больше старых нацистов. В период послевоенного опьянения процессом демократизации им пришлось расстаться с полицейской службой; теперь же именно они пользовались безупречной репутацией и получали теплые места в аппарате полиции.

В том же Дюссельдорфе, где уголовная полиция сама была заражена преступными элементами, ее шефом был назначен криминальрат* доктор Бернгард Венер, обладавший опытом особого рода. До 1945 года Венер был гауптштурмфюрером СС и комиссаром по уголовным делам в V управлении (уголовная полиция) РСХА**. На его совести не только уничтожение советских воен-

---

* Советник уголовной полиции. — *Прим.перев.*

** Главное управление имперской безопасности СС. — *Прим. перев.*

нопленных в концентрационном лагере Бухенвальд, но и сокрытие чудовищных преступлений фашистов. Так, например, занимая пост командира зондеркоманды РСХА, он принимал активное участие в фабрикации официальной нацистской документации о так называемом «кровавом воскресеньи» в Бромберге*. 3 сентября 1939 года немецкие части ворвались в Бромберг. Нацисты воспользовались боевыми действиями, чтобы ликвидировать тех, кто слишком много знал об их преступлениях, в том числе и агентов своей собственной «пятой колонны». Организованные ими убийства они выдали за «зверства поляков и большевиков» и, опираясь на эту ложь, учинили резню польских граждан и узников концентрационных лагерей. На Нюрнбергском процессе было установлено, что «кровавое воскресенье» в Бромберге стоило жизни по меньшей мере 23 тысячам 500 человек. Венер немало потрудились, чтобы замазать это преступление нацистов. Член НСДАП с 1931 года и сотрудник РСХА с 1940 года, Венер «расследовал» в 1942 году по личному поручению Гимmlера дело об убийстве бывшего шефа политической полиции и разведки СС в фашистской Германии, группенфюрера СС Гейдриха**, а в июле 1944 года — покушение на Гитлера. Стараясь оправдать доверие, Венер исправно отправлял все новые партии жертв в застенки гестапо, где их ждали пытки и смерть, за что получил орден «За боевые заслуги» первой степени с мечами. И после войны на посту шефа дюссельдорфской уголовной полиции он не раз доказывал неизменную верность своим старым нацистским взглядам.

Так, например, в январе 1959 года западногерманские нацисты намалевали на здании синагоги в Дюссельдорфе фашистские лозунги и свастику. Для Венера сразу было ясно, что сделать это мог только противник политики Аденауэра коммунист Клир.

На суде обнажилась вся несостоятельность обвинения. Предвзятость Венера в этом деле получила такую же широкую огласку, как и его нацистское прошлое. Тогда Венер, чтобы спасти свою репутацию, затеял процесс против журналиста из газеты «Ди тат». Поводом послужила публикация в газете письма одного читателя, в котором Венер метко характеризовался как «правая рука Гейдриха». Процесс Венер проиграл. В мотивировке судебного решения говорилось, что у суда «имеются серьезные сомнения в отношении того, может ли советник уголовной полиции доктор Венер претендовать на защиту судом своей чести ввиду доказанного судебным следствием политического обвинения». Однако эти сомнения нико-

---

* Бывшее немецкое название польского города Быдгощ. Эти вымыслы нацистов и их покровителей были подхвачены лидерами польской «Солидарности», стремившимися к власти и подрыву социализма в ПНР, а также к фальсификации событий второй мировой войны и искажению роли Советского Союза в освобождении Польши от гнета нацизма. — *Прим.отв.ред.*

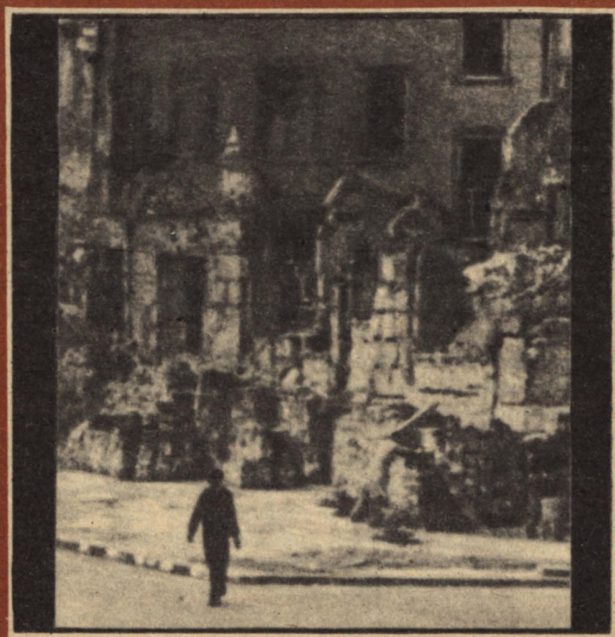
** С 1942 года Гейдрих был назначен имперским наместником Богемии и Моравии. Убит в Праге в июне 1942 года. — *Прим. перев.*

им образом не отразились на карьере Венера. Он остался на своем посту, а спустя некоторое время даже стал ответственным редактором журнала «Криминалистик». Вместе с ним на ключевые позиции уголовной полиции ФРГ стали пролезать и многие другие «слуги закона с коричневым прошлым», которым в первые послевоенные годы пришлось на время расстаться со службой. Причем это возвращение в строй нацистских кадров совершенно открыто оправдывал уже в 1948 году бывший начальник прусской земельной уголовной полиции, консультант издававшегося в годы нацизма Гейдрихом журнала «Криминалистик», а впоследствии первый президент Федерального ведомства уголовной полиции доктор Макс Хагеман. В своей брошюре «Что будет с немецкой уголовной полицией?» он писал, что, создавая новую германскую полицию, надо опираться, «за редким исключением», не на молодые, то есть необремененные прошлым и уж тем более антифашистские, силы. В первую очередь, «старые, воспитанные в строжайшем повиновении недвусмысленному закону и испытанные кадры, которые и в годы смятения оставались верны своему внутреннему правосознанию и чувству человечности... должны взять на себя тяжелую обязанность вновь вступить в должности и занять оголившиеся позиции...» И они повалили толпами, по-прежнему бодрые и верные духу прошлого. Они заполнили уголовную полицию, постепенно прибрали к рукам все важные посты и стали «размножаться» с такой скоростью, что 9 октября 1959 года газета федерального правления Объединения немецких профсоюзов «Вельт дер арбайт» писала с озабоченностью: «Уголовная полиция ФРГ полностью находится в руках бывших руководителей гитлеровской СС». И надо сказать, что эти «испытанные кадры» очень скоро заставили вновь говорить о себе. Правда, не столько в связи с успехами в борьбе с преступностью, сколько в тех случаях, когда речь шла о преследовании политических противников, и в первую очередь коммунистов и других прогрессивных сил.

Глава 2

**ОТ СЛУЖБЫ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ
БРИТАНСКОЙ ЗОНЫ
К ФЕДЕРАЛЬНОМУ
ВЕДОМСТВУ
УГОЛОВНОЙ
ПОЛИЦИИ**

СМЕРТЬ ПРИШЛА ПО ПОЧТЕ

Четверг 29 ноября 1951 года. На почтамте в Эйstrupе (Нижняя Саксония) очень оживленно. У окошка — 19-летняя Маргарет Грюнкле, посыльная с мармеладной фабрики Гебберт и К°. Почтовый служащий передает ей корреспонденцию для фирмы и обращает ее внимание на посылку в форме цилиндра, которую доставили накануне скорым поездом из Бремена. Вообще-то посылку следовало сразу же отнести адресату, господину Майнцу, но было уже довольно поздно, и на почте решили подождать до утра. Господин Майнц, компаньон мармеладной фабрики, вероятно, не будет в большой претензии из-за этой задержки.

Маргарет Грюнкле берет почту, с любопытством осматривает посылку и заверяет, что маленькая задержка действительно не имеет значения.

«Только сразу же отдайте это шефу», — напоминает служащий.

Ответить Маргарет уже не успевает. Страшный взрыв раздается в зале почтамта. Со звоном вылетают стекла, вверх взвивается столб пламени, начинается неопишуемая паника. Маргарет Грюнкле мертва.

В то самое время, когда на почтамте взорвалась адская машина, всего в 100 метрах от него у шлагбаума остановился черный «Адлер триумф юниор», в котором сидели молодой человек и девушка. Они ждали, пока поднимут шлагбаум. Мимо шел прохожий, и молодой человек, высунувшись из машины, спросил: «Здорово рвануло! Кто-нибудь пострадал?»

Прохожий ничего не знал, но машина и люди в ней показались ему подозрительными. На всякий случай он запомнил номер FB-214426 и немедленно сообщил его полиции.

Уголовная полиция города Ферден тотчас объявила розыск «Адлера». В полдень информационное агентство ФРГ (ДПА) распространило сообщение, что на почтамте Эйstrupа было совершено преступление с применением взрывчатого вещества, очевидно, с целью ограбления почтамта. Одновременно было передано описание машины и ее пассажиров и призыв к населению всемерно содействовать розыску преступников.

Как раз в этот момент владелец автобазы в Фердене Антон Хейнинг недоверчиво разглядывал картонный цилиндр, который ему

доставили с утренней почтой. На посылке было написано: «Открыть лично адресату», поэтому ее положили на письменный стол Хеинга, не распаковывая.

Хеинг осторожно приоткрыл крышку, как позже установили эксперты, ровно на 23,5 миллиметра. Но подумав, что кто-то из знакомых решил подшутить над ним и это просто какой-то розыгрыш, не стал открывать посылку, а велел унести ее в подвал.

Если бы Хеинг был чуть менее осторожен и приоткрыл крышку еще хотя бы на полтора миллиметра, его постигла бы та же участь, что и Маргарет Грюнке. Адская машина, взрыватель которой был установлен на 25 миллиметров, неминуемо взорвалась бы. Таким образом, Хеинг был в буквальном смысле на волосок от гибели.

К сожалению, главный редактор газеты «Бремер нахрихтен» Адольф Вольфард был не так осторожен. 29 ноября он сидел в своем бременском бюро напротив редактора отдела фельетонов Вина. Было ровно 13 часов 10 минут, когда Вольфард взял в руки продолговатую посылку в форме цилиндра. Посылка пришла с утренней почтой, но еще не была распечатана. Он внимательно изучил пометку «Открыть лично адресату» и стрелку, показывающую, с какой стороны следует открывать.

— Похоже, что там бутылка шнапса, — сказал Вин.

— Сейчас увидим, — отозвался Вольфард и сорвал крышку. В ту же секунду посылка с оглушительным треском взорвалась и из нее вырвался метровый столб пламени. Грудь главного редактора была разорвана в клочья. Комната мгновенно заполнилась едким дымом, из окон вылетели все стекла, взрывом распахнуло дверь. Вина отшвырнуло ударной волной, но, к счастью, не ранило.

Растерявшиеся сотрудники типографии, в здании которой находилось бюро Вольфарда, в панике носились по коридорам. Повсюду слышались крики: «Врача!», «Полицию!», «Пожарных!». Перед домом быстро собралась толпа любопытных. Фоторепортер Леонард Куль из «Бремер нахрихтен» непрерывно щелкал аппаратом, снимая место происшествия и свидетелей. Уже спустя 15 минут редакция «Бремер нахрихтен» срочно телеграфировала во все другие редакции газет ФРГ: «Внимание, адская машина в пути!»

Взрывы бомб вызвали среди населения настоящую эпидемию страха.

Растерялась и уголовная полиция. Это были первые преступления с применением бомб в ФРГ, и полиция не имела еще необходимого опыта расследования таких дел. Сложность задачи усугублялась ведомственными рамками. Эйstrup и Ферден находились на территории, находящейся в ведении нижнесаксонской уголовной полиции, а покушением на Вольфарда занималась бременская полиция.

Было очевидно, что эти три преступления взаимосвязаны. Но какая служба должна возглавить расследование? В уголовной полиции ФРГ такие вопросы решались тяжело. Полиция Фердена, полагавшая, что она ближе всех к цели, не хотела разделять своего успеха ни с кем. 30 ноября к ним явились 24-летний студент

Вольфганг Графе и его сокурсница Элеонора Базер из Баден-Бадена. Это они сидели в черном «Адлере» и спрашивали прохожего о взрыве. По радио они услышали, что их разыскивает полиция. Оба были тотчас арестованы. Машину конфисковали.

Но многочасовые допросы ничего не дали. Подозреваемые единодушно показали, что путешествовали по заданию одной фотофирмы. Совершенно случайно, находясь проездом в Эйструпе, они услышали взрыв. Если бы шлагбаум не был закрыт как раз в этот момент, они бы ничего не заметили.

Их показания полностью подтвердились, и студентов пришлось отпустить.

Неудача сделала ферденскую полицию более сговорчивой. Кроме того, к этому времени уже существовало Федеральное ведомство уголовной полиции и ряд соглашений, которые регулировали межрегиональное сотрудничество органов полиции. В тех случаях, когда речь шла о преследовании противников политики Аденауэра, межрегиональное сотрудничество и розыск действительно осуществлялись весьма успешно. А поскольку в деле со взрывами подозревались политические мотивы покушений, сотрудничество было достигнуто очень быстро.

Через несколько дней после взрывов в Фердене и Бремене была создана межрегиональная специальная комиссия, которая не только вела все расследование, но и в дополнение к необходимым исполнительным правам обладала широкими чрезвычайными полномочиями: В состав «специальной комиссии С» входили 60 человек, 16 из них составляли штаб. Ей подчинялись соответствующие подкомиссии в Бремене, Фердене и Эйструпе. Связь с ними обеспечивалась специальными телефонными линиями и через курьеров. Возглавлял «специальную комиссию С» шеф Ведомства уголовной полиции земли Нижняя Саксония, обер-регирунгсрат и советник уголовной полиции доктор Вальтер Цирпинс, который, правда, старался привлекать как можно меньше внимания к своей персоне. Дело в том, что прошлое у этого советника уголовной полиции было таким же коричнево-черным, как и у его дюссельдорфского коллеги Венера. До 1945 года он как директор уголовной полиции и оберштурмбанфюрер СС был сотрудником IV управления (гестапо) РСХА. Цирпинс принимал самое активное участие в пресловутом «окончательном решении еврейского вопроса», а в октябре 1941 года опубликовал в журнале Гейдриха «Криминалистик» статью «Гетто в Литцманштадте с точки зрения уголовной полиции». В этой статье он, в частности, писал, что «деятельность уголовной полиции» «в литцманштадтском гетто... столь же разносторонняя, как и интересная, а самое главное, очень благодарная, т.е. приносит профессиональное удовлетворение».

Цирпинс с самого начала оказывал нацистам неоценимые услуги как криминалист. Допрашивая слабоумного поджигателя рейхстага ван дер Люббе, он намеренно игнорировал все, что могло пролить свет на роль «коричневых» вдохновителей этого преступления. Зато он делал все возможное, чтобы сфабриковать ложные

улики против коммунистов. Так, он «нашел» у ван дер Люббе тот сомнительный билет члена Коммунистической партии, о котором потом на все лады трубила нацистская пропаганда. И спустя много лет, уже в декабре 1951 года, Цирпинс пытался публично обелить фашистов, смыть с них пятно этого преступления, «решительно» заявив, что ван дер Люббе был «преступником-одиночкой».

Так вот этот закоренелый фашист, которого СС использовала в своих спецшколах как учителя и наставника подрастающего поколения, сделал в ФРГ блестящую карьеру. Пройдя ряд руководящих постов в уголовной полиции, он стал в конце концов авторитетнейшим экспертом Федерального ведомства уголовной полиции по экономическим вопросам.

Короче, Цирпинс был именно тем человеком, который должен был возглавить «специальную комиссию С». Естественно, что в первую очередь он начал искать организаторов покушения среди противников Аденауэра, известных своими левыми взглядами. «Улики», которые комиссия собрала за 10 дней, заполнили десятки папок. В числе подозреваемых в причастности к совершению преступления оказалось и Общество германо-советской дружбы.

Сыщики из «комиссии С» заявили, что, опрашивая свидетелей в «Бремер нахрихтен», натолкнулись на человека, который якобы видел двух мужчин, сразу же после взрыва покидавших здание типографии с подозрительной поспешностью. При этом один из них воскликнул: «Рвануло! Теперь смываемся побыстрее. В 6 часов на Кантштрассе!» На Кантштрассе находилось помещение бременского Общества германо-советской дружбы. А поскольку это общество в глазах сыщиков было заведомо коммунистической организацией, а коммунисты, как известно, только и делают, что взрывают фабрикантов, главных редакторов и рассыльных, у полиции не было больше никаких сомнений. «Специальная комиссия С» немедленно произвела обыск всех помещений бюро Общества германо-советской дружбы и перерыла всю документацию в поисках улики, которые можно было бы использовать как повод для запрещения Коммунистической партии Германии. Запахло 1933 годом!

Но все старания полицейских ищек были напрасны. Они не нашли ничего, на чем можно было хоть как-то соорудить обвинение. Промашка с Обществом германо-советской дружбы была не единственной. Длительное время комиссия разрабатывала версию о двух мужчинах, выступавших в окрестностях Ганновера с докладами об атомной физике и опасностях, которые несет человечеству атомная бомба. В глазах Цирпинса они тоже были весьма подозрительны, но, в конце концов, и эту версию пришлось отбросить.

Само собой разумеется, что в столь близких ему по духу кругах старых и новых нацистов Цирпинс не утруждал себя поисками. В целом специальной комиссии было предложено 700 версий, из которых до раскрытия преступления успели проверить лишь 300.

В числе подозреваемых был и 22-летний Зедекер Эрих фон Галац, проживавший в Дракенбурге под Нинбургом. Галац не имел

определенного занятия. Его друзья полунасмешливо, полужавистливо называли его «граф» не только потому, что он любил пофрантить, но и потому, что он довольно часто сорил деньгами. Это был внебрачный сын одного венгерского аристократа. Древний род Галацев происходил из-под Будапешта. Среди потомков этого рода была и некая Элизабет, в замужестве Венклевиц. Она-то и произвела на свет в 1929 году Зедерика Эриха. Вскоре после своего рождения малыш начал вызывать некоторые сомнения у окружающих. Первым засомневался супруг его матери, дантист Курт Венклевиц из Шведта. Он быстро заметил, что продолжатель его рода, как ни странно, ничуть не похож на Венклевицев и вполне возможно, что сам господин Венклевиц не имел никакого отношения к появлению мальчугана на свет.

Палата ландгерихта по гражданским делам в Пренцлау 29 июня 1931 года удовлетворила иск об оспаривании отцовства и таким образом дантист Венклевиц освободился от всех обязательств по отношению к ребенку.

Мать Эрика, уличенная в нарушении супружеской верности, была разведена с мужем и переехала в Дюссельдорф. В ее планах на будущую жизнь крошка Эрих был совершенно лишним, и она отдала его на воспитание супругам Кезе из Нинбурга. В свое время она пристроила туда же дочь Ингеборг, родившуюся в 1926 году.

В 1945 году Зедерик Э. (так он сам писал свое имя) немного поработал клерком у американцев во Франкфурте, потом помогал своему приемному отцу торговать торфом. В 1949 году он стал учеником-чертежником на фабрике Тиса в Нинбурге. Когда обнаружилось, что новый ученик выточил ключ и стал запускать руку в хранящиеся у шефа наличные деньги, он получил хорошую взбучку, а заодно и свои документы, и был выставлен за дверь.

Зедерик отплатил шефу тем, что угнал его «Мерседес-170» и врезался на нем в дерево. Потерпев неудачу на поприще ученика, Галац навсегда распростился с наемным трудом и занялся торговлей металлоломом. Предприятие процветало, поскольку Галац проявлял немало ловкости в кражах металла и электромоторов.

В то время кража цветного металла была чрезвычайно доходным делом. Старьевщики не задавали лишних вопросов о происхождении лома. Перепродавая его, они ежемесячно без особых хлопот получали от 4 до 5 тысяч марок чистой прибыли, поэтому они охотно платили за килограмм свинца 60—70 пфеннигов, за медь — от 1 марки 10 пфеннигов до 1 марки 20 пфеннигов, а за бронзу до 1 марки 40 пфеннигов. Неудивительно, что именно этот вид воровства расцветал пышным цветом. В одном только округе Кельн с января по октябрь 1948 года было зарегистрировано 400 краж телефонного кабеля. Большинство из них так и не были раскрыты.

Галац тоже воровал кабель от железнодорожных сигнальных устройств, электромоторы и вообще все, что можно было выгодно продать. В среднем он зарабатывал на этом около 700 марок в месяц чистыми и к тому же ни разу не попался. Для всех он был

маклером бременской фирмы Люссен по производству гравия. Его приемный отец работал в фирме мастером-взрывником и занимал со своей семьей барак в небольшом лесу под Дракенбургом. Конечно, родителям Галац не мог плести небылицы о своей маклерской деятельности, и, чтобы как-то объяснить свои доходы, он делал вид, что серьезно занимается торговлей ломом и, кроме того, говорил, что имеет богатую подружку.

Вообще этот субъект вечно носился с какими-то необыкновенными планами. Однажды он решил стать журналистом и спешно накопал с полдюжины репортажей. Чтобы побыстрее прославиться на этом поприще, он недолго думая устроил ловушку для автомобилей на шоссе Ганновер — Бремен и собирался делать фоторепортажи о спроводированных им самим несчастных случаях. Он буквально бредил американским мультимиллионером Генри Фордом и ФБР и в 1951 году основал американский клуб культуры. Перед этим он создал шахматный клуб в одном из кафе Нинбурга. Своей подруге он рассказывал душеспитательные истории из тех времен, когда он «мыл тарелки» в США и заверял ее, что в скором времени откроет магазин грампластинок в Нинбурге. Да, этот «граф» фон Галац, которого в Нинбурге и его окрестностях знал почти каждый, был весьма своеобразный тип.

Ясно, что через своего приемного брата он мог доставать взрывчатку. Поэтому в «специальную комиссию С» поступил ряд сигналов о Галаце. Утверждалось даже, что описание личности предполагаемого преступника, которое полиция составила на основании показаний ряда свидетелей, совпадает с приметам Галаца. Уголовная полиция разыскала на почтамте в Нинбурге и на одном бременском почтамте несколько человек, которые видели, как какой-то мужчина сдавал посылки в форме цилиндра. А ведь именно из Бремена пришли посылки на имя Майнца и Хейнга.

Между тем пресса не бездействовала. Газета «Бремер нахрихтен» начала на свой страх и риск собственный розыск преступника. С этой целью в редакции был создан специальный штаб. Спустя пять дней после взрывов бомб, 4 декабря, журналисты выехали в Ферден. Там они разыскали некоего Шлазиуса, который чисто случайно хорошо запомнил человека, отправившего роковую посылку Вольфарду. Шлазиус дал журналистам великолепный совет. По его словам, в Риде жил один крестьянин, который был очень похож на предполагаемого преступника. Правда, тот крестьянин был постарше, и лицо у него не такое «городское».

Художники из «Бремер нахрихтен» нашли этого крестьянина и сделали его портрет. Эскиз портрета подправили с помощью Шлазиуса и трех других свидетелей и решили опубликовать на следующий день, то есть 5 декабря 1951 года, на первой странице газеты вместе с подробным описанием личности преступника. Но тут засомневалась «специальная комиссия С». На 5 декабря были назначены похороны главного редактора Вольфарда. Полиция собиралась проследить за ними, следуя старому суеверию, что убийцу тянет на похороны жертвы. Теперь возникло опасение, что прес-

тупник может увидеть утром свой портрет в газете и это спугнет его.

Правда, в это время уголовная полиция еще никого конкретно не подозревала и остается неясным, как, собственно, она хотела узнать преступника в массе людей на кладбище. А впрочем, какое значение имеют разумные аргументы, когда у полицейских есть готовое мнение!

Казалось, суеверные сыщики были правы. На кладбище появился человек, одетый точно так же, как отправитель посылки в Нинбурге и Бремене. Но когда полицейские ликуя скрутили его, выяснилось, что их разыграл какой-то журналист, который устроил этот маскарад, чтобы проверить бдительность уголовной полиции.

6 декабря были опубликованы портрет преступника и объявление о его розыске с указанием примет. Главный редактор нинбургской окружной газеты «Гарке» Прюснер, просматривая ежедневную прессу, увидел портрет и бросился к телефону.

Так «специальная комиссия С» узнала, что разыскиваемый ею преступник не кто иной, как Зедерик Э. фон Галац.

7 декабря Галац и его подруга были арестованы в Нинбурге и привезены «для снятия допроса» на штаб-квартиру Цирпинса в Бремене. В барак семьи Кезе в Дракенбурге произвели обыск. Во время обыска полиция обнаружила машинописный текст, в котором буква «р» была пропечатана с тем же дефектом, что и на адресе посылки с бомбой, полученной Хеингом.

У самого Галаца не было пишущей машинки, а на чьей печатался текст, он не говорил. Но самое главное, этот страстный поклонник Форда и ФБР никак не вписывался в ту политическую картину организации покушений, которую уже составила себе комиссия, настроенная исключительно на «разоблачение» левых сил. Поэтому Галац был в тот же вечер по личному указанию Цирпинса отпущен на свободу. Вполне допустимо, «что Галац только пользовался пишущей машинкой преступника, но сам не совершал преступления». Так объяснил впоследствии свое решение известный «демократ» Цирпинс.

А поскольку Галац не был ни членом Общества германо-советской дружбы, ни сторонником какой-либо антифашистской организации, а, скорее, совсем наоборот, — то этот вывод в глазах деятелей типа Цирпинса был вполне логичным.

Но Зедерик фон Галац недолго наслаждался свободой. К мнению главного редактора газеты «Гарке» за короткое время присоединилось так много людей, что это смутило даже комиссию Цирпинса. Так, например, владелец одного магазина из Нинбурга заявил, что Галац неоднократно пользовался его пишущей машинкой «Урания». Незадолго до покушений ученик в его магазине даже видел, что Галац печатал адреса для посылок. Тем временем эксперты установили, что адреса на посылках, скорее всего печатались на «Урании». Когда взяли пробный оттиск шрифта пишущей машинки владельца магазина и сравнили его с адресами на посыл-

ках и текстом, найденным у Галаца, выяснилось, что не только «р», но и другие буквы имеют одинаковые особенности. Таким образом, не оставалось никаких сомнений.

Нашлись и свидетели, которые знали, что Галац и раньше, например в новогоднюю ночь 1949—1950 годов, взрывал патроны.

Пятеро детей видели, как «граф» уезжал во второй половине дня 28 ноября 1951 года, то есть накануне покушений, поездом в Бремен. В этот день как раз после обеда на почте в Бремене были приняты посылки Майнцу и Хеингу.

И наконец, почтовый служащий из Нинбурга готов был присягнуть, что Галац, которого он опознал по фотографии, спрашивал его, что надо сделать, чтобы посылка была вручена лично адресату и не попала в другие руки.

«Специальной комиссии» не оставалось ничего другого, как 10 декабря вновь арестовать Галаца. Его опять привезли в Бремен и без допроса посадили в камеру.

На следующий вечер около 21 часа Галаца привели в комнату № 350 бременского полицейского управления. Допрашивали его два советника уголовной полиции, старший инспектор уголовной полиции и два обер-прокурора*. Поставленный на середину комнаты под яркий свет ламп, Галац не обнаружил ни малейшего волнения и в течение нескольких часов парировал вопросы и обвинения. Только когда ему предъявили пишущую машинку «Урания», хладнокровие изменило ему. И все же потребовалось еще немало часов непрерывных допросов, во время которых полиции приходилось прибегать то к лести, то к угрозам, прежде чем, наконец, 14 декабря около трех часов утра преступник сознался во всем.

На суде Галац сообщил, что взрывы бомб должны были подготовить почву для шантажа состоятельных людей. Достаточно было пары смертельных случаев, чтобы потом одна лишь угроза покушения заставила людей раскошелиться.

Галац считал себя «пасынком судьбы» и страстно желал «когда-нибудь пробиться наверх». Суд не очень верил в этот мотив деяния и пытался откопать какие-то скрытые политические причины. В конце концов суд постановил, что Галац был движим манией величия, и весной 1952 года приговорил его к пожизненному тюремному заключению.

Предполагают, что сведения о политических противниках и оппозиционно настроенных гражданах, разнюханные специальной комиссией во время следствия, были предоставлены в распоряжение «ведомств по охране конституции», то есть тайной политической службе ФРГ. Зедерик Э. фон Галац отбыл 22 года в тюрьме Целле. В начале ноября 1974 года он был амнистирован премьер-министром Нижней Саксонии в связи с болезнью и досрочно освобожден. У него обнаружили мозговую опухоль величиной с кулак.

---

* Главный прокурор при окружном суде. — *Прим.перев.*

За это время у Галаца с его бомбами нашлись десятки последователей в ФРГ. По сравнению с их скрупулезно спланированными, точно выполненными и до малейших деталей продуманными террористическими актами Галац был просто жалким дилетантом. Да и специальные подразделения полиции, которые сегодня занимаются терроризмом, нельзя сравнить с доморощенной комиссией Цирпинса и ее дедовскими методами. Прежним остался только дух полиции. Сменялись правительства и шефы полиции, но ее задачи и функции оставались прежними.

ЯДОВИТЫЙ ШОКОЛАДНЫЙ ГРИБ

Вечером 15 февраля 1954 года в округе Пфальц была прервана радиопрограмма и передано сообщение полиции. Уголовная полиция Вормса предостерегала население от опасности, таящейся в конфетах «Шоколадный гриб с ликером», которые в то время продавались во многих универсальных магазинах и кондитерских города.

Для этого были серьезные причины. В тот день около 15 часов 20 минут умерла 30-летняя вдова Анни Хаман. Перед этим она съела такой «гриб». Ее собака, слизнув остатки сладости, умерла через несколько минут в страшных судорогах. Свидетели показали, что подруга умершей Криста Леман 13 февраля, в субботу, пришла к Анни с тремя такими конфетами. Две съели тут же, а третью, предназначенную для матери Анни Хаман, положили в кухонный буфет. В понедельник Анни Хаман убирала кухню, случайно в руки ей попался шоколадный гриб. Она положила его в рот, раскусила, сморщилась и выплюнула. Конфета была очень горькой. Вскоре у нее появилась рвота, головокружение, в глазах потемнело, начались судороги. Через 20 минут она была мертва. Врач заподозрил отравление и сообщил в полицию.

Таково было существо дела, с которым столкнулся старший инспектор уголовной полиции Дамен. Было произведено вскрытие умершей.

Криста Леман, вызванная на следующий день для допроса, подтвердила, что угощала Анни шоколадными конфетами. Она купила пять штук в универмаге Вортмана в присутствии Анни. Вскоре она пришла к Анни в гости с тремя конфетами. Две оставшиеся она съела сама: одну — в субботу, другую — вечером в воскресенье. Когда она съела последнюю, ей вдруг стало так плохо, что пришлось лечь в постель. Начались резкие боли в животе и сильная рвота. Тошнота ощущалась и весь следующий день.

Случай был весьма странный. Полиция конфисковала все имевшиеся еще у Вортмана конфеты, но они оказались совершенно дроброкачественными.

Ничего не понимали и эксперты института судебной медицины и криминалистики при университете г. Майнца, которые произвели вскрытие трупа. Несмотря на все симптомы, типичные для смерти в результате отравления, не было обнаружено ни одного из известных ядов. Тогда обратились к токсикологам, специалистам по малоизвестным ядам. Проблемой занялась группа из четырех человек, которая исследовала средства борьбы с сельскохозяйственными вредителями, в том числе пресловутый яд Е-605. В свое время это средство было открыто на химических заводах «Байер» в Леверкузене как побочный продукт, полученный в результате экспериментов с органическими фосфорными соединениями. В 1945 году яд был конфискован американскими оккупационными властями и вывезен в США. Вскоре он был выброшен на американский рынок как средство борьбы с сельскохозяйственными вредителями.

В 1948 году он вновь появился в Западной Германии, где был опознан как первоначальный продукт заводов «Байер» Е-605. С этого времени яд стал свободно продаваться в магазинах западных зон уже под этим названием. Еще в США было известно немало смертных случаев, вызванных этим средством. Считалось, что причиной их было неосторожное обращение с ядовитым веществом. Судя по всему до февраля 1954 года этот яд не использовался для убийства или самоубийства.

Совсем иная картина сложилась в ФРГ. Уже до 15 февраля 1954 года было зарегистрировано девять случаев самоубийства с помощью Е-605. Однако в целях убийства этот яд еще не использовался.

Группа токсикологов из Майнца, проверив целый ряд ядов, решила, наконец, провести исследование на содержание в организме умершей Е-605. В анализе крови они применили раствор едкого натра, что немедленно вызвало типичную для Е-605 реакцию: интенсивную желтую окраску. И тем не менее директор института, профессор доктор Курт Вагнер, все еще сомневался в правильности вывода. Отравление с помощью Е-605 казалось ему совершенно невероятным.

Этот судебный медик вообще был не слишком высокого мнения о современных методах. Консервативность его научных взглядов проявилась весьма скандальным образом шесть лет назад во время другого судебного дела об отравлении. Тогда, в 1948 году, к пожизненному тюремному заключению была приговорена некая Маргарет Вользиффер, жена аптекаря из Нойштадта. На основании сомнительных косвенных улик суд присяжных Франкенталя признал ее виновной в отравлении мужа опиумом. Решающее «доказательство» представил в своем заключении эксперт профессор Вагнер. Чтобы «подтвердить наличие яда в организме», он прибегнул к давно устаревшему и отвергнутому криминалистикой методу,

который не используется из-за его сомнительности ни одним современным экспертом. Впоследствии Вагнера резко критиковали за эту очевидную научную ошибку, что, впрочем, никак не отразилось на его карьере. Ничего не изменилось и в судьбе Маргарет Вользиффер, жертвы некомпетентного эксперта и предвзятого отношения суда. Она так и осталась в тюрьме.

В деле об отравлении Хаман Вагнер распорядился провести еще одну проверку на E-605. Но и этот анализ экстракта содержимого желудка умершей дал положительный результат. Теперь не могло быть никаких сомнений — смерть Анни Хаман была вызвана именно этим ядом.

Как это часто бывает в криминалистической практике, сразу возник целый ряд новых вопросов. Речь шла все время о шоколадной конфете, но вскрытие выявило еще одну возможность отравления. Желудок умершей содержал остатки ее последнего обеда — вермишель, а следов шоколада обнаружено не было.

Для отравления взрослого человека со смертельным исходом достаточно ничтожной дозы E-605. Если яд содержался в шоколадном грибе, то хотя бы крошечный кусочек шоколада должен был попасть в желудок. Если же причиной был не гриб, а обед, то в число подозреваемых надо было включить членов семьи умершей. Анализ показал, что обед не мог быть причиной отравления. Но и шоколадные грибы Вортмана были доброкачественными, за исключением того, который съела Анни Хаман. Следовательно, подозрение неизбежно падало на того, кто угостил ее этим лакомством, то есть на Крису Леман.

Старший инспектор Дамен стал наводить о ней справки и узнал о трех весьма загадочных смертельных случаях.

За полтора года до смерти Анни Хаман, 27 сентября 1952 года, внезапно скончался муж Кристи Леман. Карл Франц Леман познакомился со своей будущей женой во время войны на химических заводах «Хехст». Жизнь никогда не баловала Кристу Амбосс, как ее тогда звали. Когда ей было два года, ее мать направили в психиатрическую лечебницу с тяжелой формой шизофрении. Брак родителей распался. Отец Кристины женился второй раз, но и этот брак оказался неудачным. Криста окончила восьмилетнюю школу в Вормсе, сменила несколько мест работы и в конце концов во время войны попала на химические заводы, где она быстро прижилась и даже дослужилась до старшей рабочей. Там она научилась обращаться с ядовитыми веществами. Карл Франц был не слишком привлекательным человеком, хромал, к тому же был старше ее на десять лет. Когда он предложил ей выйти за него замуж, она ответила согласием, что отнюдь не говорило о ее любви к нему. Просто ей хотелось создать свою семью, навсегда покончить с тягостным одиночеством. В 1944 году они поженились. Вскоре Криста поняла, что ее замужество было ошибкой. Уже в день свадьбы Леман залепил ей пощечину. Это вошло у него в привычку и продолжалось до тех пор, пока Криста не стала отвечать ему тем же. Дело дошло до того, что супруги подстерегали друг друга с кухонным

ножом в руке. К счастью, довольно скоро у того и другого появились свои увлечения, которым они и отдались полностью. У него это были шнапс и пивнушка, у нее — пивнушка и ликер. Появление на свет троих детей ничего не изменило в их жизни.

От непрерывного пьянства у Карла Франца образовалась язва желудка. Его мучили приступы боли, в конце концов пришлось обратиться к врачу.

Но в субботу 27 сентября 1952 года он чувствовал себя неплохо и рано утром решил пойти в парикмахерскую. Жена тем временем приготовила завтрак. Когда он вернулся, супруги самым мирным образом позавтракали вместе. Карл Франц, как обычно, пил молоко, Криста — кофе. После завтрака Леман сел на велосипед, чтобы ехать на работу, но уже через двадцать минут вернулся домой. Он жаловался на резкие боли в желудке, тошноту и головокружение, прилег на диван, а жену послал за доктором Байером. Доктора она не застала и отправилась к шурину, который жил далеко на окраине Вормса. «Мужу очень плохо, он весь посинел», — сказала она. Шурин поспешил связаться с другим врачом, но когда тот, наконец, прибыл на Паулюсштрассе, ему оставалось только оформить свидетельство о смерти. По его заключению, смерть наступила в результате перфорации желудка. Впоследствии доктор Байер подтвердил этот диагноз.

Карла Франца Лемана похоронили. Вдова была безутешна. Вид ее страданий разрывал сердце. Но вскоре это прошло, и она стала говорить, что потеряла мужа, зато обрела покой в семье. Однако этот покой длился недолго. Криста Леман, не связанная более супружескими обязанностями, проводила все больше времени в ресторанах и танцевальных залах Вормса. Иногда ей удавалось подцепить какого-нибудь кавалера. В конце концов она забеременела. Это не входило в ее планы, и она пыталась найти врача, который помог бы ей, прежде чем ее свекр Валентин Леман что-то заметит. К несчастью, они жили в одном доме.

Свекр и без того был зол на Кристу за то, что она не собиралась предаваться грусти по его сыну, как это приличествовало вдове. Он жаловался знакомым на свою беспутную, как он говорил, невестку и даже спрашивал полицейского Штруппа, не сообщить ли об этой «нимфоманке» в полицию нравов.

Штрупп, который знал Кристу гораздо ближе, чем мог предположить ее свекр, конечно же, отсоветовал обращаться в полицию и спешно предупредил многогрешную вдову о грозящей опасности. Криста испугалась, не пронюхал ли свекр что-нибудь о предстоящем аборте, и решила повременить со своими планами. Тем не менее она и виду не подала опостылевшему ей свекру, что знает о его намерениях. Как и раньше, она помогала ему по хозяйству. 9 октября 1953 года Криста купила свекру его любимый кефир, который он выпил на следующее утро перед работой. Около семи часов Валентин Леман выехал из дому совершенно здоровым, а через несколько минут у него начались страшные судороги и рвота. Он слез с велосипеда, прохожие уложили его на тротуар. Тут же из-

вестили живущего поблизости доктора Бекера. Но когда врач прибыл, Леман был уже мертв. Поскольку Леман с 1946 года наблюдался у доктора Бекера по поводу сердечного заболевания, тот констатировал острое нарушение кровообращения в сердце и составил свидетельство о смерти. Какая-то девушка побежала сообщить Кристе, что ее отец только что скончался на Майнцштрассе. Криста, подумав, что речь идет о ее родном отце, немедленно помчалась туда на велосипеде, но когда увидела свекра, спокойно развернулась и не торопясь поехала домой.

Спустя немного времени так же внезапно умерла ее свекровь.

Старший инспектор Дамен узнал об этой серии странных случаев смерти и сразу заподозрил неладное. За Кристой Леман установили наблюдение. Чтобы не спугнуть ее, уголовная полиция поместила в газете сообщение о том, что смерть Анни Хаман была несчастным случаем.

В четверг 19 февраля 1954 года состоялись похороны, на которых, естественно, присутствовала и Криста Леман. В траурную процессию незаметно замешались несколько сотрудников уголовной полиции. Кристу арестовали в тот момент, когда она выходила с кладбища.

Старший инспектор Дамен рассчитывал на большой психологический эффект от этого внезапного ареста. Конечно, всего, что полиции удалось к этому времени собрать, вполне хватало, чтобы арестовать Кристу Леман на основании «серьезного подозрения в совершении преступления», но этого далеко не хватало, чтобы доказать ее вину.

Психиатр, исследовавший Кристу, заявил, что она холодная, тщеславная эгоистка с вполне нормальным умственным развитием.

Естественно, Криста Леман не собиралась облегчать полиции работу. Она категорически отрицала обвинение в убийстве своей подруги. Напомнила, что она сама ела такие же шоколадные конфеты, а, кроме того, конфета, от которой умерла Анни Хаман, была у нее дома всего несколько часов, а в квартире умершей находилась целых два дня. Да к тому же у нее не было никаких причин убивать Анни, а про яд Е-605 она и понятия не имела.

Однако Дамен, который предусмотрительно решил для начала не упоминать о других жертвах, гнул свою линию. Наконец, после трех дней интенсивных допросов в сочетании со строгой изоляцией заключения, Криста Леман не выдержала и созналась в убийстве своей подруги. Правда, по ее словам, это произошло случайно. Шоколадная конфета с ядом предназначалась не для Анни, а для ее матери Евы Ру. Фрау Ру все время старалась разрушить их дружбу, постоянно придиралась к Кристе, так что в конце концов Криста буквально возненавидела ее. Еще летом 1952 года Криста купила в магазине Майера в Вормсе средство по борьбе с вредителями. Теперь она решила с его помощью разделаться с фрау Ру. Вечером она зашла за Анни и распределила конфеты так, что фрау Ру получила отравленную. Конечно, она не могла предвидеть, что эту конфету съест ее подруга.

Преступница созналась и в том, что отравила своего свекра, влив яду в его кефир.

На следующий день она созналась и в убийстве мужа с помощью отравленного молока. И только убийство свекрови она никак не хотела брать на себя. Вина ее в этом случае не была доказана. Что же касается двух других убийств, то ее показания были подтверждены токсикологической экспертизой после эксгумации трупов.

В начале марта 1954 года Кристу Леман перевели в предварительное заключение в Майнц. Там она предприняла последнюю отчаянную попытку спасти себя. Она попыталась передать отцу записку, в которой уговаривала его взять на себя убийства или, по меньшей мере, покончить жизнь самоубийством как бы в знак признания своей вины. Записка была перехвачена, а Криста Леман еще раз допрошена. На допросе она отказалась от всех прежних показаний.

Но уже на следующий день под напором неопровержимых доказательств она взяла свой отказ назад. Так было завершено первое в ФРГ дело об убийстве с помощью яда Е-605.

Днем позже, 7 марта 1954 года, газета «Майнцер альгемайне» сообщила, что со времени последнего убийства, совершенного Кристой Леман 15 февраля 1954 года, более тридцати человек в ФРГ отравились ядом Е-605. Только за четыре дня до выхода этого номера газеты двадцать человек избрали для себя эту мучительную смерть. Е-605 приобрел в ФРГ и Западном Берлине печальную славу не только как средство самоубийства, но и как орудие убийства. Так, в ноябре 1956 года им был отравлен западноберлинский школьник Тильман Цвейер.

С 22 по 24 сентября суд присяжных рассматривал дело Кристи Леман в земельном суде Майнца.

В скромном зеленом платье с черной вышивкой, закрывая руками лицо от фоторепортеров, вошла она в новый зал судебных заседаний. Во время слушания дела она была совершенно безучастна и молчалива. Противоречивые показания о ее характере или о ее муже не вызывали у Кристи никакой реакции. Единственное, что выводило ее из себя, были упреки в том, что она пренебрегала своими обязанностями хозяйки дома и матери.

Общественность и пресса давно вынесли свой приговор этой женщине, теперь настала очередь суда. Криста Леман была приговорена к пожизненному тюремному заключению. В своем последнем слове она просила не лишать ее гражданских прав. На вопрос изумленного председателя суда Никса, зачем ей это нужно, она ответила, что в случае помилования хочет быть полноправным членом общества.

Суд отказал ей в этом. А поскольку она не обжаловала решение суда, 30 сентября 1954 года приговор вступил в силу. Кристу Леман перевели в место отбытия наказания, и дело под номером 4 Кс 3/54 было завершено.

А спустя всего несколько дней после скандальных убийств в

Вормсе, другое уголовное дело, вокруг которого и сегодня не затихают споры, привлекло всеобщее внимание.

ТАИНСТВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Житель Оттерберга, учитель музыки Георг Мартин, возвращался домой. Он ехал на велосипеде из Герингена, где по четвергам давал уроки игры на аккордеоне. В этот день, 18 февраля 1954 года, Мартин ехал особенно осторожно и медленно, хотя было уже около десяти часов вечера. Дорога в Оттерберг отвратительная, а тут еще гололед. В 10 минут одиннадцатого он миновал лесной ресторанчик Биротсхоф, уже закрытый в это время. Метров через сто начинался крутой поворот налево.

Учитель почти доехал до поворота, когда до его слуха долетел пронзительный крик. Он нажал на педали, проехал еще немного вперед и увидел какого-то мужчину, который пошатываясь шел ему навстречу. Незнакомец просил о помощи: его жена осталась в горящей машине. Не тратя времени на расспросы, Мартин побежал за ним. Метрах в 60, на самой обочине дороги, у толстого каштана он увидел пылающий легковой автомобиль. Огромные языки пламени вырывались из окон, и Мартин подумал, что пассажирам, если они были внутри, уже вряд ли нужна помощь. Он решил вернуться к ресторану и вызвать по телефону пожарных. Владелец автомобиля покорно согласился, потом крикнул вслед: «Сообщите в жандармерию, Оттерберг 13, и вызовите врача!» Мартин крутил педали что было сил. Он долго барабанил в двери, пока не появился хозяин ресторана Лоренц. Мартину стоило немалого труда втолковать ему, что нужно вызвать пожарную команду.

Наконец тот понял, о чем идет речь. Прошло еще десять минут, прежде чем они дозвонились в жандармерию Оттерберга. Связаться с пожарной частью так и не удалось. В жандармерии пообещали немедленно вызвать пожарных, но через несколько минут перезвонили, чтобы уточнить место происшествия.

Тем временем Георг Мартин опять поехал к горевшей машине. Ее владелец безучастно сидел на обочине. Мартин пытался хоть чем-то помочь ему. Вдруг мужчина вскочил, и с громкими воплями кинулся к машине. Казалось, он хотел броситься в огонь. С большим трудом учителю удалось остановить его. Мужчина затих. Через какое-то время он сказал, что надо толкнуть автомобиль (это был «Боргвард Ганза 1500», модель 51/52) немного вперед. Они сообща пытались сделать это, но смогли передвинуть «Боргвард» лишь на какие-то полметра. Как впоследствии выяснилось, кроме того, что машина стояла на ручном тормозе, была включена и вторая передача.

Когда огонь перекинулся на передние колеса, владелец машины попытался спасти хотя бы покрышки. Безуспешно старались они затушить пламя пучками дрова. И это, и все, что произошло потом, выглядело какой-то невероятной трагикомедией.

Во время попыток спасти автопокрышки учитель музыки заглянул в салон машины, но никого там не увидел. Вскоре на месте пожара появился хозяин ресторанчика. Он прямым ходом направился к «Боргварду» и разглядел внутри него горящую человеческую фигуру. Вслед за ним на мотоцикле прибыли двое из добровольной пожарной команды Оттерберга. Один из них, Гельмут Хорнеф, тоже прямым ходом промаршировал к пылающей машине и осмотрел ее. Как он заявил впоследствии, ему показалось, что верхняя часть туловища пассажира «горела изнутри». По его словам, тело было сплошь покрыто маленькими голубыми огоньками. Правая рука была поднята к затылку. Вдруг тело как-то съезжилось, голова и правая рука отвалились.

Спустя еще несколько минут на грузовике подъехали восемь человек из добровольной пожарной команды. Первым спрыгнул с машины и подбежал к «Боргварду» некий Лотоп. Пламя к этому времени стало ослабевать, поэтому Лотоп просунул голову через разбитое окно и смог разглядеть труп вблизи. Позже, давая показания, он говорил, что нижняя часть туловища женщины к этому времени еще не совсем сгорела. Были хорошо видны чулки и туфли. Голова лежала на спинке сиденья. В задней части салона огонь уже угас. Там лежала расплавленная канистра из-под бензина.

Так же бесцеремонно, как Мартин, Лоренц, Хорнеф и Лотоп, вели себя все, кто прибывал на место происшествия. В первую очередь, они старались удовлетворить свое любопытство и жажду сенсации. Они горячо обсуждали случившееся, а кто-то начал тут же допрашивать владельца машины. Тот представился как зубной врач доктор Рихард Мюллер из Оттерберга. Все остолбенели, услышав это имя. Доктор Мюллер был хорошо известен, но даже Мартин не узнал его до сих пор.

По словам доктора Мюллера, он потерял колпак от заднего колеса. Увидев это, он резко затормозил на обочине, вышел из машины и прошел немного в обратную сторону, чтобы найти колпак. Вдруг он услышал крик, и, взглянув на машину, увидел, что она горит. Он попробовал загасить огонь. Безуспешно. Очевидно, канистра была закрыта недостаточно плотно и из нее вытек синтетический бензин. Его жена перед этим уронила кольцо. Вероятно, она зажгла спичку, чтобы найти его, и бензин вспыхнул.

Пока он все это рассказывал, подъехали профессиональные пожарные. Правда, они приехали с пустой автоцистерной и первым делом начали искать, где бы им взять воду. Между тем машина и труп продолжали гореть. Вблизи оказался пруд, но он так крепко замерз, что в толще льда невозможно было пробить лунку. Тогда решили бороться с огнем с помощью пенного огнетушителя, которого как раз хватило на левое переднее колесо.

Тут наши медлительные «рыцари шланга» окончательно зашли

в тупик. Справедливости ради надо сказать, что у них еще блеснула мысль вытащить труп из салона лопатами, но от этого отказались, чтобы, упаси господи, не уничтожить важные следы. И только вслед за пожарными на месте происшествия появились представители жандармерии Гуте и Утцингер. В этот момент машина опять ярко вспыхнула: огонь добрался до еще одной канистры с синтетическим бензином.

Жандармам показалось подозрительным, что женщина сгорела, хотя одна дверца машины была открыта. Они распорядились об охране места происшествия и вызвали по телефону из Биротсхофа комиссию по расследованию убийств уголовной полиции Кайзерслаутерна. Еще до появления комиссии приехал врач, доктор Ланг. Он констатировал, что женщине уже нельзя помочь и быстро осмотрел доктора Мюллера. Хотя ожогов у Мюллера не было, Ланг решил на всякий случай отправить его в госпиталь. Доктор Мюллер сопротивлялся как мог. В конце концов его силой уложили на носилки и засунули в санитарную машину. В больнице у него тоже не нашли никаких ожогов. Тем не менее ему обработали руки мазью и забинтовали. Только после этого доктору Мюллеру разрешили идти домой.

Где-то после 23 часов к нему явились сотрудники уголовной полиции из Кайзерслаутерна, которые ехали на место происшествия: Мюллер описал все точно так же, как раньше. Беседа продолжалась всего несколько минут, после чего комиссия по расследованию убийств отправилась на место пожара. Около 24 часов они уже были там.

Труп все еще горел, и полиция распорядилась осторожно загасить огонь водой из лейки. Этим ограничились их первые служебные действия. Жандармам и пожарным приказали охранять место происшествия, осмотр было решено провести на следующий день, когда будет светло.

Утром привезли эксперта по судебной медицине. Прежде всего установили, что и днем место пожара не было видно ни с какой другой точки, что было чрезвычайно удобно для совершения преступления. Так возникло первое подозрение против доктора Мюллера. Далее выяснилось, что сгоревший «Боргвард» стоял вначале так близко к каштану на обочине дороги, что ручка дверцы со стороны водителя была всего в пятнадцать сантиметрах от ствола дерева. Таким образом, человек не мог ни войти, ни выйти с этой стороны. Уже позже Мартин и Мюллер передвинули машину на сорок пять сантиметров вперед.

Лак и шпаклевка обгорели полностью. Остатки сохранились только на нижней части передних крыльев, передние покрышки сгорели, задние остались целы. На левом заднем колесе не было колпака. Его нашли на расстоянии около двадцати четырех метров позади машины, метрах в четырех от дороги. На колпаке были свежие царапины. Похоже было, что это следы отвертки. Все стекла в машине лопнули и вылетели из рам. Было установлено, что в мо-

мент возникновения пожара окна в машине были чуть приоткрыты. Левая дверца была открыта, правая заперта изнутри.

Полностью сгоревший салон покрывал равномерный слой светлого пепла. Легкий металл на арматуре оплавился, пружины сидений расплавились полностью. Справа от места водителя находился обуглившийся человеческий торс длиной около восьмидесяти четырех сантиметров. Установить личность жертвы было невозможно. Слева стояла канистра с бензином, вторая, наклоненная вперед, стояла на краю заднего сиденья. Впереди на полу валялась печка для обогрева салона. Судя по осколкам, она упала только после того, как лопнули стекла машины.

Рядом с канистрой на заднем сиденье нашли охотничий нож и металлическую ручку от портфеля. В ста двадцати сантиметрах от левой дверцы подняли втоптанное в дорожное покрытие кольцо с голубым камнем и гравировкой. «Рихард — рождество 1953». Рядом лежала буква «М» из монограммы, по всей видимости, со шляпы доктора Мюллера. Его непромокаемое пальто нашли на обочине ровно в четырехстах двадцати сантиметрах от машины. На пальто были красные пятна (позднее было установлено, что это пятна шпаклевки). Местами оно было опалено. В кармане лежали три спички.

На расстоянии двенадцати метров от машины и десяти метров от дороги в лесу обнаружили коричневую литровую бутылку, где было еще 19 кубических сантиметров бензина. Больше никаких следов, и в первую очередь, к сожалению, следов ног, обнаружить не удалось. На месте пожара за это время побывало слишком много людей.

Таковы были результаты осмотра места происшествия. Все это, безусловно, представляло случившееся в весьма подозрительном свете. Дальнейшее расследование комиссии усилило зародившееся подозрение.

Выяснилось, что у доктора Мюллера не было особой причины останавливаться в этой пустынной местности. Утром 18 февраля он находился в Цвейбрюккене, чтобы проводить в последний путь свою мать, скончавшуюся днем раньше. Приблизительно в 18 часов он вернулся в Оттерберг, а уже через полчаса опять был в пути. На этот раз его сопровождала жена. После смерти матери доктора Мюллера им пришлось взять к себе ее сестру, за которой был необходим уход. Теперь надо было подыскать домработницу. И они отправились в Дреталерхоф к женщине, которая когда-то работала у них. Та порекомендовала им одну четырнадцатилетнюю девочку. Муж был за, жена против. Между ними возник спор, который продолжался и в машине. Садясь в «Боргвард», фрау Мюллер потеряла перчатку. Позднее прокурор заключил из этого, что обстановка в машине непосредственно перед происшествием была крайне напряженной.

Из Дреталерхофа супруги Мюллер поехали в Потцбах, где провели с полчаса, а около 20 часов 30 минут навестили своих знакомых, живших в двух километрах к северу от Потцбаха. Впоследст-

вии их знакомые говорили, что этот визит был для них совершенно неожиданным. Здесь Мюллеры пробыли около часа, потом жена стала торопить мужа с отъездом.

Знакомые советовали доктору Мюллеру ехать через Потцбах, а не через Геринген, где очень плохая дорога, к тому же в этот день был гололед. Но тот почему-то упорно хотел ехать именно по плохой дороге. Это показалось знакомым довольно странным. Такими же странными показались им и вопросы доктора Мюллера об автомобиле, развозившем товары. Мюллеры встретили этот автомобиль по дороге, и теперь доктор почему-то непременно хотел узнать, в какое время он обычно возвращается назад. От знакомых супруги уехали приблизительно в полдесятого или без четверти десяты. Если считать, что в среднем они ехали со скоростью 36 км/час, то до места возникновения пожара должно было пройти около десяти минут. Таким образом, доктор Мюллер был там, очевидно, между 21 часом 40 минутами и 21 часом 55 минутами. Свидетель Мартин встретил его около 22 часов. В это время автомобиль уже пылал ярким пламенем. Что в действительности произошло за эти 15—30 минут, так никогда и не было выяснено до конца.

Позднее, на процессе, возникли обстоятельства, которые, казалось, могли прояснить дело. Однако если этот единственный шанс и существовал, то он был упущен по вине прокуратуры. В феврале 1956 года адвокат Кунц, защищавший доктора Мюллера, получил письмо. Анонимный автор сообщал, что в ночь происшествия находился буквально в десяти метрах от горевшей машины, но спрятался из страха перед полицией и лесничим. Он утверждал, что видел, как из автомобиля вышел мужчина и побежал назад по дороге. Женщина оставалась в салоне. Внезапно машину охватило пламя. Женщина громко закричала. Услышав крик, мужчина примчался к машине. Он казался обезумевшим, но даже не пытался вытащить женщину из огня.

Автор письма заявлял, что готов дать показания суду, если ему гарантируют безнаказанность. На такое условие прокуратура не пошла. Таким образом, этот свидетель, по всей видимости какой-то браконьер, не был заслушан. Суд принял за неопровержимый факт, что пожар достиг своей кульминации в тот момент, когда появился свидетель Мартин, то есть в 22 часа 10 минут, и что спустя 28 минут, когда прибыли пожарные, машина уже полностью сгорела.

Комиссия по расследованию убийств с самого начала подозревала зубного врача в умышленном поджоге. Надо сказать, что поведение Мюллера давало повод для таких подозрений. Так, например, сразу после пожара он пытался как-то повлиять на газетного репортера, чтобы тот ничего не писал о происшествии. Журналист отказался выполнить просьбу. Тогда доктор Мюллер сам продикутовал ему текст. Согласно этой корреспонденции, причиной пожара был «взрыв печки отопления салона». Доктор Мюллер тотчас поспешил на помощь жене, но «попытки спасти ее увенчались ус-

пехом, только когда она была уже мертва». Газета сообщала также, что еще не выяснено, была ли «эта смерть следствием паралича сердца или ожогов». Жизнь самого доктора Мюллера, сообщалось далее, «находится вне опасности».

Еще более странным было то, что, когда Мюллера привели на место, где был найден колпак колеса, и предъявили свежие царапины на нем, он тотчас изменил свои первоначальные показания. Теперь он говорил, что не потерял колпак, а снял его, чтобы посадить туда ежа, которого увидел в свете фар и решил поймать для своих сыновей.

Подозрения полиции укрепляло еще одно обстоятельство. Доктор Мюллер хорошо знал местность между Оттербергом и Герингеном, поскольку до войны у него тут были охотничьи угодья. Так вот, за несколько дней до происшествия он спрашивался у одного из пациентов, охотятся ли тут по ночам так же часто, как раньше.

И еще немало подозрительного было в этом деле.

27 января 1954 года доктор Мюллер присутствовал на встрече старых членов своей студенческой корпорации. Там он спросил одного врача, можно ли убить человека, введя ему в вену воздух, и можно ли обнаружить этот способ убийства. Собеседник удивился вопросу. Но Мюллер сказал, что ему нужно знать это на случай, если «придут русские». Именно так, по его словам, он хотел бы тогда покончить с собой. Однако было известно, что у Мюллера хранились два исправных и заряженных пистолета. Так что не было никакой необходимости в столь сомнительном способе самоубийства.

Между 10 и 15 февраля 1954 года Мюллер осведомлялся в бюро проката автомобилей об условиях проката и страхования, хотя его «Боргвард Ганза» был совсем новеньким. Ему объясняли, что жизнь пассажиров в бюро проката не страхуется, и он сразу потерял интерес к этому делу. 11 февраля доктор Мюллер купил новую полуторалитровую печку для обогрева салона. А неделей позже, в ночь пожара, в машине опять была старая.

С 16 по 18 февраля 1954 года он купил 20 литров синтетического бензина. Покупку он объяснял тем, что ожидал повышения цен на бензин в ближайшее время. Причем он отказывался от специальных канистр, которые ему предлагали, хотя одна из его канистр была без крышки и просто затыкалась пробкой. Но когда один из свидетелей как-то сказал Мюллеру, что хранить бензин в емкости с обычной пробкой — большая неосторожность, Мюллер пожаловался на отсутствие настоящих канистр в продаже. И в довершение ко всему комиссия по расследованию убийств установила, что у него была любовница.

Начиная с 1947 года Мюллер поддерживал, правда с перерывами, любовную связь со своей бывшей ассистенткой Тилли Гебель. Фрейлейн Гебель выехала в ноябре 1953 года из ФРГ и работала в Англии. С этого времени они могли поддерживать отношения только письменно, но тем не менее связь не прерывалась. Мюллер пересылал корреспонденцию через одного коллегу в Маннгейме.

Только с 1 по 20 февраля 1954 года, как установила полиция, зубной врач имел двенадцать телефонных разговоров со своей возлюбленной, что стоило ему 300 марок. Правда, доктор Мюллер утверждал, что сделал это только с целью свести постепенно переписку и вообще все отношения на нет. Однако на рождество он еще послал своей Тилли «в безумной тоске бесконечно много поцелуев» с трогательной подписью «всегда верный тебе, всегда твой Рихард».

Впоследствии прокурор усмотрел в этой глубокой и бесконечной тоске мотив убийства. Ведь в такой деревне, как Оттерберг, едва насчитывавшей 4000 жителей, жениться еще раз мог только вдовец, но уж никак не разведенный человек. А в том, что доктор Мюллер хотел жениться на Тилли, прокурор не сомневался ни минуты.

Доктор Мюллер, конечно, уверял, что он совершенно не собирался расставаться с женой и жениться на любовнице. Это подтвердила и сама Тилли, но ни прокурор, ни уголовная полиция, ни суд не поверили им.

Вначале Мюллер вообще пытался отрицать связь с Тилли и предпринял все, чтобы скрыть ее.

Так, буквально через день после несчастья он попросил брата отвезти его в Маннгейм. Его коллега должен был позвонить ей оттуда и передать просьбу немедленно уничтожить все его письма. На другой день он попросил знакомого лесничего проверить, дозвонился ли коллега до Тилли. Мюллер объяснял свое поведение тем, что хотел избежать огласки и предотвратить сплетни. Многие были неясны и в самом пожаре. Мюллер утверждал, что сделал все что мог, чтобы спасти жену, но сам потерял при этом сознание. И действительно на его пальто обнаружили немало следов, которые могли появиться от соприкосновения с горячим металлом. Однако не было никакой уверенности в том, как они возникли. Сам Мюллер утверждал, что прожег пальто, когда прижимал его к открытым окнам машины, чтобы прекратить доступ воздуха и таким образом погасить огонь. Но эти следы могли свидетельствовать и о совсем других действиях Мюллера у пылающей машины.

Для сотрудников уголовной полиции Кайзерслаутерна это был чисто теоретический вопрос. Они были убеждены в том, что доктор Мюллер убил свою жену и после этого поджег машину, чтобы уничтожить следы преступления. Эта точка зрения подтверждалась и заключениями экспертов.

26 ноября 1954 года доктор Лещински, эксперт Федерального ведомства уголовной полиции, провел на месте пожара весьма дорогостоящий следственный эксперимент. Для этого потребовались два автомобиля того же типа, что сгоревший. Целью эксперимента было выяснить, сколько бензина могло вытечь из плохо закупоренной канистры за путь, пройденный доктором Мюллером в ту ночь, и достаточно ли было этого количества, чтобы вызвать такие разрушения. Манекен такого же роста и веса, как погибшая, изображал жертву пожара. После многочисленных экспериментов экс-

перт пришел к заключению, что показания Мюллера никак не могли соответствовать действительности. Только если бы вытекли десять литров синтетического бензина, мог вспыхнуть огонь такой силы, чтобы через 70 секунд лопнуло первое оконное стекло машины. Но десять литров составляли весь запас бензина, который, по словам Мюллера, имелся в машине. Манекен, изготовленный из папье-маше и покрытый слоем жидкого стекла, начал гореть через 2 минуты 15 секунд. Через 45 минут огонь погас сам собой. Весь автомобиль сгорел. По заключению экспертизы, в течение первых 25 минут можно было подойти к очагу пожара, открыть дверцу машины и вытащить манекен.

Доктор Мюллер утверждал, что бутылку с 19 см³ бензина, найденную в лесу недалеко от места происшествия, он выхватил из горящего «Боргварда» и выбросил, чтобы предотвратить новую вспышку огня. Однако эксперт не обнаружил на ней никаких следов копоти. Следовательно, бутылку взяли из машины до пожара. Второй эксперт по автомобилям пришел в основном к тем же выводам.

Новую сенсацию преподнес профессор судебной медицины доктор Вагнер — тот самый, который в деле Вользиффера составил ошибочное заключение на основании сомнительного архаичного метода исследования и который в деле отравительницы Кристи Леман не верил в яд Е-605. Призванный вновь в качестве эксперта, Вагнер исследовал обуглившиеся останки погибшей и с обычной своей определенностью заявил, что смерть была вызвана жировой эмболией. Он считал, что фрау Мюллер была уже мертва к моменту возникновения пожара. Причиной жировой эмболии обычно является сильное физическое воздействие на живой организм. В данном случае это могло быть жестокое избиение. Если бы фрау Мюллер была живой к моменту воспламенения машины, то есть дышала, в ее легких, несомненно, имелись бы отложения копоти. Однако профессор не обнаружил их.

Теперь для прокурора все было ясно: доктор Мюллер убил, а потом сжег свою жену. Защитник был другого мнения. Он обжаловал заключения экспертов, критически отозвался о затяжных и чрезвычайно дорогостоящих расследованиях, тем более что их результаты ничего не доказывали, и требовал назначения новых экспертов. Защитник исходил из предположения, что пожар был вызван либо взрывом печки обогрева салона, либо неосторожным обращением женщины со спичками при условии утечки бензина.

Доктор Мюллер по-прежнему отрицал умышленное убийство своей жены. Находясь в предварительном заключении, он предпринял две попытки самоубийства. В письме на имя председателя суда он писал, что хотел уйти из жизни, потому что «на земле нет справедливости». После этого суд направил его на исследование в психиатрическую клинику, удовлетворил просьбу защитника о привлечении к делу новых экспертов и отложил на время слушание дела.

18 июня 1956 года верховный суд земли в Нойштадте продол-

жил заседание под председательством члена верховного суда земли Мюллера. Эксперту Федерального ведомства уголовной полиции Лещински был дан отвод как пристрастному лицу, поскольку он являлся представителем следственных органов. Теперь он выступал не как эксперт, а как компетентный свидетель.

Новый эксперт Шен должен был ответить на вопрос, могла ли печка отопления быть причиной пожара. Дело в том, что адвокат Кунц вызвался представить суду сотни свидетелей, у которых тоже взорвалась такая печка.

Однако инженер Шен утверждал, что эти печки вообще не могут взорваться. Он отверг и ссылку адвоката на то, что бундесвер из соображений безопасности отказался от их приобретения. Бундесвер, заявив он, действительно отказался от использования этих отопительных приборов, но только потому, что они работали при минусовой температуре лишь до 40° Цельсия. В целом эксперт Шен считал, что на основании имеющихся данных причиной пожара можно считать только умышленно пролитый и подожженный бензин.

2 июля 1956 года доктор Мюллер нанес себе лезвием бритвы глубокую рану в локтевом сгибе и два легких ранения на запястьях. В связи с этим судебное заседание началось на час позже. Слово предоставили профессору Вагнеру, который вынужден был «допустить» возможность, что фрау Мюллер могла еще дышать в момент начала пожара. Его заключение о жировой эмболии вызвало сомнения других специалистов судебной медицины. Например, патолог Рандерат обнаружил в легких умершей значительные отложения копоти. Из этого он сделал вывод, что фрау Мюллер жила после начала пожара еще по меньшей мере 30 секунд и сделала не менее десяти глубоких вдохов. Он тоже нашел крошечные капельки жира в легочной ткани. Тем не менее он весьма скептически отнесся к предположению доктора Вагнера о жировой эмболии, поскольку одного глубокого потрясения для такой эмболии было бы недостаточно. Должно было иметь место физическое воздействие исключительной силы. Но вскрытие не давало никакого основания для такого утверждения. Вполне возможно, что впечатление жировой эмболии создало посмертное смещение жировых тканей. Эта точка зрения была поддержана третьим медицинским экспертом, профессором фон Мюллером. И наконец, эксперт-психиатр, профессор Байер констатировал, что доктор Мюллер с давних пор имел предрасположение к неврастению, ипохондрии, театральности и патетике. Вообще он представлял собой пограничный случай шизоидного психопата, но в целом был нормален и мог нести ответственность за свои действия.

Прокурор Ленград, выступивший на суде с трехчасовой речью, потребовал для обвиняемого пожизненной тюрьмы за убийство. Его кредо было: «Кто убивает свою жену и не может назвать мотив преступления, действует из низменных соображений». Адвокат доктора Мюллера требовал оправдания ввиду недостатка улик.

13 июля 1956 года, на пятьдесят второй день слушания дела,

верховный суд земли приговорил зубного врача доктора Мюллера за нанесение тяжелых телесных повреждений и убийство по неосторожности к шести годам тюремного заключения с учетом предварительного заключения. В оправдание приговора председатель суда сказал: «Что есть истина? Что есть справедливость? Возможно, суд и не нашел истины. Но приговор, который в глазах нашего вечного Судьи может быть несовершенным, здесь на земле все же может быть справедливым».

Прокурор и адвокат были другого мнения. Спустя всего 40 минут после оглашения приговора прокурор подал кассационную жалобу в верховный суд ФРГ. Он полагал, что доктора Мюллера либо следовало осудить за убийство, либо оправдать за недостатком улик. Адвокат Кунц присоединился к кассации, поскольку считал, что суд нарушил правовой принцип «in dubio pro geo» (в случае сомнения ответ дается в пользу признания невиновности).

7 февраля 1957 года коллегия по уголовным делам второй инстанции верховного суда отклонила обе кассации. Приговор вступил в силу.

Доктор Мюллер был отправлен в тюрьму Цвейбрюккена. Незадолго до рождения 1959 года, когда оставалось всего полгода до истечения срока, он был амнистирован министром юстиции земли Рейнланд-Пфальц и выпущен из тюрьмы. Но сомнения, которые с самого начала возникли в его деле, не разрешены до сих пор.

ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

В середине 50-х годов полицейская система ФРГ изменилась коренным образом. Начало этому процессу положило создание западногерманского сепаратного государства и провозглашение 23 мая 1949 года Основного закона ФРГ. За три недели до этого, 2 мая, в Бонне три военных губернатора западных зон письменно подтвердили так называемому Парламентскому совету, что будущему федеральному правительству вновь разрешено создать центральные полицейские власти и органы полиции. Правда, они не должны были иметь «командной власти» над местной и земельной полицией, но им предоставлялись полномочия по надзору за пассажирским сообщением и грузовыми перевозками на границе, по сбору и распространению полицейской информации, по расследованию случаев нарушения федеральных законов, то есть все задачи по так называемой охране конституции и недопущению ее нарушения. Это было официальным сигналом западных держав для реакционных кругов ФРГ сформировать полицейскую власть, которая по своему характеру и целям соответствовала бы недавно создан-

ному сепаратному государству. Такая полиция должна была охватывать все, что необходимо господствующему классу для защиты его интересов и подавления любого протеста. А значит, в нее должны были входить все звенья полицейской структуры — от местной жандармерии и полиции порядка, от военизированной полиции готовности и пограничной полиции до уголовной и тайной политической полиции.

Чтобы придать всему делу хотя бы видимость добропорядочности и демократии, в Основной закон были внесены статьи 73, 87 и 91, где речь шла о необходимых полномочиях правительства. Конституция недвусмысленно узаконивала суверенность полиции земель ФРГ, однако предоставляла федеральному правительству право в определенных случаях подчинять полицию земель своей власти.

Получив такую возможность, правительство начало издавать соответствующие законы один за другим.

Характерно, что «первой ласточкой» был закон о Федеральном ведомстве по охране конституции от 27 сентября 1950 года, который санкционировал официальное существование тайной политической полиции ФРГ. Собственно в замаскированном виде и с одобрения оккупационных властей этот орган существовал уже давно. Он был известен как «служба Кельна». Согласно закону, ведомства по охране конституции не имели права применять полицейские средства принуждения или как-то по-иному вмешиваться в гражданские права, но в действительности все выглядело далеко не так. И началось это отнюдь не с принятия так называемого закона «О радикальных элементах» и практики запрета на профессии. Так было всегда. Официально считается, что федеральное ведомство по охране конституции занимается «защитой от антиконституционной политической деятельности», борьбой со шпионажем, охраной государственных тайн и проверкой государственных служащих на лояльность. Но фактически его деятельность выходит далеко за рамки выслеживания политических противников в стране. В широком масштабе это ведомство занимается также шпионской, саботажной и подрывной деятельностью, направленной против ГДР и других социалистических стран. Тогдашний министр внутренних дел Баварии Хехерль назвал сотрудников ведомства по охране конституции «солдатами борьбы против врагов государства». И здесь не было никакой иронии, поскольку большинство из них еще до 1945 года «боролись с врагами государства» и набирали соответствующий опыт в аппаратах юстиции и службы безопасности «третьего рейха». Начало этому положил первый президент ведомства Губерт Шрюббер, который в годы нацизма сделал себе карьеру как прокурор на процессах по обвинению в государственной измене. То же можно сказать о его вице-президенте Альберте Радтке, служившем в эсэсовском аппарате государственной безопасности при Гейдрихе. Не был исключением и специальный уполномоченный президента Федерального ведомства по охране конституции, доктор Густав Гальзвих, бывший обе-

рштурмфюрер СС и директор уголовной полиции, виновный в военных преступлениях на территории Польши и Советского Союза.

Йоганн Штрюбинг, бывший гауптштурмфюрер СС в IV управлении РСХА (гестапо), который раньше пытал заключенных — антифашистов, а теперь руководил в Федеральном ведомстве по охране конституции слежкой и надзором за профсоюзными активистами, или бывший штурмбаннфюрер СС Курт Фишер — все они, а также многие и многие другие из тех, кто формировал и возглавлял боннскую тайную политическую полицию, натянули на себя новую, более «демократическую» овечью шкуру и с прежней ретивостью приступили к делу. Это ведомство подчинялось федеральному министру внутренних дел и довольно скоро было дополнено земельными ведомствами по охране конституции. Все они тесно сотрудничали с уголовной полицией, особенно с группой безопасности Федерального ведомства уголовной полиции. Их полномочия быстро расширились.

Спустя каких-нибудь полгода после создания Федерального ведомства по охране конституции был издан закон о федеральной пограничной охране, руководство и рядовой состав которой состояли практически полностью из бывших кадровых офицеров и унтер-офицеров гитлеровского вермахта. Официальной задачей этого органа является охрана государственной границы с ГДР. Эти униформированные, вооруженные самолетами, танками, скорострельными пушками и другим тяжелым оружием полицейские вооруженные силы, в которые входят и специально обученные диверсионно-десантные подразделения, также подчиняются непосредственно федеральному министру внутренних дел. Причем они действуют не только в районе границы, но и в глубокоом «тылу». Во время крупных акций по розыску и задержанию преступников, при поимке террористов федеральная пограничная охрана предоставляет снайперов. Она всегда тут как тут, если надо жестоко подавить выступления политических противников империалистического режима в ФРГ. Все чаще ее силы используются при разгоне демонстрантов и борцов за гражданские права, как это было в Брокдорфе, Гронде и Калькаре, где население выступало против строительства атомных электростанций. Это военизированное полицейское формирование, о котором бывший председатель западногерманского профсоюза полицейских служащих Кульман говорил, что «пытки там обычное дело», используется на аэродромах, в самолетах и даже за границей для охраны посольств ФРГ. Специальное подразделение федеральной пограничной охраны (так называемая «группа 9»), созданное и обученное для борьбы с террористами и проведения особых операций, действует и в других странах, что доказала акция по освобождению заложников в Могодишо летом 1977 года.

Третий орган полицейской системы ФРГ, имеющий центральное подчинение, — Федеральное ведомство уголовной полиции, Бундескриминальамт (ВКА). Оно было создано 8 марта 1951 года как информационный орган, поэтому его быстро окрестили «поч-

товым ящиком полиции». Законом предусматривалось, что Федеральное ведомство уголовной полиции может само расследовать преступления, если поступит соответствующая просьба от земельной службы или по поручению министра внутренних дел. Как показала практика, это происходит главным образом при расследовании преступлений «гастролеров», действующих на территории ряда регионов, и прежде всего в так называемых случаях нарушения закона об охране государства. Специальными задачами Федерального ведомства являются: сбор данных о борьбе полиции с преступниками-гастролерами, координация деятельности уголовных ведомств земель, информирование земельных полицейских органов о взаимосвязи преступлений, обслуживание криминалистической техники, а также проведение экспертиз.

Кроме того, Федеральное ведомство уголовной полиции осуществляет все связи с международными полицейскими службами и является национальным бюро Интерпола. С 1 апреля 1951 года оно издает свои печатные органы «Бундескриминальблатт» и «Дойче фандунгсбух». Федеральное ведомство было создано на базе бывшей службы уголовной полиции британской зоны. В начале августа 1953 года оно переехало из Гамбурга в Висбаден в новое, специально для него построенное, здание. И сегодня штаб-квартира Федерального ведомства уголовной полиции находится в Висбадене. Штаты службы уголовной полиции британской зоны, составлявшие первоначально 185 единиц, были значительно расширены. Федеральное ведомство имело уже 9 отделов, подразделявшихся на 37 секторов. К ведомству относится и «охранное отделение», состоящее из пяти секторов.

Федеральное ведомство уголовной полиции было создано в то время, когда пост министра внутренних дел занимал известный своими милитаристскими взглядами Лер, по прозвищу «пушечный Лер». Неудивительно, что с самого начала на руководящие посты ведомства прежде всего назначались чиновники из старых «испытанных» полицейских кадров.

Первым президентом Федерального ведомства стал бывший шеф прусского земельного уголовного ведомства и один из издателей журнала «Криминалистик» в годы нацистского режима, доктор Макс Хагеман. В апреле 1952 года его сменил доктор Ганс Йесс, который с 1918 по 1932 год «набирался опыта» в полиции Носке* на постах начальника полиции, шефа ведомства уголовной полиции земли и, наконец, начальника отдела полиции в прусском министерстве внутренних дел. Вслед за ним в 1955 году президентом был назначен Рейнгард Дуллиен, член НСДАП с 1933 года, эсэсовец, служивший во время войны в аппарате гаулейтера и военного преступника Коха. В 1965 году его преемником на посту

---

* Густав Носке (1868—1946), социал-демократ крайне правых взглядов, один из организаторов белого террора в 1919 году в Германии. В 1919—1920 гг. военный министр. — *Прим. пер.*

президента стал Пауль Дикопф, бывший сотрудник аэвера при адмирале Канарисе. Наконец, в 1971 году президентское кресло занял Хорст Герольд, полицейский-президент Нюрнберга.

Одновременно с Федеральным ведомством создавались центральные аппараты уголовной полиции земель. Земельные ведомства уголовной полиции должны были работать на Федеральное ведомство. Таким образом, уже в марте 1951 года определилась структура уголовной полиции ФРГ, основные черты которой сохранились и сегодня.

Согласно этой структуре, уголовная полиция находится в земельном подчинении, но одновременно обеспечено влияние на нее со стороны федерального правительства. Западногерманские эксперты и историки полиции утверждают, что большинство скандальных промахов и неудач в деятельности уголовной полиции до этого времени можно объяснить отсутствием центрального органа уголовной полиции. Но в таком случае следовало ожидать коренного изменения ситуации с момента создания Федерального ведомства. Напрасные надежды! Преступность неуклонно растет с каждым годом, а успехи уголовной полиции в раскрытии преступлений неуклонно падают. Если в 1953 году в ФРГ было раскрыто 73,6% всех преступлений, то в 1956 году это были всего лишь 70,6%. Причем кривая продолжала быстро ползти вниз пока, наконец, в 1970 году число раскрытых преступлений не составило всего 48,3%, то есть менее половины от всех уголовных дел.

За последнее время это печальное положение усугубилось и не надо быть провидцем, чтобы сознавать: для оптимистического взгляда на будущее нет никаких оснований.

ПОХИТИТЕЛИ АВТОМОБИЛЕЙ С ПОЛИЦЕЙСКИМ УДОСТОВЕРЕНИЕМ

Осенью 1955 года в Баварии разразился колоссальный скандал, замаять который не смог даже полицейский-президент Мюнхена Хейгль, несмотря на весь свой опыт в подобных делах. Поводом для скандала послужило самое обычное в ФРГ преступление — автомобильная кража.

Старший ассистент уголовной полиции Мюнхена, 32-летний Эрвин Феллер, любитель шикарных автомобилей и темпераментных женщин, собирался идти в отпуск. Поскольку своей машины у Феллера еще не было, он взял напрокат в обществе автолюбителей элегантный белый «Мерседес-180». Необходимый залог в сумме 400 марок был ему не по карману, но служебное удостоверение избавило его от этого расхода. Удостоверение было подлинным, а Общество автолюбителей преисполнено глубокой веры в уголов-

ную полицию. И так, Феллер умчался на красавце «Мерседесе». Но как вскоре выяснилось, недалеко. Он оставил машину на охраняемой автостоянке у ратуши, в доказательство чего предъявил впоследствии оплаченную квитанцию. Через час он вернулся, чтобы забрать автомобиль, но «Мерседеса» уже не было. Так Феллер обрисовал дело своему коллеге, расследовавшему автомобильные кражи.

Ситуация сложилась довольно щекотливая. Надо же было случиться, что взятый напрокат автомобиль украли именно у чиновника уголовной полиции. Старший ассистент Зельднер, к которому поступали заявления о пропаже автомобилей, знал, как никто другой, что число автомобильных краж в Мюнхене росло день ото дня. Но в данном случае на карту была поставлена честь полицейского мундира. Значит, надо было как можно скорее все уладить.

От начальства на этот счет поступили самые строгие указания, и дежурный сотрудник полиции, это был уже не Зельднер, рьяно взялся за дело. Сначала он допросил Феллера, потом сторожа автостоянки Виллинга, который «прохлопал» угон автомобиля.

Виллинг отнесся к происшествию довольно равнодушно. В конце концов, он не мог быть одновременно в десяти местах, а у вора наверняка были ключи от машины. Если бы машину пытались открыть силой, он сразу бы заметил. В этом вопросе Виллинг стоял твердо и разубедить его никто не мог. Внимательно изучив квитанцию, Виллинг оторопел. «Когда была оставлена машина?» — переспросил он. «Где-то от двадцати часов до двадцати часов тридцати минут», — ответил следователь. «Это совершенно исключено», — заявил Виллинг.

Согласно квитанции, машину запарковали до 18.00, так как было уплачено только тридцать пфеннигов. Но после 18.00 плата за стоянку повышалась до сорока пфеннигов. Следователь настоялся. С какой целью Феллер указал неправильное время? Не поднимая шума, сотрудник полиции взял своего коллегу «на мушку» и решил более серьезно заняться этим происшествием. Просмотрев соответствующую документацию, он натолкнулся на ряд других автомобильных краж, дела по которым были оформлены подозрительно небрежно, со многими упущениями. Его внимание привлекло и странное ограбление мюнхенской автоинспекции на Санкт-Мартинштрассе, когда были похищены незаполненные паспорта автомобилей и печать автоинспекции. Криминалистам сразу бросилось в глаза, что преступник отлично ориентировался в здании. Это ограбление так и осталось нерасследованным. Не исключено, что оно было как-то связано с автомобильными кражами.

Уголовная полиция тщательно изучила круг знакомых Феллера, и обратила внимание на некоего текстильного коммерсанта Финка, который не так давно переключился с текстильной торговли на торговлю подержанными автомобилями. Поговаривали, что машины, которые он продавал, были краденые и поэтому он их сбывал в Австрии.

Напав на верный след, уголовная полиция довольно быстро раскусила и всю нехитрую систему Финка. Автомобиль, который ему нравился или на который у него уже был клиент, угоняли с автостоянки или брали в бюро проката через подставное лицо. После этого в полицию, естественно, поступало заявление о краже. На добытых таким образом машинах меняли номера, оформляли новые документы и совершенно легально пересекали границу. Четыре машины уже «уплыли» таким путем в Австрию. Белый «Мерседес» из Общества автолюбителей Финк самолично угнал со стоянки. При этом он ничем не рисковал, поскольку у него были ключи от машины и квитанция автостоянки. Вообще все предприятие было относительно безопасным для Финка, так как и старшие ассистенты уголовной полиции Феллер и Зельднер, и вахмистр Гесль с самого начала были членами его шайки. Феллер передал Финку ключи от машины и квитанцию и только после того, как «Мерседес» был надежно спрятан, обратился с заявлением в полицию. Самому Феллеру тоже нечего было особенно опасаться. Его коллега Зельднер внимательно следил за тем, чтобы все заявления об автомобильных кражах, совершенных компанией Финка, как можно скорее попадали в корзину для бумаг. Но на сей раз им не повезло.

Нераскрытая кража со взломом в помещении автоинспекции была совершена Феллером, который раздобыл таким образом необходимые для сбыта краденых автомобилей бумаги. В задачи третьего полицейского в шайке, вахмистра Гесля, входило «наводить» банду на подходящие автомобили, сообщать о благоприятных для угона моментах, а в необходимом случае подстраховывать вора. Вся деловую часть, включая рекламу предприятия, взял на себя шеф банды Финк. На Финка работали еще два человека, которые слегка изменяли внешний вид машин и передавали их непосредственно клиентам. Одним словом, это было отлично организованное дело, которое, правда, только начинало становиться на ноги, поэтому оборот его составлял на данный момент всего 35 тысяч марок. Они рассчитывали продать еще сто автомобилей, после чего хотели прикрыть свою лавочку.

Если бы не промашка Феллера с квитанцией или если бы их дело попало в руки Зельднера, все прошло бы гладко и на этот раз. А теперь разразился страшный скандал, который едва не стоил полицей-президенту Хейглю его кресла. Старший ассистент уголовной полиции Феллер был хорошо известен ему. Всего восемнадцать месяцев назад он приказал перевести Феллера из мюнхенской полиции нравов в захолустный филиал: во время облавы Феллера вместе с Геслем и одним комиссаром уголовной полиции застали на квартире известной всему городу проститутки. Конечно, сам по себе этот факт еще ни о чем не говорил: сотрудникам полиции нравов нередко приходится бывать в таких местах. Подозрение вызвало то, что Феллер и его спутники пытались спрятаться от своих коллег в столовой. Но решающую роль в переводе Феллера на другую работу сыграло систематическое исчезновение из картотеки,

которой занимался Феллер, важных документов. Начальник полиции уже тогда собирался уволить Феллера, но потом сменил гнев на милость. Теперь оказалось, что оставив Феллера в полиции, Хейгль вырыл себе яму. Политические противники начальника мюнхенской полиции и многочисленные претенденты на его место из Христианско-социального союза немедленно взяли его под обстрел. Конечно, Хейгль поддерживала его партия, СДПГ, а его права защищал трудовой договор с городом, и тем не менее ему приходилось постоянно балансировать, чтобы удержаться в своем кресле. В довершение ко всему судебное расследование было начато не только против Феллера, Зельднера и Гесля, но и против еще шестидесяти чиновников мюнхенской полиции. Скандал, начавшийся тривиальной автомобильной кражей, быстро разрастался и, как это не раз уже бывало в подобных случаях, вылился в конце концов в политическую грызню. Истинной причиной поднятой вокруг этого дела шумихи была уже не проблема коррупции в полицейском аппарате, а борьба партий за политические выгоды.

Но все это уже не волновало ни Феллера, ни Зельднера, с которых все, собственно, и началось. Правда, их отстранили от исполнения служебных обязанностей, но оба продолжали получать уже после вынесения судебного приговора вплоть до окончания дисциплинарного производства 50% своего жалования. И только вахмистр Гесль, «пешка» в этой преступной компании, действительно пострадал. Он был уволен без предупреждения и без выплаты содержания, поскольку из-за оплошности отдела кадров ему еще не выдали документ о том, что он является чиновником полиции. Документ был давно готов и лежал в отделе кадров, однако, не имея его на руках, Гесль не мог воспользоваться законом о запрещении необоснованного увольнения рабочих и служащих. В конце концов, порядок есть порядок.

СПОР ШЕФОВ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ

Почти в то же время, когда о скандале в Мюнхене кричали все газетные заголовки, в 300 километрах к северо-западу от баварской столицы внимание общественности привлекли два шефа уголовной полиции: криминаль-директор Оскар Ристер из Маннгейма и его франкфуртский коллега Кристиан Фриз. В этой же связи говорили и о начальнике инспекции уголовной полиции из Франкфурта гаупт-комиссаре Гельмуте Конраде. Правда, речь шла на этот раз не о таких неприятных вещах, как в Мюнхене, а о споре за «криминалистические лавры». Все началось с пресс-конференции директора уголовной полиции Фриза и гаупт-комиссара Конрада, которая состоялась 19 октября 1955 года во Франкфурте-на-

Майне. На пресс-конференции они красочно и во всех деталях рассказали журналистам о своей увенчавшейся успехом погоне за пресловутой бандой Йегера. Из их рассказа выходило, что поимка банды целиком и полностью является заслугой франкфуртской «специальной комиссии по ликвидации банды Йегера», возглавляемой заслуженным гаупт-комиссаром Конрадом. Единственный, кто оказывал поддержку франкфуртским коллегам со стороны, был, по их словам, прокурор Ангельбергер из Маннгейма.

Такой поворот дела очень не понравился шефу маннгеймской уголовной полиции Ристеру. Буквально на следующий день он тоже организовал пресс-конференцию, на которой репортеры с изумлением узнали, что с бандой Йегера покончила не франкфуртская, а маннгеймская уголовная полиция, точнее, два ее лучших сотрудника, обер-секретари уголовной полиции Айпер и Вейсман. Что же касается роли франкфуртской полиции в этом деле, то она только путалась в ногах маннгеймских коллег, мешая вести расследование.

Уголовная полиция Маннгейма действительно провела во Франкфурте полулегальную операцию, в результате которой так называемое трио Йегера было арестовано. По сути, они увели добычу прямо из-под носа местной полиции, которая давно охотилась за бандой и теперь только ждала момента, чтобы схватить их. 28-летний Карл-Гейнц Йегер и его сообщники Хорст и Вилли Корбмахер подозревались в ограблении пенсионной кассы, из которой было похищено 80 тысяч марок. Созданная специально для поимки этой банды комиссия франкфуртской уголовной полиции предполагала, что на совести банды еще не менее пятидесяти разнообразных преступлений, в том числе кражи со взломом, нападения с целью грабежа и угоны автомобилей. Йегера и его дружок не раз допрашивали, но в конце концов их приходилось освобождать за недостатком улик. За всеми членами банды велась непрерывная слежка.

Преступники старались не давать полиции нового повода для подозрений. Проходили недели, полиция по-прежнему следовала за ними по пятам, не теряя надежды, что рано или поздно они начнут сорить награбленными деньгами направо и налево.

Уголовная полиция Маннгейма в это время еще не связывала никаких преступлений с бандой Йегера. Криминаль-директор Ристер мало интересовался, над чем работают его франкфуртские коллеги. У него были свои проблемы. Его люди лихорадочно искали преступников, которые в марте 1954 года совершили кражу со взломом в одном из магазинов города, похитив конторские аппараты на сумму 15 тысяч марок.

Наконец, обер-секретарям уголовной полиции Айперу и Вейсману, расследовавшим это дело, удалось напасть на след краденого. След привел к банде из Франкфурта, переправлявшей контрабандным путем в Париж краденые меха, фотоаппараты, бриллианты и всевозможные конторские аппараты. Для этого использова-

лись купе скорых поездов, в которых ехали американские офицеры.

Преступников арестовали, отсутствие части краденого из маннгеймского магазина было объяснено, но главарей так и не нашли. И тут к розыску подключился энергичный прокурор Ангельбергер из Маннгейма. Он обратился к нескольким коллегам в разных городах ФРГ с просьбой сообщить об аналогичных кражах со взломом, имевших место в других местах. Вскоре в его распоряжение поступила масса материала, который он тщательно изучил с сотрудниками уголовной полиции Маннгейма. Он же установил и контакт с Франкфуртом, сам поехал туда и во время беседы с сотрудниками уголовной полиции узнал о банде Йегера и их пока еще не доказанных преступлениях. Изучая дела о кражах со взломами, которые числились за этой шайкой, Ангельбергер заметил определенное сходство со случаем в Маннгейме. Поэтому он направил маннгеймскую полицию по следу Йегера. Обер-секретари Айпер и Вейсман начали розыск банды, ни слова не сказав об этом франкфуртским коллегам.

Дело пошло еще живее, когда в Маннгейм пришло сообщение из Баварии, что в мюнхенской тюрьме сидит бывший сообщник Йегера Гельмут Баумгертнер. Ристер с помощью Ангельбергера немедленно добился его перевода в тюрьму Маннгейма.

Баумгертнер не заставил долго себя уговаривать и обрисовал своего бывшего дружка самыми черными красками. Он даже вызвался отвести Айпера и Вейсмана на место, где вместе с Йегером совершил в свое время кражу со взломом. Ристер дал на это «добро» и 27 апреля 1955 года обер-секретари уголовной полиции отправились вместе со своим заключенным в Хильден (Вестфалия). Однако Баумгертнер ловко надул их со своим предложением. По дороге он сбежал, и полицейские вернулись ни с чем. Через пять дней, ранним утром 2 мая, отряд маннгеймской полиции в количестве пятнадцати человек во главе с прокурором Адельбергером выехал во Франкфурт и арестовал все «трио Йегера». Вполне понятно, что франкфуртская уголовная полиция была взбешена этой охотой на ее участке, о которой ее даже не предупредили.

Маннгеймцы забрали арестованных с собой. Правда, было обговорено, что дальше расследовать дело обе службы должны сообща. Но из этого ничего не вышло, поскольку маннгеймская полиция фактически изолировала заключенных от франкфуртцев. Франкфуртская специальная комиссия оплатила тем, что не предоставила маннгеймцам важнейшие для разоблачения банды улики. В то же время она требовала результатов расследования, поскольку большинство преступлений Йегера и его сообщников были совершены на ее территории. Выполнить это требование уголовная полиция Маннгейма не могла по той простой причине, что никаких результатов пока достигнуто не было. Ни Йегер, ни его сообщники, братья Корбмахер, не спешили с признанием.

Тогда франкфуртская уголовная полиция начала давить на прокурора Ангельбергера и давила до тех пор, пока он, несмотря

на протест Ристера, не разрешил франкфуртцам самим, без соглядатаев Ристера, допрашивать арестованных. С этого момента дело струнулось с мертвой точки. Франкфуртцы в два счета добились того, над чем неделями безуспешно бились маннгеймцы. Первым сознался Вилли Корбмахер. Через девять дней эти показания подтвердил его брат Хорст. Шеф банды Йегер потянул еще пять дней и тоже начал давать показания.

Бандиты сознались в трех крупных ограблениях, в том числе в налете на пенсионную кассу, в пятидесяти кражах со взломами и многочисленных мелких кражах. Спустя ровно неделю шеф уголовной полиции Франкфурта устроил пресс-конференцию и на ней рассчитался со своими маннгеймскими коллегами за самовольную операцию на его участке.

В ответ Ристер организовал собственную пресс-конференцию, на которой нанес франкфуртцам ответный удар, обвинив их в поверхностном расследовании дела. Он заявил, что банда Йегера несет ответственность не только за те преступления, в которых она созналась, но и за преступления таинственных «гангстеров автострады», которых давно и безуспешно разыскивает полиция. Ристер имел в виду одно уголовное дело, которое тоже обернулось скандальной историей для полиции. Осенью 1954 года на автостраде в земле Северный Рейн-Вестфалия за короткое время было совершено семь вооруженных нападений с целью ограбления. Последнее датировалось 13 ноября 1954 года.

Преступники разъезжали на темном «Форде таунус» и были вооружены автоматами. Полиции были известны их приметы. 13 ноября министр внутренних дел земли Северный Рейн-Вестфалия Франц Майер выступил по радио с информацией о деятельности этой банды и призвал водителей незамедлительно сообщать полиции о всех подозрительных личностях, пытавшихся остановить машину на автостраде. Одновременно министр предупредил население, что любое требование остановиться со стороны сотрудников полиции должно немедленно выполняться водителями, поскольку «в противном случае полиция будет вынуждена прибегнуть к огнестрельному оружию». Приказ открывать огонь, полученный от самого министра, вызвал настоящий психоз среди полицейских, которым теперь всюду мерещились гангстеры, что в конце концов привело к массовым злоупотреблениям и актам насилия. Так, полицейским патрулем была застрелена 22-летняя Елена Неттерсгейм, муж которой не сразу остановил машину в ответ на требование патруля. Спустя пять дней, 21 ноября, полицейский Кальвейт в упор застрелил крестьянина Гельмута Франтцена, ехавшего на тракторе. Франтцен показался ему подозрительным, и этого было достаточно, чтобы выстрелить.

В целом после выступления Майера по радио в уголовную полицию земли Северный Рейн-Вестфалия поступило около 1200 сигналов. Специальная комиссия из сорока пяти человек день и ночь занималась их проверкой. В результате длительного расследования комиссия пришла к выводу, что только семь случаев сов-

падали настолько, что их можно было отнести на счет одних и тех же лиц. Но все семь случаев были известны полиции еще до этой шумной охоты на гангстеров. Таким образом, речь министра не принесла ничего, кроме очередных промахов и позора. Не случайно официальная пресс-служба Социал-демократической партии Германии задала весной 1955 года вопрос: «А существовали ли вообще «гангстеры автострады»?» Предположение, что вся эта шумиха вокруг гангстеризма на автодорогах была «сознательно и хладнокровно инсценирована определенными кругами», высказывалось пресс-службой СДПГ еще 24 ноября 1954 года. Развернута же вся эта кампания была в целях создания в стране благоприятной атмосферы для введения смертной казни, чего добивалось правительство Аденауэра.

И вот теперь криминаль-директор Маннгейма заявил, что нашел разгадку. Он надеялся на дополнительные лавры, но вызвал только насмешки, и в первую очередь со стороны банды Йегера. «А мы-то все время ждали, что «гангстеры» не сегодня-завтра нападут на нас», — заявил один из братьев Корбмахер, — «но уж мы бы им показали...»

СМЕРТЬ ПОДСТЕРЕГАЕТ ВЛЮБЛЕННЫХ

Превратившись из предмета роскоши в товар массового потребления, автомобиль приобрел особую популярность и как место, где любовники могли побыть наедине. Благодаря «гнездышку на колесах» можно было ускользнуть от любопытных взглядов, укрыться где-нибудь за городом, а то и просто в тускло освещенном переулке, чтобы без помех предаться радостям любви. Однако «помехи» иной раз все-таки возникали. В цивилизованном мире даже самое уединенное место имеет порой глаза и уши, а иногда и смертельные когти.

В ночь на 7 января 1953 года доктор Бернд Серве, секретарь по вопросам правовой охраны Объединения немецких профсоюзов, испытал это на себе. Серве подыскивал для своих любовных приключений самые отдаленные и уединенные места. Где-то между 22 и 23 часами он остановил свой «Опель-капитан» на шоссе, ведущем из Кайзерверта в Дюссельдорф. В этот поздний час здесь не было ни души. Парочка так увлеклась, что не услышала торопливых шагов, приближавшихся к машине. Внезапно дверца рядом с Серве распахнулась и почти в то же время распахнулась и вторая. «Влюбленные» в испуге отскочили друг от друга, но, прежде чем успели сообразить в чем дело, раздался выстрел. Доктор Серве рухнул.

Профсоюзный деятель был мертв, убийц и след простыл.

По заключению судебного врача, пуля прошла через нижнюю челюсть Серве, зацепила язык, раздробила два шейных позвонка, при этом был задет спинной мозг, что и вызвало мгновенный паралич.

Несмотря на энергичный розыск, уголовной полиции Дюссельдорфа не удалось обнаружить никаких следов, кроме пули, поразившей Серве, или установить убедительный мотив преступления. Оставалось только предполагать, что преступникам была нужна машина, а не Серве.

Расследование зашло в тупик. Дело об убийстве доктора Серве перекочевало в архив нераскрытых преступлений. О нем уже почти забыли, когда в окрестностях Дюссельдорфа произошли два новых убийства.

Утром 28 ноября 1955 года владелец одной транспортной фирмы обнаружил в яме, вырытой экскаватором, автомобиль. Это случилось на северной окраине города, неподалеку от шоссе Кайзерверт-Ратинген. Хозяин решил засыпать яму и заглянул в нее, чтобы определить, сколько потребуется земли. Яма была заполнена водой, из которой выглядывала крыша автомобиля. Машину вытащили. В ней лежали два трупа.

В убитых опознали 26-летнего пекаря Фридрихельма Бере из Дюссельдорфа и его подругу, 23-летнюю Теа Кюрман из Брилона, пропавших еще 1 ноября.

Вечером 31 октября Бере был в одном из ресторанов в центре Дюссельдорфа вместе с Теа и ее отцом. Молодые люди привлекли внимание посетителей откровенной влюбленностью друг в друга. Незадолго до полуночи Бере вырезал на деревянной балке ресторана сердце с инициалами Теа и своими. После этого парочка ушла. Отец улыбувшись подмигнул дочке и остался в ресторане.

Очевидно, влюбленные поехали на машине к лесу на северной окраине города. С тех пор их никто не видел.

2 ноября у родителей Бере раздался телефонный звонок. Голос в трубке сказал: «Слава богу, что с этой свиньей покончено!» Анонимные звонки повторялись и в следующие дни. Уголовная полиция предполагала, что звонил убийца, так как трупы в это время еще не были найдены. Только убийца мог знать, что пропавших уже нет в живых. Самое удивительное, что звонки прекратились, как только телефон Бере был взят полицией под контроль. Кроме того, складывалось впечатление, что убийца хорошо знает семью. Когда дочь Бере однажды попыталась выдать себя за мать, звонивший быстро сказал: «Ты не фрау Бере!» и повесил трубку. Кто был этот хорошо осведомленный аноним, так и не удалось выяснить. Дюссельдорфская полиция безуспешно пыталась отыскать его среди знакомых семьи.

Полицай-президент Дюссельдорфа объявил о денежном вознаграждении в 5 тысяч марок за «полезную информацию, которая приведет к поимке преступника». Была создана специальная комиссия по розыску «убийцы любовных пар». Как и в убийстве Серве, оставался неясным мотив преступления. При убитых не было

найден ни денег, ни украшений, но отец Бере утверждал, что дал сыну 200 марок, поэтому полиция после некоторого колебания все же предположила убийство с целью ограбления и сконцентрировала внимание на соответствующем круге лиц. Потом выяснилось, что Фридрих Берг получил 200 марок за две недели до убийства, так что неизвестно, были ли у него эти деньги в момент убийства. Таким образом, версия об убийстве с целью ограбления стала вызывать еще больше сомнений.

Комиссия продолжала заниматься расследованием дела об убийстве Бере — Кюрман, когда пришло новое сообщение. Утром 9 февраля 1956 года к северу от Бюдериха в сгоревшем стоге соломы была обнаружена машина с обуглившимися трупами 26-летнего водителя Петера Фалькенберга и 23-летней машинистки-стенографистки Хильдегард Вассинг из Дюссельдорфа. В последний раз парочку видели вечером 7 февраля в дюссельдорфском ресторане. После этого они бесследно исчезли.

Вскрытие показало, что Петер Фалькенберг был ранен в нижнюю челюсть выстрелом из ручного огнестрельного оружия калибра 5,6 мм и после этого прикончен ударом тупого предмета. Его спутницу оглушили ударами по голове, после чего задушили. Преступник связал ее веревкой и заткнул рот кляпом из тряпки и резиновых колец от консервных крышек.

Убив пассажиров, преступники вкатили машину в стог соломы и подожгли ее.

Трупы были найдены всего в двенадцати километрах от того места, где были убиты Бере и Кюрман. Несомненно, между обоими преступлениями существовала связь.

Уголовная полиция опять объявила о вознаграждении в 5 тысяч марок за содействие в поимке преступников. Специальная комиссия получила подкрепление: теперь она состояла из шестидесяти человек. Было разослано 250 тысяч анкет с вопросами. Жители заполнили их, и уголовная полиция тщательно проанализировала ответы. Радио и пресса предостерегали супружеские и любовные пары от остановок в уединенных местах.

В середине марта арестовали одного подозрительного типа, но у него было прочное алиби.

Уголовная полиция еще подводила итоги опроса населения, когда было совершено новое нападение на любовников. Это произошло вечером 4 мая на лесной поляне недалеко от Бюдериха. Бандитов было двое. Женщина в ужасе бросилась бежать в сторону дороги. Преступник помчался за ней. Он уже догнал ее и вот-вот схватил бы, но в этот момент из леса выехал какой-то человек на мопеде, а на шоссе одновременно с ним показался мотоциклист. Преследователь оставил ее и побежал назад. Тем временем его сообщник, угрожая мужчине пистолетом, требовал деньги. Прибыв на поляну, бандит крикнул об опасности, и оба моментально исчезли.

Это был первый случай, когда жертвам удалось уйти от убийц. К сожалению, в момент нападения в лесу было темно, поэтому ни

мужчина, ни его спутница не могли описать внешность преступников.

Специальная комиссия во главе с комиссаром уголовной полиции Айнком по-прежнему терялась в догадках, когда поступило важное сообщение от одного лесничего. 10 июня дождливым воскресным вечером лесничий Шпет совершал обход по участку Штрюмпер Буш. Мокрые от дождя дороги были очень удобны для съезда с них в лес, и Шпет решил проверить, как живется «всякой божьей твари» в его лесу. Между 18 и 19 часами он заметил свежий след от мотоцикла. Шпет уже не в первый раз видел такие следы, часто их оставляли браконьеры, поэтому лесничий решительно двинулся вперед. Вскоре он увидел мужчину, который как раз маскировал папоротником свой мотоцикл. Когда же этот человек, одетый в маскировочный костюм, с кошачьей осторожностью скользнул в лес по узкой охотничьей тропе, Шпет крадучись пошел следом за ним, держа наготове заряженную трехстволку.

Шпет шел прямо под пулю браконьера, и, если бы тот действовал так же, как многие его собратья, на свете могло стать одной вдовой лесничего больше. Дело в том, что неизвестный спрятался в укрытки и вскочил прямо перед испуганным лесничим только, когда тот чуть не наступил на него. Несмотря на неожиданность, Шпет не растерялся, и благодаря этому наконец-то совершился долгожданный поворот в расследовании таинственных убийств. Во-первых, он не долго думая схватил подозрительного мотоциклиста, во-вторых, успел заметить, как тот пытался выбросить какой-то предмет, который оказался заряженной пистолетной обоймой.

Арестованный представился как Вернер Бост из Бюдериха и утверждал, что просто прогуливался ю лесу, но ни лесничий, ни тем более полиция, которая давно знала этого субъекта, не поверили ему.

Бост уже трижды привлекался к судебной ответственности за валютные преступления, был осужден за крупную кражу и незаконное хранение оружия. Так что комиссара Айнка не могли ввести в заблуждение ни открытое юношеское лицо Боста, ни его уверения в невиновности, произнесенные самым правдивым тоном.

Босту шел тридцать второй год. Он был внебрачным ребенком и воспитывался у бабушки. До 16 лет он носил фамилию Кореки. С 1950 года Бост с женой и двумя детьми жил в Бюдерихе, где пользовался хорошей репутацией. Он занимался дзю-до, интересовался химией, особенно ядами, и был буквально помешан на оружии. Всему Бюдериху было известно, что, стреляя с бедра из пистолета на расстоянии 3—4 метров, он поражал в яблочко маленькую мишень для стрельбы из пневматического ружья.

Поскольку во время ареста Бост пытался выбросить полную пистолетную обойму, уголовная полиция попыталась найти сам пистолет. Крупный отряд полицейских несколько раз безуспешно прочесал район Штрюмпер Буш. Но только после того как Боста еще раз хорошенько допросили и он сам указал тайник, полиция

конфисковала пистолет П 38, калибра 9 мм. Пистолет был заряжен и снят с предохранителя.

Теперь уголовная полиция могла предъявить арестованному обвинение в незаконном хранении оружия плюс в нескольких кражах и браконьерстве. Но с убийствами любовных пар полиция не видела никакой связи, да и никаких оснований для этого не было. Подозрение зародилось только после обыска в доме Боста, где нашли целый склад оружия, различные химикаты и значительное количество цианистого калия. Однако среди изъятого оружия не было ни пистолета, из которого убили пару Бере — Кюрман, ни того, из которого стреляли в доктора Серве. Поэтому пришлось ограничиться обвинением Боста в незаконном хранении оружия. Отделение по уголовным делам земельного суда в Дюссельдорфе приговорило его к шести месяцам тюремного заключения.

Официально дело Боста было на этом закончено. Но дюссельдорфская специальная комиссия все больше склонялась к мнению, что Бост и был тот самый разыскиваемый убийца влюбленных. Негласное расследование продолжалось. При этом уголовная полиция натолкнулась на некоего Франца Лорбаха, который самоотверженно поддерживал жену Боста в это трудное для нее время.

Лорбах был также хорошо известен полиции, хотя и не имел судимостей. Маленький и тщедушный, но очень ловкий, с темными близко посаженными глазами и острым хищным носом, Франц Лорбах напоминал дикую кошку, всегда кого-то подстерегающую и каждую минуту готовую к прыжку. Он очень интересовался охотой и всем, что было с ней связано. Лорбах, как и Бост, был отъявленным браконьером. Их дружба вызвала подозрение полиции, тем более что и убийство доктора Серве, и последнее нападение на любовную пару были совершены двумя преступниками. В квартире Лорбаха немедленно произвели обыск и наряду с вещами, уличающими его в браконьерстве, обнаружили оружие и украшения, похищенные путем краж со взломом, совершенных в Бюдерихе и еще нераскрытых.

Так Франц Лорбах тоже угодил за решетку, и специальная комиссия сосредоточила на нем все внимание. С ним полиции повезло больше, чем с Бостом, который упорно отрицал участие в убийствах. Зная неустойчивость психики Лорбаха, комиссия переходила от строгого, официального тона допросов к более мягкому и, наконец, к прямо-таки отеческому тону и благодаря этому довольно успешно продвигалась к своей цели. Во многом им помог случай. Выкорчевывая живую изгородь у самого дома Боста, рабочие нашли тайник с оружием, где были и украшения, похищенные во время тех же краж со взломом, за которые сидел Лорбах. Моток пеньковой веревки, куски ткани и резиновые кольца от крышек для консервирования довершили картину. Связь с убийством пары Фалькенберг — Вассинг была совершенно очевидна.

Федеральное ведомство уголовной полиции провело экспертизу, которая показала, что найденная пеньковая веревка имела такое же кручение, как и та, которой была связана убитая Хильдегард

Вассинг. Такое же заключение было сделано в отношении резиновых колец и кусков ткани.

Специальная комиссия нажала на Франца Лорбаха, и вскоре он сознался, что присутствовал и при убийстве доктора Серве, и при нападении на пару в Меребуше. По его словам, именно Бост застрелил Серве и подстрекал к нападению в Меребуше. Однако ни угрозами, ни посулами нельзя было заставить Боста подтвердить это обвинение. Четыре года и три месяца билась полиция, пытаясь изобличить его. Наконец прокурор предъявил обвинение.

Бост, которого комиссар уголовной полиции Айнк уже представил прессе как «убийцу любовных пар», отбыв шесть месяцев в тюрьме, был сразу же переведен в камеру предварительного заключения. Все это время он старательно изучал уголовно-процессуальный кодекс, готовясь к своей защите. Судья и прокурор довольно быстро ощутили плоды этого «просвещения», когда стали поступать жалобы обвиняемого суду на содержание под стражей.

Тем временем обласканный полицией Франц Лорбах с одобрения прокуратуры готовился выступить в роли «главного свидетеля». До этого уголовное право ФРГ не знало правового института «главного свидетеля», то есть сообщника преступников, который выдавал соучастников, чтобы избежать наказания или смягчить его. Такой вопрос даже не рассматривался в то время западногерманской юстицией и учеными-правоведами. Это произошло гораздо позже, когда расследовалось дело террористической группы Баадера-Майнхоф. Но Лорбах должен был заговорить во что бы то ни стало, и дюссельдорфская полиция решила прибегнуть к этому приему.

Просто диву даешься, на что только не идет западногерманская уголовная полиция ради успеха. Лорбаху, например, не нравилась еда в предварительном заключении, и он тотчас был переведен в полицейскую тюрьму, где стал получать пищу из столовой полицейского управления Дюссельдорфа. К нему приставили специального сотрудника, с которым он гулял по городу, он навещал время от времени свою семью, а иной раз ходил и в кино. Шеф уголовной полиции Айнк не погнушался пригласить его к себе домой на чашку кофе.

Лорбах не остался в долгу перед любезными полицейскими. Во время прогулок по городу, которые нередко заканчивались в одной из дюссельдорфских пивных, он звонил Айнку и заверял его, что не собирается выкинуть никакого номера и оправдает возложенные на него надежды. Но самое главное, он открывал все новые преступления Боста. Само собой разумеется, всякий раз при этом подчеркивалось, что хотя сам Лорбах и принимал в них участие, но был, скорее, жертвой Боста, от которого зависел целиком и полностью.

Так Лорбах поставлял все новые и новые материалы обвинения. Земельный суд Дюссельдорфа должен был начать слушание дела 3 ноября под председательством директора суда доктора Неке. Дело Боста под номером 11189/575S2 K S1/59 составляло уже

1400 листов и содержало все данные об убийствах любовных пар и о многих других преступлениях. В частности, Бост обвинялся в том, что в ночь со 2 на 3 июня 1951 года вместе с сообщником на лугу под Лохаузенем подстрелил из самодельного оружия коро-ву и увез тушу в машине. Спустя месяц он с тем же сообщником устроил ночью на дороге из утыканых гвоздями досок западню для автомобилей. И в том и в другом случае у Боста был с собой заряженный пистолет 08. Но операция «западня» не удалась. Гвозди оказались слишком мягкими. В следующий раз, в ночь с 7 на 8 июля, была сооружена новая западня, с более крупными гвоздями, но опять безуспешно.

Летом 1952 года Бост познакомился с Францем Лорбахом. С этого времени они стали неразлучны, вместе браконьерствовали и упражнялись в стрельбе. Лорбах старался услужить новому другу чем только мог. Он брал для него в библиотеке книги о ядах и оружии и даже предлагал себя для «тренировок».

7 января 1953 года Бост посвятил своего верного помощника в план ограбления кассы одного из предприятий. Лорбах был слишком труслив, чтобы принять участие в такой операции, но вылезал помочь Босту угнать необходимый для этого автомобиль. Так было совершено убийство доктора Серве.

Поскольку Бост все отрицал, суд провел по делу об убийстве Серве выездное заседание, на котором Лорбах с такими деталями продемонстрировал, как было совершено преступление, что суд поверил его показаниям.

Правда, оставалась одна мелочь, вызывавшая сомнения. Лорбах уверял, что во время нападения распахнул правую заднюю дверцу машины. Но, по показаниям полицейского, который проводил осмотр места преступления в тот день, эту дверь вообще нельзя было открыть снаружи, что подтвердили также автомеханик и владелец бюро проката автомобилей.

Имелось еще одно обстоятельство, так и не выясненное до конца судом присяжных. Кому же принадлежал пистолет 08, из которого предположительно стрелял преступник? Завернутый в пыльную тряпку, он был найден каким-то мастеровым среди жестянок на откосе холма недалеко от дома Боста и передан в полицию. Мастеровой утверждал, что показывал пистолет отцу Боста в присутствии его сына. Но отец не помнил, чтобы у сына был такой пистолет. Оружие было предъявлено несколькими общим друзьям Боста и Лорбаха, однако и они давали противоречивые показания о том, кто же был его владельцем, хотя опознать пистолет было очень легко: у него не было мушки, а на рамке рукоятки имелся дефект и характерные пятна ржавчины. Один из свидетелей заявил, что оружие принадлежало Лорбаху. Он утверждал, что не мог ошибиться, потому что сам как-то стрелял из него. Лорбах же доказывал, что из этого пистолета до убийства вообще не стреляли, а свидетель опознал пистолет только потому, что из всех предъявленных пистолетов лишь на этом не было мушки. Что касается Боста, то он заявил, что вообще впервые видит это оружие.

Не было никаких доказательств, что пистолет принадлежал именно ему, но суд допускал, что в момент убийства Серве он был в руках Боста.

В приговоре также указывалось, что Бост после убийства Серве, в середине июля 1953 года, вновь украл корову под Лохаузенем. Спустя несколько месяцев, 19 декабря, он вместе с Лорбахом и еще одним сообщником обворовал курятник в Бюдерих-Нидердонке. Когда крестьянин и его работник хотели наброситься на грабителей с вилами, Бост выстрелил, но никого не задел. Пустую гильзу он подобрал.

Что делал Бост до 8 февраля 1956 года, полиция не знала. Но в этот день они с Лорбахом поехали на угнанном мотоцикле в Дюссельдорф-Оберкассель, где собирались ограбить местную большую кассу. Оба были вооружены и взяли с собой маски. Увидев, как оживленно в помещении кассы, Лорбах испугался и моментально исчез. Поколебавшись, Бост последовал за ним.

В ночь с 30 апреля на 1 мая Лорбах и Бост украли автомобиль из гаража одного крестьянина. И наконец, на основании признания Лорбаха Бост был признан виновным в совершении нападения на пару в Меребуше. В тот вечер Лорбах попросил друга помочь ему выследить самца косули. Они вооружились пистолетами и поехали в лес. Прибыв на место, приятели неожиданно заметили, как метрах в ста от них вспыхнула спичка. Они подкрались ближе и увидели любовную пару.

Бост был осужден за все эти преступления, хотя сознался только в нескольких кражах скота. Во всех остальных случаях, особенно в деле об убийстве Серве, приговор почти исключительно опирался на показания полностью прирученного полицией «главного свидетеля» Франца Лорбаха.

Обращает на себя внимание, как часто уголовная полиция ФРГ строит обвинение на информации, полученной от таких вот «авторитетных» лиц. Причем это имеет место не только в политических делах, когда боннские органы безопасности, как правило, прибегают к шпионажу, шантажу и просто незаконным методам, как, например, подслушивание, но и в борьбе с так называемой обычной преступностью.

Общеизвестно, что при этом в лапы юстиции нередко попадают невинные. Скончавшийся в 1976 году президент Немецкой лиги по правам человека Франк Арнау и другие известные деятели ФРГ не раз выступали с резким осуждением феномена «несоблюдения законности» в ФРГ. Однако уголовная полиция продолжает придерживаться этой позорной практики.

Конечно, Бост не был невинной жертвой западногерманской юстиции, но даже его дело ярко иллюстрирует сомнительные методы работы уголовной полиции ФРГ, характеризующиеся предвзятостью и стремлением к успеху любой ценой.

Согласно обвинительному заключению, Бост совершил и убийства в ноябре 1955 и в феврале 1956 года, то есть был разыскиваемым убийцей любовных пар. Обвинение основывалось на целом

ряде улик. Лорбах показал, что ноябрьской ночью 1955 года Бост велел ему почистить пистолет. Из пистолета, правда, не стреляли, но его рукоятка была измазана желтой глиной. У самого Боста все лицо было в «крошечных брызгах крови». В ночь убийства Бере и Кюрман Лорбах, по его словам, отвез приятеля на мотоцикле как раз в этот район и там оставил его. Через несколько дней Бост вернул ему несколько сот марок, которые брал займы три года назад. Как известно, уголовная полиция поначалу исходила из того, что у Бере была при себе солидная сумма.

У Лорбаха было наготове и объяснение мотива убийств. Он заявил, что его друг «ненавидел капиталистов», которые могли себе позволить выезжать с подружкой в машине на природу. Итак, Бост — враг богатых! Но ведь ни одна из его жертв не была богата, не говоря уж о «капиталистах».

Суд опять назначил выездные заседания, но они не дали никаких результатов. Бравый полицейский свидетель не смог сообщить никаких сведений по самому преступлению.

Улики, которыми располагал суд, были разложены на трех столах в зале судебных заседаний. Среди прочего была целая коллекция оружия, включая английский автомат.

Одна только полиция представила пять экспертов: четверо были из Федерального ведомства уголовной полиции и один из ведомства уголовной полиции земли Северный Рейн-Вестфалия. Эксперт по огнестрельному оружию из Федерального ведомства заявил, что допускает возможность убийства пары Фалькенберг — Вассинг и доктора Серве из одного оружия. Обе пули были выпущены из пистолета с шестью нарезами правого направления в канале ствола. Такое устройство имели два конфискованных у Боста пистолета. Определить точно, каким из них пользовался убийца, не представлялось возможным.

Эксперт-химик из Федерального ведомства заявил, что в оборудованном под лабораторию подвале Боста были найдены химикаты, которые можно увидеть в большинстве лабораторий: денатурат, эфир, сера, селитра, муравьиная кислота и сода.

Третий эксперт из Федерального ведомства обнаружил цианистый калий в одной из бутылочек и шприце, конфискованных у Боста.

Что касается эксперта из земли Северный Рейн-Вестфалия, то ему с самого начала было совершенно ясно, что Бост интересовался главным образом такими химикатами, которые можно использовать для убийства или нападения. Чтобы сделать подобный вывод, ему было достаточно того, что у обвиняемого был изъят стрихнин и записи о некоторых приемах дзюдо.

Прокурор считал Боста полностью изобличенным в совершении трех убийств и потребовал приговорить его трижды к пожизненному тюремному заключению, а за остальные преступления к различным срокам заключения, которые в сумме составляли семнадцать лет. Кроме того, прокурор настаивал на лишении Боста как злостного рецидивиста гражданских прав.

Прокуратура подозревала Боста и в убийстве Бере — Кюрман, но за недостатком улик считала возможным вынести оправдательный приговор. К главному свидетелю Лорбаху прокурор отнесся гораздо мягче. Кара за участие в убийстве доктора Серве составляла всего три года тюремного заключения. За все свои преступления Лорбах должен был получить четыре года и шесть месяцев тюрьмы. Три года, проведенные в предварительном заключении, засчитывались в меру наказания.

Оба адвоката обвиняемого начали свою речь с ходатайств. Во-первых, они просили разрешить психологам обследовать Франца Лорбаха для установления правдивости его показаний. Во-вторых, они требовали, чтобы комиссар уголовной полиции Айнк санкционировал дачу показаний сыщиком, который в своем донесении в полицию выдвигал самые серьезные обвинения против Франца Лорбаха. Айнк получил это донесение еще во время расследования, но отмахнулся от него как от нелепой фантазии. Теперь адвокаты просили заслушать этого агента в качестве свидетеля. И, в-третьих, они настаивали на зачете заявки на патент, которая доказывала интерес Боста к изготовлению оружия.

Суд отклонил ходатайство о привлечении специалистов-психологов, мотивировав отказ тем, что участвующий в процессе психиатр обладает достаточными знаниями, чтобы вынести заключение о правдивости показаний Лорбаха. Заключение психиатра было положительным. В ответ на второе ходатайство суд ограничился лаконичным сообщением, что уголовная полиция отказала в разрешении на дачу показаний. Третья просьба была также отклонена, но интерес обвиняемого к изготовлению оружия принимался во внимание.

Защита пыталась продолжать борьбу. В заключительном слове адвокаты указали на то, что обвиняемый задолго до суда был квалифицирован общественным мнением как «убийца любовников» и, следовательно, с самого начала не мог рассчитывать на справедливый приговор. Кроме того, основанием для обвинения могут быть только неопровержимые факты, но не дешевые трюки или неопределенные предположения. Однако ни в одном из трех рассмотренных случаев убийств не было неопровержимых доказательств вины Боста. Настоящий убийца, возможно, все еще гуляет на свободе. Это доказывало, в частности, и очередное убийство пары 9 февраля 1958 года под Опладеном. Мало того, что преступление было совершено в том же районе, что и раньше, все внешние обстоятельства убийства были точно такими же. Но ведь Бост к этому времени был давно арестован.

Действительно, убийства любовных пар в то время были в ФРГ не редкостью. Спустя шесть месяцев после нераскрытого преступления под Опладеном, на которое сослался защитник Боста, в предместье Мюнхена в лесу был найден труп 16-летней девочки и ее 18-летнего друга. Оба были застрелены. Убийца отодвинул трупы в сторону и подобрал гильзы. И на этот раз преступник не был найден.

14 декабря 1959 года, на шестнадцатый день слушания дела, был оглашен приговор. Когда вошел суд присяжных, все затаили дыхание. В переполненном зале царил мертвая тишина. Вернер Бост был бледен, но сохранял самообладание. Франц Лорбах затравленно озирался. В гнетущей тишине председатель огласил приговор. Вернер Бост признавался виновным в убийстве доктора Серве в совокупности с ограблением при отягчающих обстоятельствах и попыткой подстрекательства к убийству. В случаях Бере — Кюрман и Фалькенберг — Вассинг Бост был оправдан за неимением доказательств. Правда, было установлено, что в ночь убийства Бере и Кюрман Бост находился на северной окраине Дюссельдорфа, то есть в непосредственной близости от места преступления, и вполне допустимо, что брызги крови на его лице свидетельствовали о совершенном убийстве, однако этого было недостаточно, чтобы признать его виновным. В деле Фалькенберг — Вассинг доказательства были более убедительными: в первую очередь, пеньковая веревка и резиновые кольца, обнаруженные в тайнике Боста. «Но, — как заявил председатель земельного суда доктор Неке, — нельзя исключать возможность того, что пары были убиты одним или несколькими другими преступниками».

Бост был приговорен к пожизненной тюрьме, к лишению всех гражданских прав и как «злостный рецидивист» к содержанию в заключении после отбытия наказания.

Эта дополнительная мера наказания была введена во времена нацистского режима согласно «закону об особо опасных профессиональных преступниках и о дополнительных мерах наказания» от 24 ноября 1935 года и вошла в уголовный кодекс «третьего рейха» как параграф 42, а впоследствии была сохранена в уголовном праве ФРГ. В соответствии с 67 параграфом, пункт «д», содержание в заключении после отбытия наказания связано с очень длительными сроками. Как долго осужденный остается в заключении после отбытия наказания, целиком и полностью зависит от усмотрения суда. На основании этого закона нацисты отправляли в концентрационные лагеря и лагеря смерти антифашистов. Сегодня в ФРГ это положение используется также не только для борьбы с профессиональной преступностью, но и против анархистов.

Франц Лорбах, для которого даже органы государственного обвинения требовали весьма мягкого наказания, получил всего пять лет тюремного заключения. Таким образом, суд увеличил его срок на шесть месяцев по сравнению с требованием прокурора. Может быть, он хотел продемонстрировать этим свою объективность. А может быть, членам суда было все-таки стыдно, что для вынесения приговора они воспользовались показаниями такого «свидетеля».

Глава 3

ЧИКАГО В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

ЛОЖНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Вечером 21 сентября 1956 года Карл Вихман, директор филиала кооперативного магазина Мисбурга, вошел в свою квартиру. Пряча, как обычно, шкатулку с дневной выручкой, он и не подозревал, что к его дому направляются двое грабителей. День за днем они изучали его привычки и знали, что он всегда запирает магазин в одно и то же время, а короткий путь до дома проходит не торопясь. В этот вечер злоумышленники установили наблюдение за его квартирой. В 19 часов 40 минут они появились в доме.

Более рослый преступник открыл входную дверь отверткой. Когда Вихман, услышав шум, вышел в коридор, грабители втолкнули его в кухню и потребовали деньги. Фрау Вихман закричала, призывая на помощь, и тогда «Высокий» выстрелил в нее два раза. Он ранил и Карла Вихмана: пуля, пройдя сквозь грудь, застряла в области позвоночного столба. Фрау Вихман получила ранения в правое легкое и левое плечо. Преступники вынуждены были покинуть дом без денег. Однако проходившая мимо дома девушка не только слышала выстрелы, но и столкнулась с грабителями лицом к лицу, видела, как они скрылись на велосипедах.

Преступники попались на глаза еще шестерым. Но, тем не менее, показания этих людей — расплывчатые и противоречивые, не облегчили работу полиции. Точных сведений не смогли дать и супруги Вихман. Факты, оказавшиеся в распоряжении работников розыска после опроса всех свидетелей, не упростили следствие. Грабители были в масках. Одежда «Высокого»: длинное, темное и облегающее пальто. Приметы «Маленького»: светлый плащ и лыжная шапочка.

Осмотр места преступления также не дал никаких результатов. Поврежденный кухонный стул и тонкая царапина на замке входной двери — все, что удалось обнаружить уголовной полиции. Хотя выстрелов было по меньшей мере три, патронные гильзы найдены не были. Это позволило предположить, что преступники пользовались оружием, не выбрасывающим гильзы. А опираться можно было лишь на единственное вещественное доказательство — на пулю, извлеченную из плеча фрау Вихман. Эксперты Федерального ведомства уголовной полиции определи-

ли: пуля — малокалиберная, выпущенная из оружия с девятью нарезами правого направления в канале ствола. Впервые уголовной полицией было зарегистрировано преступление с применением такого оружия. Дальнейшее расследование позволило определить очередное звено розыска — фирму Кригхоф в Ульме, производившую вставные стволы для охотничьих ружей. Оказалось, что технические данные оружия разыскиваемых преступников и продукции фирмы идентичны. Исходя из этого предположили, что грабители снабдили обычный пистолет вставным стволом фирмы Кригхоф. Это было все, что пока удалось выяснить благодаря найденной пуле.

Уже через несколько минут после налета все окрестности дома Вихманов были оцеплены полицией. Патрули не пропускали ни пешеходов, ни автомашины. Задерживали всех, вызывавших подозрение. Тем не менее, двое — мужчина и женщина — предъявив, как полагалось, документы, спокойно проследовали на своих велосипедах мимо кордона. Даже их фамилии не записали. И, собственно говоря, зачем? Ведь полиция разыскивала двоих молодых мужчин!

Так как отдел по борьбе с грабежами не располагал никакими конкретными данными о виновниках преступления, было решено еще раз проверить всех задержанных за последнее время взломщиков и обвиняемых в насилии. В ходе расследования обратили особое внимание на молодого изворотливого парня, участие которого в многочисленных взломах не вызывало сомнений. У него не было алиби, кроме того, он путался в своих показаниях. Допросы с ним стали вести более целенаправленно, чем с другими подозреваемыми и после долгих отрицаний молодой человек сознался в попытке ограбить Вихманов. Правда, он не мог четко описать обстоятельства преступления и оружие, с помощью которого оно было совершено. И вообще его признание было довольно противоречиво и бессмысленно. Но это не смутило следователей. Вскоре они объявили, что дело о налете с целью ограбления в Мисбурге, наделавшее столько шума среди населения, раскрыто. Полицейская статистика была сбалансирована.

В то самое время как отдел по борьбе с грабежами таким сомнительным образом завершил дело о Мисбургском налете, ганноверская комиссия по расследованию убийств занималась раскрытием другого преступления. В первой половине дня 20 декабря 1956 года в Средне-Германском канале на отметке 145,3 км водного пути команда одного судна подобрала труп неизвестного мужчины. Место находки — подъезд к автострате Вунсторф, недалеко от местечка Дедензен. Привязанная к трупу шина от колеса «Фольксвагена», наполненная булыжниками, не удержала тело под водой. Одежду мертвеца составляли лишь рубашка и брюки. Голова была закутана в шерстяное одеяло и обмотана шарфом.

На трупе обнаружили пять огнестрельных ран. Три из них смертельные. Очевидно, все выстрелы производились с очень

близкого расстояния. При вскрытии извлекли три пули калибра 9 мм. Они были выпущены из гладкоствольного оружия, так как не имели следов от нарезков. Эти данные и факты, полученные в результате вскрытия и осмотра места-преступления, позволили экспертам сделать следующие выводы: во-первых, оружием послужил либо револьвер, либо газовый пистолет; во-вторых, мужчина был уже мертв, когда его сбросили в воду, и, в-третьих, жертву привезли к откосу канала на легковой автомашине, возможно на «Фольксвагене».

Несмотря на то, что при убитом не было ни документов, ни денег, оставшиеся на его руках два массивных золотых кольца и новые дорогие швейцарские часы, позволили быстро установить его личность. Это был Генрих Бик, коммерческий директор торгового кооператива Рорсен.

Обнаружив на убитом ценные вещи, полиция исключила убийство с целью ограбления.

Оперативный розыск установил, что 19 декабря 1956 года после заседания в Гронау Бик отправился на своем «Фольксвагене» в Ганновер. Поездка эта была данью его многолетней привычки, о которой упоминали многие свидетели. Бик любил навещать известных «дам», чье ремесло переживает иногда обусловленный сезоном застой, но в общем не подвержено серьезным кризисам.

Чрезвычайно важной для следствия оказалась находка старшего лесника Веннигсерского леса. 23 декабря в сосновом заповеднике между Мариензе и Айльвезе он натолкнулся на «Фольксваген» Бика. Многочисленные и обильные пятна крови на сиденьях свидетельствовали о том, что убийство произошло именно здесь. В машине в беспорядке валялись различные бумаги, записная книжка с адресами женщин, шляпа и фотографии — одна, женская, — разорванная. На заднем зеркале криминалисты обнаружили отпечаток пальца, а на коврик — след каблука. Однако наибольший интерес вызвал найденный на обивке заднего сиденья женский волос, высветленный перекисью водорода. В десяти метрах от «Фольксвагена» валялись пиджак и пальто Бика. Все вещи убитого были целы: от 200 марок до таких мелочей, как авторучка.

Стало очевидным, что в момент выстрела Бик сидел за рулем, а нападавший находился на сиденье рядом. Он же перетащил потом убитого на заднее сиденье.

Большое количество выстрелов и разорванная женская фотография позволили комиссии по расследованию убийств предположить, что преступник действовал в состоянии аффекта — из ревности или из мести. Казалось, что светлый женский волос указывал направление поиска. И поскольку в убийстве могла быть замешана одна из многочисленных дам, значившихся в записной книжке Бика, их всех допросили, проверили алиби каждой. Так появилась кандидатура, приковавшая к себе особое внимание следователей. Маргот Вихерт, чье имя было подчерк-

нута в списке Бика, — блондинка, осветлявшая волосы перекисью водорода. Настораживало и то, что, вопреки истине, она отрицала свое знакомство с Биком. М. Вихерт арестовали.

Движимые стойким предубеждением, сотрудники уголовной полиции упорно следовали своей версии. При этом они совершенно упускали из виду, что обычно дамы полусвета становятся жертвами своих партнеров, а отнюдь не убийцами. Арестованная защищалась, парируя все вопросы на чистейшем жаргоне ганноверских проституток.

Целиком сконцентрировавшись на версии «Вихерт», уголовная полиция продолжала наступать. И, казалось, уже не имели значения 955 разьяснительных ссылок, прилагавшихся к делу об убийстве Бика. А ведь «только» 239 из них определялись как главные улики. Была прекращена и «работа со списком»: 146 мужчин и 63 женщины остались вне внимания полиции. Да и зачем их было проверять? Ведь комиссия по расследованию убийств уже определила виновника — блондинку Маргот. Вероятно, это мнение существовало бы еще долгое время, но событие 17 января 1957 года поставило гипотезу об убийстве из ревности или мести под сомнение.

В этот день в карьере под Целле был найден «Опель рекорд RS-D 536». Его вид, так же как и состояние «Фольксвагена» Бика, не вызывал сомнений: автомобиль стал местом совершения тяжкого преступления. Об этом свидетельствовали серьезные повреждения, многочисленные пятна крови и следы мозгового вещества, разбитое боковое стекло у кресла водителя, четыре волоса на потолке кузова, след ботинка в 23,5 см на радиаторе, окурок сигареты, измазанный губной помадой.

Разбросанные вокруг машины и плавающие в воде бумаги позволили установить: автомобиль принадлежит некоему Гейнцу Энгелю. Однако сам он найден не был.

Несмотря на то, что это дело входило в компетенцию Цельской комиссии по расследованию убийств, ганноверские полицейские договорились со своими коллегами о тесном сотрудничестве. Во главу угла поставили розыск владельца «Опеля». Гейнец Энгель, представитель фирмы по изготовлению буровых инструментов, 15 января наносил визиты многочисленным клиентам в Ганновере. А вечером его видели в кафе на площади Штайнторплац, где он пытался познакомиться с молодой девушкой, сидевшей за соседним столиком. Заметили также, что они вместе вышли из кафе. С тех пор Энгель как в воду канул.

Тщетно прочесывали Гамбюренский карьер полицейские отряды с собаками. Уголовная полиция Целле так и не выплатила вознаграждение — 5 тысяч марок. Кстати, 2 тысячи из них предназначались тому, кто обнаружит тело Энгеля.

29 января в Бокемском лесу у Мюллингена сельскохозяйственный рабочий нашел водительские права исчезнувшего. Полиция заподозрила, что документы подброшены: слишком явно

бросалось в глаза место находки — оживленное районное шоссе. Видимо, кто-то пытался ввести розыск в заблуждение.

18 километров, разделявшие места обнаружения «Опеля» и водительских прав, были тщательно и безрезультатно прочесаны полицией. Энгеля не было.

Шли недели, месяцы, но следствие не сдвигалось с мертвой точки. И тогда в Ганновере и Целле решили мобилизовать тайных агентов. А так как не только Бик, но и Энгель был частым гостем ганноверских проституток, то комиссия возобновила розыск среди публичных женщин и сутенеров.

Несмотря на такое положение дел следователи отмахнулись от информации одного из своих осведомителей. Речь шла о некоем Герхарде Поппе из прозвищу «Револьвер-Эдэ»* и его возлюбленной Инге Мархловиц. Попп был хорошо известен полиции. Бывший кочегар и запасной машинист, он вместе с отцом Инге Мархловиц входил после войны в банду, грабившую поезда в округе погрузочной станции Леттер вблизи Ганновера. В 1947—1948 годах там почти ежедневно курсировали товарные поезда британских и американских оккупационных войск. 27-летний Попп, обладая незаурядным мужеством и ловкостью, успешно справлялся со своим опасным ремеслом. Практически на глазах вооруженной охраны он мог вкопчить в мчавшийся поезд и на полном ходу спрыгнуть, быстро сорвать пломбы и выбросить товар в заранее намеченном месте. Поэтому из простой пешки, которую поначалу всего лишь терпели, он вскоре сумел стать главарем банды. Среди грабителей поездов царил жестокая конкуренция. Кроме молодчиков Поппа, еще добрых полдюжины банд грабителей хозяйничали в округе Леттер. По официальным данным, в 1948 году только на территории Ганноверского управления государственной железной дороги каждый месяц совершалось 4 тысячи ограблений поездов. И значительная их часть приходилась на долю банды Поппа.

Оккупационные власти, не желая больше позволять себя обкрадывать так нагло, передали вновь созданной немецкой железнодорожной полиции свои полномочия вместе со строгими указаниями вплоть до приказа «стрелять». Это подействовало. Ограблений становилось все меньше, многие банды попали за решетку. Распалась и группа Поппа. Сам он был задержан в ноябре 1948 года и предстал перед британским военным судом. Поскольку не удалось доказать, что Попп руководил бандой и принимал участие в грабежах, его приговорили лишь к одному году тюрьмы за владение собственностью союзников.

До ареста Попп иногда жил в семье Мархловиц. Инге, тогда еще маленькая девочка, играла с его сыном, который был старше ее на год.

После освобождения Попп вернулся в старое окружение и,

---

* Нарцательное имя для мелких преступников. — *Прим.перев.*

конечно, в семью Мархловиц. Теперь его специальностью стали взломы и кража цветных металлов. Краденое сбывалось старьевщикам. Так продолжалось до начала 1952 года, когда полиция не только задержала Поппа, но и смогла доказать наличие у него краденого на сумму 45 тысяч марок. Земельный суд Ганновера приговорил его к трем годам тюремного заключения.

Отбывая наказание, Попп познакомился с неким Эвальдом Мельцером. Фигура эта весьма примечательна. Список судимостей Мельцера был начат еще в 1932 году. Бывший парикмахер, позднее представитель фирмы, поставляющей пряности для колбасных изделий, а затем торговец, открывший свое дело, Мельцер, преследуя корыстные цели, умудрялся поддерживать добрые отношения и с полицией, и с преступным миром: у воров он скупал краденое, полиции время от времени давал ценную информацию.

7 июля 1953 года Попп бежал из тюрьмы и нашел убежище у своего товарища по камере: в захолустье, в пригороде Ганновера. Лишь два года спустя, в мае 1955 года, беглеца поймали и вновь осудили за кражи. Однако очередной побег не заставил себя ждать: 25 мая 1956 года Попп вернулся к Мельцеру. Умело сфабрикованное удостоверение личности с фотографией Поппа, но на другую фамилию, позволило ему безбоязненно проходить все полицейские проверки. Как и раньше он бесплатно работал на Мельцера, оплачивая тем самым его гостеприимство.

28 апреля 1957 года полицейский патруль в Ганновере вновь арестовывает Поппа. Кроме того, один из сотрудников опознает в нем преступника, на которого объявлен розыск. Поэтому Попп и не пытался скрыть свою личность. Отобранный у него при задержании пистолет, показался полиции до такой степени примитивным, что они сочли его самоделькой и даже не отправили на экспертизу. Поппа допросили, составили официальный отчет о побеге и препроводили в тюрьму.

К тому времени, когда комиссия по расследованию убийств получила сведения от своего тайного агента о Поппе, он давно уже сидел за решеткой. Информацией никто не интересовался. Сотрудники уголовной полиции не обратили внимания на то, что с мая 1956 года по апрель 1957 года Попп находился на свободе. А ведь именно в этот период был убит Бик и исчез Энгель. Даже известное всему преступному миру, а значит и осведомителям, обстоятельство, что Попп всегда носит с собой оружие, не вызвало у полиции подозрений. Аналогичную позицию занял и отдел по борьбе с грабежами. Там тоже ничего не хотели знать о Поппе, несмотря на утверждения тайного агента, что именно этот человек вместе с Инге Мархловиц совершил налет в Мисбурге. По этому делу у уголовной полиции уже имелся сознавшийся виновник преступления. Зачем же искать другого?

5 сентября было неожиданно найдено тело пропавшего Гейнца Энгеля. На него натолкнулся пасечник, бродивший в поисках

новых мест для своих пчел, на поле, в 20 километрах от канавы, где обнаружили «Опель». Тело почти превратилось в скелет. Так же как и Бик, Энгель был застрелен из пистолета — 9 мм калибра. И хотя нельзя было определенно утверждать, что оба убийства совершены из одного и того же оружия, многое наводило на мысль о действиях одного преступника. Идеально совпадали не только вид оружия, но и все обстоятельства убийств. В частности, у Энгеля, как и у Бика, были отобраны лишь наличные деньги (примерно 400 марок), а ценные вещи (массивные золотые запонки) оставлены.

Очевидная взаимосвязь обоих преступлений побудила ганноверских полицейских заняться делом Энгеля наравне со следователями из Целле.

Нижнесаксонская уголовная полиция, а особенно ее земельное ведомство, всегда считались образцом организации уголовного сыска в ФРГ. Один западногерманский полицейский эксперт написал: «Она построена так, как специалисты уголовного розыска могут только мечтать. Ее структура монолитна». Несмотря на это, процент раскрытых преступлений в Нижней Саксонии самый низкий в ФРГ. Не слишком умело это ведомство действовало и расследуя убийства Бика и Энгеля, Мисбургский налет.

17 октября 1957 года уголовная полиция получила сообщение от одного маляра. Его сын слышал о том, что Герхард Попп и Инге Мархловиц — убийцы. Более точных сведений добиться не удалось. Однако взятый под стражу еще несколько недель назад полицейский агент Эрих Пферзих не только дал уголовной полиции аналогичные сведения, но и указал на торговца пряностями Мельцера как на сообщника. А вскоре и сам Мельцер попытался связаться через адвоката с прокурором, ведущим дела по убийствам. Его интересовало, стоит ли овчинка выделки: сможет ли он, оказав помощь следствию, не только избежать тюрьмы, но и получить назначенное вознаграждение. Только после этого уголовная полиция обратилась к версии «Попп».

По прошествии нескольких недель выяснили, что Попп не только страстный любитель оружия, но и сам мастерит его, причем отдает явное предпочтение пистолетам калибра 9 мм, не выбрасывающим патронные гильзы. И еще одно обстоятельство давало пищу для размышлений. При кражах и взломах Попп забирал только наличные деньги или мелочи. А ценные вещи, которые можно легко идентифицировать, не брал никогда.

Поппа допросили, но безрезультатно. Вызванная уголовной полицией Инге Мархловиц также попыталась отвести от себя все подозрения. По ее словам, она и не знала, что Попп бежал из заключения. А вот допрос Эвальда Мельцера убедил следователей, что тот действительно кое-что знает об убийстве Бика и Энгеля. На Мельцера нажали и он признался, что знает, где был спрятан пистолет Поппа. Оружие изъяли и отослали на экспертизу в Федеральное ведомство уголовной полиции. Оно стало первой важной уликой против Поппа. Эксперты установили: в

супругов Вихман стреляли из этого пистолета. Были получены и сведения о соучастии Инге Мархловиц в обоих преступлениях. В частности, официантка опознала в ней ту самую девушку, с которой Энгель познакомился 15 января в кафе на площади Штайнторплац.

Ганноверскую комиссию по расследованию убийств больше ничего не сдерживало. Связавшись с Пферзихом, работники розыска принудили его невесту, Урсулу Кох, стать их осведомителем. В это время молодая женщина, так же как и Инге Мархловиц, ждала ребенка. Кох познакомилась с подружкой Поппа. Они попали в один родильный дом. И Кох преуспела в том, в чем неоднократно терпели поражение полицейские. Две молодые матери часто разговаривали о печальном положении и судьбе своих отпрысков: отцы их — в тюрьме. Кто первый высказал внезапно пришедшую на ум мысль о самоубийстве? Инге Мархловиц, воспринимавшая ее вполне серьезно, или Урсула Кох, вовсе не намеревавшаяся уходить из жизни? Впоследствии, когда уголовную полицию обвинили в том, что она сама инспирировала эту ситуацию, обвинение было с возмущением опровергнуто ее руководством.

Во всяком случае Инге Мархловиц, выпив несколько рюмок спиртного и большую дозу снотворного, призналась своей подруге в убийстве Бика и Энгеля. Бесспорно и то, что именно сотрудники уголовной полиции вовремя предотвратили самоубийство. Они как будто стояли наготове за дверью.

Итак, 3 марта 1958 года, спустя пять месяцев после доноса маляра на Поппа, Инге Мархловиц задержали. Она держалась очень твердо и лишь десять дней спустя, после интенсивных, длившихся часами допросов, призналась в якобы единичном совершении обоих убийств. Вот как поэтически описал это событие в 1961 году советник уголовной полиции Реберг: «Бесконечно медленно потекли слезы из ее глаз, она не сопротивлялась охватившему ее чувству...» Мархловиц все еще любила Поппа и любой ценой пыталась покрыть его, плетя небылицы. И позже, когда уголовная полиция пыталась доказать ей на следственном эксперименте соучастие Поппа, она упорно отстаивала свою версию.

Реконструкция обстоятельств убийства должна была показать неспособность Инге Мархловиц осуществить весь процесс преступления вплоть до транспортировки трупов в одиночку. Однако замысел полиции полностью провалился. Инге наглядно продемонстрировала, что все совершенное было в ее силах. И лишь в единственном пункте ее версия противоречила объективным данным. Следы пуль на трупе не могли возникнуть после выстрела из того положения пистолета, в котором его держала Инге, собираясь нажать на спусковой крючок. С помощью следственного эксперимента был установлен один непреложный факт: Мархловиц присутствовала при совершении преступления и участвовала в нем. Но как добиться от девушки полной правды?

Инге строго следовала урокам, преподаваемым ей Поппом в конце 1950 года, когда «большой дядя Герхард» вернулся из тюрьмы в семью Мархловиц. Он так нравился ей — славной девчужке с круглыми ямочками на щеках.

Как позже выразился один психиатр, Попп стал для Инге своего рода «мефистофельской фигурой отца». Девочка старалась подражать Поппу, даже сдавала ему «экзамены на мужество».

И это продолжалось годами. Прожженный мошенник по всем правилам своего ремесла методично воспитывал из милого дружелюбного ребенка преступника. Он ковал в Инге твердость духа и обучал ее вещам, не предусмотренным никакими школьными программами: искусно открывать чужие замки, лгать и стрелять.

В июле 1956 года, в возрасте 16 лет, Инге Мархловиц выдержала экзамен на звание сообщника Поппа. В этот день она впервые сопровождала его на «дело»: ограбление последнего места работы Инге — ресторанчика в Штайнхуде. Кроме них в краже собиралась принять участие одна супружеская пара. Но замысел был раскрыт, их заметили, пришлось бежать. Супруги исчезли, вовсе не беспокоясь о Поппе. Инге же ждала его, пока он пятасть отступал к садовой калитке, держа под прицелом людей, помешавших предприятию. Именно она помешала задержать Поппа, без промедления придя на помощь, когда он, споткнувшись, упал в яму.

Попп, покоренный такой самоотверженностью и присутствием духа, «отблагодарил» Инге — она стала его главным сообщником и возлюбленной. Попп считал, что женщина — идеальный вариант сообщника. Ей не составит труда превратиться в мужчину «для дела», а затем быстро вернуться к прежнему облику. Расчет прост: полиция будет разыскивать двух мужчин и не обратит внимания на влюбленную парочку. В Мисбурге его прогноз оправдался. Поппа привлекало еще одно обстоятельство. Поскольку Инге Мархловиц была очень юна, то подлежала наказанию по закону для несовершеннолетних правонарушителей. В случае необходимости девушка могла спокойно взять всю вину на себя, не боясь получить наказание как «особо опасный рецидивист». Попп, как уже говорилось, был опытным преступником и рассуждал рационально. Учел он и привлекательность и молодость Инге: на нее как на приманку сразу клюнули Бик и Энгель.

На площади Штайнторплац в обоих случаях Инге предлагала своим кавалерам любовь в автомобиле. Попп, загримированный женщиной с легкой руки бывшего парикмахера Мельцера, постоянно находился поблизости и исполнял партию «подруги». Разумеется, сначала следовало отвезти домой «приятельницу». Ни Бик, ни Энгель не чуяли подвоха. Они не возражали, когда некрасивая, с худыми ногами, угрюмая женщина занимала место рядом с ними. Тем более, что Инге в это время, сидя сзади,

шептала водителю нежные слова. Каждый раз она направляла автомобиль в глухое, пустынное место. Попп стрелял, как только машина останавливалась.

Сразу же после убийства Энгеля на дороге появился велосипедист. Инге вышла и хладнокровно отвлекла его внимание от машины с убийцей. На свою долю, полученную за участие в «деле», она купила рождественские подарки: шесть рюмок для матери, коньки для брата и пальто себе.

Только после серии ежедневных интенсивных допросов, когда Попп, тронутый ее верностью, позволил сказать правду, девушка заговорила.

Инге Мархловиц полностью созналась в своей вине. Попп подтвердил ее признание по всем пунктам. Он разрешил и загадку оружия, из которого были убиты Бик и Энгель: это был один и тот же револьвер, реконструированный перед вторым преступлением. При внезапном аресте Поппа это оружие находилось при нем, но его должным образом не исследовали.

На допросах выяснилось еще одно обстоятельство: Попп и его сообщница намеревались совершить третье убийство — в Брауншвейге. Оно замысливалось как отвлекающий маневр. Поппа настораживали слишком настойчивые поиски полиции поблизости от его убежища. Однако третье преступление не состоялось. Инге Мархловиц, подцепив кавалера с набитым кошельком, в последнюю минуту потеряла мужество.

Много недель пресса ФРГ писала об этой паре. Суд присяжных проходил в Ганновере в январе 1959 года. Герхард Попп был приговорен к пожизненному тюремному заключению за совершение двух убийств по совокупности с тяжкими ограблениями. Инге Мархловиц за соучастие в преступлениях получила семь лет тюремного заключения в Вехте как несовершеннолетняя. Позже ей сократили срок за хорошее поведение. В тюрьме она получила профессию. А после освобождения Инге разрешили изменить фамилию и уехать. Сейчас живет она со своим сыном Герхардом где-то в ФРГ. О ее прошлом никто ничего не знает.

Эвальд Мельцер был приговорен к 4,5 годам тюрьмы за пособничество. Он не только предоставлял Поппу убежище, но и активно способствовал преступлениям. В частности, гримировал Поппа, подбросил водительские права Энгеля в Бокемском лесу.

Преступления, возмутившие покой жителей Ганновера, были в конце концов раскрыты, виновники осуждены. Однако уверенность в безупречности методов нижнесаксонской уголовной полиции и ее способностях была поколеблена.

МАГАРАДЖА ИЗ ОХТЕНДУНГА

Печать богатства лежала на персоне Якоба Рюле. Каждый его шаг был отмечен возможностью не отказывать себе ни в чем: изысканные костюмы, домашний комфорт, суперсовременная мебель, сверкающий хромом автомобиль, путешествия. Простого маклера по продаже пемзы прозвали магараджей. Ну что же, вероятно, дело приносило Рюле огромные доходы.

Всего за пару месяцев 1957 года заштатный, погрязший в долгах маклер, известный лишь чиновникам налогового управления, стал восходящей звездой на небосклоне делового мира земли Рейнланд-Пфальц. Жители Охтендунга ахали, но не особенно удивлялись. Ведь западногерманские газеты ежедневно писали об «экономическом чуде». И если ремилитаризация набирала силу, то почему бы и пемзе не попасть в благоприятную конъюнктуру?

Наконец-то и Охтендунг получил свой феномен, воплощающий процветание ФРГ. И вскоре новоявленного толстосума избирают принцем охтендунгского карнавала. Однако шутовская корона не долго радовала Якоба I. Он был свергнут с «престола» заботами финансового управления города Кобленца. У местных чиновников были веские причины скептически относиться к дурачествам Рюле. Налоги на его доходы не только не соответствовали все возрастающим расходам, но и находились в обратной к ним пропорции. А посему в декабре 1957 года налоговые власти исполнили свой долг, призвав на помощь полицию. И Якоба I препроводили в скромные апартаменты, где спальня, столовая и туалет совмещены в одной «зале».

Рюле обвинили в уклонении от уплаты налогов. Пемзовый маклер пытался увильнуть от ответа, скрыть источник своего богатства. Но все же сообщил о невероятной удаче, осчастливившей его и партнеров. Два лотерейных выигрыша подряд: 164 тысячи и 500 тысяч марок! Какая редкая случайность! К тому же эти деньги налогом не облагаются.

Криминалисты и сами не прочь воспользоваться счастливым поворотом судьбы. Но если случай помогает подозреваемому, они относятся к этому с недоверием. Поэтому и последовал визит полицейских и прокурора в дирекцию спортлото в Кобленце. Прозондировали почву, присмотрелись к служащим, побеседовали с директором Вейнандом. На вопрос, насколько гарантирована от мошенничества система лотереи, тот весело ответил: «Как я недавно разъяснял по телевидению, наша система абсолютно надежна. Мошенничество с лотерейными билетами совершенно исключено. Эту систему невозможно переиграть!». Директор разъяснил некоторые детали и у полицейских сложилось впечат-

ление, что система спортлото действительно безупречна лишь при условии благонадежности служащих. Но именно в этом пункте у криминалистов были серьезные сомнения.

Их озадачили два обстоятельства. Оказалось, что служащая Сюзанна Фредерик, ответственная за встречный контроль билетов, — сестра Якоба Рюле. Она производила впечатление обеспеченного человека, позволяла себе многое из того, что по тем временам было редкостью, ездила на работу в собственном автомобиле.

Служащий Манфред Эквит привлек внимание полиции по аналогичным соображениям — несоответствие жалованья и расходов. Занявшись этой кандидатурой «вплотную», уголовная полиция выяснила, что подозреваемый и его дядя — ювелир Петер Кройзер — разбогатели недавно. Кройзер оборудовал модный ювелирный магазин, а племянник щедро одаривал различных женщин.

Помимо этого, выяснилось, что между Рюле и Сюзанной Фредерик, с одной стороны, и Кройзером и Манфредом Эквит — с другой, существовали тесные дружеские отношения. Одна из служащих фирмы сообщила полиции, что Сюзанна Фредерик и Манфред Эквит часто вели подозрительные телефонные разговоры с посторонними людьми. Сюзанну и Манфреда арестовали. Конкретных доказательств их вины у полиции пока не было, но уже не оставалось никаких сомнений: что-то было нечисто с лотерейными выигрышами Рюле. Ясно было и то, что его сестра с Эквитом как-то замешаны в этом деле.

Простодушные обыватели, а отнюдь не изощренные мошенники — Рюле, Кройзер, Эквит и Фредерик — не могли тягаться с крупными акулами «экономического чуда» в ловкости и искушенности. Они запутались в хитрых юридических уловках, и кобленцкий отдел по борьбе с мошенничеством без труда их разоблачил.

Сюзанна — самое слабое звено в шайке Рюле — сдалась быстро. Несколько дней одиночного заключения, интенсивный допрос, пара успокаивающих жестов и она, раскаявшись, полностью признала свою вину. Оставшиеся последовали ее примеру. Следователи услышали массу любопытных вещей. В течение нескольких месяцев двое скромных служащих примитивным способом, почти без риска, 17 раз воспользовались «абсолютно надежной» лотерейной системой кобленцкого спортлото, заполучив 2.275.927 марок и 10 пфеннигов. Теоретически их манипуляции были невозможны, поскольку служебная инструкция предусматривала присутствие при повторном контроле лотерейных билетов заведующего счетным отделом и двух полицейских. Но в дирекции спортлото теория не совпадала с практикой. Вечно занятый важными делами заведующий отделом исчезал через несколько минут в своем кабинете и лишь изредка заглядывал через дверь в комнату Фредерик. Что же касается полицейских, то они уютно устраивались в соседнем помещении и завтракали.

Лотерейное счастье, вероятно, еще не раз улыбнулось бы Сюзанне, если бы не ее внезапная болезнь. После выздоровления Фредерик перевели в другой отдел. Она не занималась больше повторным контролем. А Эквит один не мог повернуть дело.

Вряд ли полиции удалось бы раскрыть лотерейные мошенничества, если бы налоговое управление не занялось Рюле.

4 декабря 1958 года судебная коллегия по уголовным делам земельного суда Кобленца заслушала дело Якоба Рюле, Петера Кройзера, Манфреда Эквита, Сюзанны Фредерик и 15 других лиц. Они обвинялись в мошенничестве «во вред обществу». Прокурор, возмущенный наглыми действиями обвиняемых, квалифицировал их аферу как особо тяжкую и потребовал для 18 из 19 обвиняемых тюремного заключения от трех до четырех лет. Лишь одного афериста он считал возможным оправдать ввиду недостатка доказательств. Особое негодование обвинителя вызвало то, что мошенникам удалось утаить более половины денег — 1 миллион 250 тысяч марок.

Защищать эту компанию было довольно легко. Дело воспринималось публикой скорее с улыбкой, чем с возмущением. На резкое выступление прокурора адвокат Рюле торжественно ответил, что мошеннические махинации стали возможны благодаря примитивности Кобленцской игровой системы. А раз так, то не может быть и речи о «крупном» жульничестве.

Суд разделил мнение защиты. Якоба Рюле, присвоившего 900 тысяч марок, приговорили к 3 годам и 6 месяцам тюрьмы. Петер Кройзер получил за присвоение 327 тысяч марок 3 года и 7 месяцев. Сюзанна Фредерик и Манфред Эквит — по 3 года и 3 месяца тюремного заключения. Остальные были приговорены к различным срокам лишения свободы от четырех до 20 месяцев, 5 обвиняемых признали невиновными.

Осталось не выясненным, кто был истинным инициатором мошенничества. В противоположность иным уголовным процессам, когда пытаются навязать вину своим сообщникам, каждый отстаивал свое право на авторство. Суд признал Якоба Рюле, магараджу из Охтендунга, организатором и вдохновителем всего предприятия. За это он и понес самое тяжелое наказание.

ТОММИ* БЕСЧИНСТВУЮТ В ЛЮНЕБУРГЕ!

В августе 1957 года забил тревогу один из западногерманских иллюстрированных журналов. Тысячелетний Люнебург,

* Прозвище британского солдата. — *Прим. перев.*

город торговцев солью и старой славной Ганзы, стал настоящим Эльдорадо для одетых в форму британских солдат хулиганов. В старинной почтенной метрополии, раскинувшейся среди вересковых лугов, после окончания войны обособовался значительный контингент оккупационных войск Великобритани. Окрестности Солтау — 48 тысяч гектаров полей и лугов — с разрешения правительства Аденауэра были превращены в военный полигон. Британские танки разворотили вересковые поля, бесчисленные воронки от взрывов снарядов изуродовали мирный романтический ландшафт. Поначалу солдаты тешили свое воинское честолюбие, довольствуясь полями и лугами. Но вот вступили в силу Парижские договоры, а ФРГ приняли в НАТО. И войска из оккупационных превратились в союзнические. Бундестаг без промедления принял закон о всеобщей воинской повинности. Казалось, британские молодчики стремятся продемонстрировать своим немецким «партнерам по договору» все прелести солдатской жизни на чужой земле.

Удалые парни из «старушки Англии» не желали больше иметь дело с «дамами» из определенных заведений сомнительного квартала Люнебурга. Теперь их помыслы обратились к женам и дочерям мирных жителей. Древний девиз наемников — «за непослушание смерть» — стал их лозунгом. Целыми группами, кто в мундирах, кто в гражданском, шатались они по люнебургским улицам.

Задирали прохожих, не пропускали женщин, избивали юношей, осыпая их отборной бранью, воровали шнапс и сигареты, били стекла и фонари, насиловали школьниц. Однажды четверо солдат пристали к девятнадцатилетнему ученику Гансу-Юргену Крейкебому, издевались над ним, называли «проклятым немецким ублюдком» и в конце концов зверски избили. Юношу отправили в больницу с семью повреждениями черепа и с сотрясением мозга. Трое других бандитов изнасиловали четырнадцатилетнюю девочку.

В общей сложности за несколько недель в актив британских солдат было занесено одиннадцать нападений с нанесением тяжелых телесных повреждений, шесть краж и 36 случаев причинения материального ущерба.

И всякий раз молодчикам удавалось скрыться до прибытия британской военной или немецкой полиции. Под давлением общественности люнебургские власти обратились в военное ведомство. Помощь оказать пообещали, но ничего не изменилось. Более того, ответственный за безопасность британский офицер связи, полковник Кэроу, заявил: «Никаких злоупотреблений со стороны британских военнослужащих нет. Все это выдумки немецких газет».

Западная пресса довольно редко публиковала материалы о преступлениях томми. Оккупационные власти трех западных зон пытались навязать жителям не только свои политические, экономические и военные интересы, но и свой «образ жизни». В пере-

чень статей экспорта входила и преступность. Чем более укреплялись связи ФРГ с ее империалистическими партнерами, особенно с США, тем быстрее росло количество правонарушений в стране. Об этом свидетельствуют данные уголовной статистики ФРГ. Еще одна деталь: преступность в ФРГ все больше и больше стала принимать форму гангстеризма, уже многие десятилетия определяющего жизнь уголовного мира в США.

Изменению характера преступности неизбежно сопутствуют аналогичные процессы в полиции, модифицируя ее лицо, структуру и методы. Сегодня организованная преступность и гангстеризм достигли в ФРГ таких грандиозных масштабов, что в сравнении с ними профессиональная преступность и шайки двадцатых годов выглядят просто детской игрой. В свою очередь уголовная полиция ФРГ располагает многочисленными конспиративными и полуконспиративными формированиями и «мобильными оперативными группами» (МЕК), действующими по образцу американского ФБР. Конечно, они используются не только для преследования торговцев наркотиками, банковских воров и уж тем более не для борьбы с одетыми во фраки мошенниками из высших слоев общества. Несмотря на это, число преступлений в ФРГ стремительно растет. Да иначе и быть не может, ведь и современные гангстеры, и полиция порождены одним феноменом — империалистическим обществом.

Бесчинства британских солдат в 1957 году в Люнебурге не выходили еще за рамки обычных беспорядков. Но уже тогда негодующие жители называли город «настоящим немецким Чикаго». Они и не подозревали, что вскоре уже не томми, а один из «своих» — люнебуржец — «задаст им жару» в прямом смысле этого слова.

ОГНЕННЫЙ ДЬЯВОЛ ЛЮНЕБУРГА

22 декабря 1959 года вечернюю тишину Люнебурга разорвал пронзительный вой пожарных сирен. Через центр города промчались машины добровольной пожарной команды (профессиональных пожарных в городе тогда еще не было).

Полыхало старое, времен Ганзейского союза, кирпичное строение, украшенное великолепным фасадом в стиле барокко, — Старый Торговый Дом. Оцепляя здание и обеспечивая проход пожарным, полиция оттеснила толпу любопытных. Среди них был и молодой темноволосый человек с невзрачным бледным лицом, на котором только начал пробиваться первый пушок. Никто не обращал на него внимания, никому не бросалась в глаза его самодовольная циничная усмешка. Оцепенение скова-

до зрителей при виде пожара, уничтожающего Старый Торговый Дом.

В нем размещались Восточно-прусский охотничий музей и ювелирная мастерская, ателье художника и склады различных фирм. Особенно неистовствовал огонь в складских помещениях. Пожарные успели спасти находившийся под охраной как памятник старины барочный фасад, но склады сгорели дотла. В 2 миллиона марок оценили эксперты нанесенный ущерб. Случившееся было квалифицировано как преднамеренный поджог.

Пока зрители оживленно обсуждали, какое наказание получит виновник, юноша с бледным лицом стоял в толпе, прислушиваясь к разговорам. Но не долго. В горле пересохло. И залить его шнапсом молодой человек направился в «Келью Иоанна», что в старом городе. Здесь дискутировали на ту же тему, но юноша уже не слушал. Перед глазами вставало разгорающееся пламя, в ушах — шипение воды, на языке — привкус дыма и пепла.

Жители города еще не оправились от шока, как неделю спустя вновь были подняты с постели воем пожарных сирен. Ночью 29 декабря сгорела библиотека Люнебургской ратуши. Пламя второго чудовищного пожара уничтожило 30 тысяч ценных книг, в том числе уникальные тома XVI—XVIII веков. Нанесенный ущерб оценили в 180 тысяч марок. И вновь эксперты пришли к единодушному мнению — преднамеренный поджог. Пожар начался на верхнем этаже. Какое-то время огонь тлел под полом, а затем перекинулся на балки нижних помещений.

Этой же ночью люнебургская полиция зарегистрировала еще один поджог, оставшийся почти незамеченным. Пожар в помещении билетной кассы вокзала Люнебург-Южный, или «Малого вокзала Солтау», затмил пламя, бушевавшее в библиотеке ратуши.

Собрав бумагу и картон, неизвестные разожгли огонь под письменным столом. Материальный ущерб, причиненный пожаром, составил 5 тысяч марок. Преступники скрылись.

Большие пожары возродили старый спор. Общественность размышляла: нужна ли Люнебургу профессиональная пожарная команда или можно обойтись добровольной? В публикуемых прессой многочисленных статьях и письмах читателей о пожарах взволнованно обсуждались предполагаемые мотивы преступления неизвестного, которого окрестили «Огненным дьяволом Люнебурга».

Местная полиция была приведена в состояние боевой готовности. Ее усилили подкреплением, прибывшим из всех районов Нижней Саксонии. При уголовной полиции создали специальную комиссию. Прокуратура назначила вознаграждение в 13 тысяч марок за сообщение каких-либо сведений о преступнике. Полицейские наряды сутками патрулировали по городу. Охрана была выставлена на всех объектах, где предположительно могла быть совершена попытка поджога. «Любовные парочки» (переодетые

полицейские) наблюдали за прохожими на улицах и в парках. Люнебург ходил на военный лагерь.

Однако в ночь на 14 декабря 1960 года «Огненный дьявол» совершил еще один поджог. На этот раз он избрал местную историческую достопримечательность — известный средневековой постройки ресторан «У короны». Три очага возникновения пожара обнаружили эксперты на пепелище: под стойкой, под столом в зале и в соседней комнате под роялем. Огонь полностью уничтожил зал ресторана. От дыма, проникшего по вентиляционной трубе в верхние этажи, чуть было не задохнулись обитатели дома. Ущерб от пожара составил 60 тысяч марок.

Возмущение жителей Люнебурга не знало границ. Полиция попала под перекрестный огонь критики. Как всегда в таких случаях посыпались требования о радикальном ужесточении уголовного закона.

Специальную комиссию Б, состоявшую из 24 человек и разделенную на четыре группы розыска, возглавлял верховный комиссар Ландман из земельного ведомства уголовной полиции Ганновера. Предполагали, что виновник или виновники родом из Люнебурга. Политический фанатизм, ненависть или месть выдвигались как возможные мотивы поджогов. А поскольку искали политическую подоплеку, подозрение пало, в первую очередь, на левые силы, а именно на студентов. Многие из стоявших у власти в Нижней Саксонии хранили верность своему «коричневому» прошлому. Среди экспертов были и такие «специалисты», как бывший штурмбанфюрер СС и ярый антикоммунист уже упомянутый выше Цирпинс. Поэтому, несмотря на отсутствие улик, с самого начала подразумевалось, что затеять подобную дьявольщину способны только «красные», которые соответственно подверглись рьяным наскокам полиции.

Подобный подход к решению проблемы уже давно стал привычным для местного сыска. Где бы и когда бы ни совершалось тяжкое, наводящее на общество ужас преступление, уголовная полиция ФРГ искала виноватого прежде всего в рядах «политически неблагонадежных». Нижняя Саксония отнюдь не составляла исключения. Более того, ее уголовная полиция, вдохновляемая своим шефом с многолетним стажем — Цирпинсом, — особенно преуспела в этом.

Специальная комиссия Люнебурга избрела еще три версии. Первая: интеллектуал, уничтожая культурные ценности, стремился потрясти город. Вторая: виновника следует искать среди тех, кто требует создания профессиональной пожарной команды в Люнебурге. Третья: поджигатель — строительный подрядчик или архитектор, надеющийся на выгодные заказы. Все это так характерно для мира «свободных товарно-денежных хозяйственных отношений» и конкуренции! Но предположения оказались ошибочными.

В последнюю очередь обсуждалась самая неинтересная и несенсационная версия. Виновник — помогающий признания

психопат, непомерное тщеславие которого привело к преступлению.

Уголовная полиция, располагая целой «цепочкой следов», не имела ни одного конкретного факта о преступнике. Вечером 27 января 1960 года под вой пожарных сирен сгорел дотла старый соляной амбар Вискуленхоф, здание XV века. Уничтожив стропила и бункер, пожар причинил ущерб, исчисляемый в 150 тысяч марок.

И на этот раз в толпе зрителей, наслаждаясь зрелищем, стоял парень с бледным лицом. Если бы его сейчас заметил люнебургский полицейский вахмистр Грабовский, он узнал бы в юноше взломщика, задержанного им как-то на месте преступления. Тогда Грабовский не только не смог доставить молодого человека в полицию, но даже не успел его обыскать. Выхватив из кармана газовый пистолет, парень потребовал: «А ну-ка, приятель, быстренько снимай свою портупею с револьвером!» Грабовский повиновался, но грабитель все же выпустил с двухметрового расстояния газовый заряд прямо ему в лицо.

То же самое произошло с часовым бундесвера на посту у казармы Шарнхорст. Пытаясь задержать молодого человека, выходящего из здания, солдат не только получил порцию газа, но и лишился скорострельной винтовки. А неизвестный скрылся. Случилось это 22 января — за пять дней до пожара в Вискуленхофе.

Полиция не усмотрела связи между этими происшествиями и поджогами, хотя было известно, что перед некоторыми пожарами преступник, взломав помещение, совершал кражи. Так, на Малом вокзале Солтау были украдены наличные деньги и другие вещи. Никаких выводов из этого факта не сделали.

Расследование пожаров не продвигалось. Решили включить в розыск все случаи мелких, нераскрытых поджогов в окрестностях Люнебурга.

Например, происшедший 8 июля 1958 года поджог дома пастора Раутенберга: кража наличных денег и разных мелочей. Или событие от 14 декабря 1959 года, случившееся в лавке Шторка по торговле подержанными вещами, когда, прежде чем поджечь ворох макулатуры в служебном помещении, грабитель предпринял неудавшуюся попытку взломать несгораемый шкаф.

5 февраля 1960 года, девять дней спустя после пожара в Вискуленхофе, взломщик нагрянул в один автомагазин, но здание не поджег. Незначительное происшествие. Однако оставленная преступником напечатанная на машинке записка с орфографическими ошибками: «Большое спасибо. Огненный дьявол» — позволила связать этот случай с большими пожарами.

Обратив внимание на примитивные ошибки, криминалисты предположили, что речь идет либо о преступнике-подражателе, либо о злоумышленнике-шутнике, который хочет навести полицию на ложный след. Ни одну из версий нельзя было сбросить со счета. Известны многие скандальные деяния, становившиеся

заразительным примером и порождавшие новые преступления. Гангстер, превращенный падкой на сенсации прессой в популярного героя, всегда находил себе подражателей. В любом случае эта версия требовала исследования.

До 8 декабря 1960 года специальная комиссия Б ни на шаг не продвинулась в розыске. Городским властям, да и не только им, казалось, что расследование слишком затянулось. Всерьез обсуждался вопрос о том, какие финансовые средства может выделить городская казна для привлечения к делу ясновидца.

На помощь пришел случай. Маленький мальчик, играя в садовом домике своих родителей, нашел «пулемет». Его отец, разбиравшийся в военной технике, сразу же узнал по неоднократно публиковавшейся в прессе фотографии украденную в казарме Шарнхорст скорострельную винтовку. Что делать? Бежать в полицию? Хлопот не оберешься. Оставить как есть — могут быть неприятности. Не находя ответа, он обсуждал с коллегой все за и против. Приятель, предложив свои услуги, подкрепился спиртным и поплелся в ближайший полицейский участок улаживать дело «дипломатическим путем». Там он объяснил, что его невиновный и не знающий как поступить сослуживец нашел в своем садовом домике принадлежащую бундесверу винтовку. Полицейские, уловив запах спиртного, отнеслись к заявлению недоверчиво. Но поскольку речь шла об очень важном деле, сообщения передали дальше, предусмотрительно используя в формулировках сослагательное наклонение.

Во время обыска в садовом домике на Люнерштрассе особая полицейская группа обнаружила не только похищенную скорострельную винтовку, но и большое количество краденого, в том числе и с мест пожаров. К делу моментально подключилась специальная комиссия.

В садовом домике жил девятнадцатилетний подсобный рабочий Герберт Радемахер, сводный брат мальчика, нашедшего винтовку. Он отсутствовал, и его местопребывание было неизвестно. Итак, найден след «Огненного дьявола»? Но никто не отважился поверить этому. Все же за садовым домиком установили наблюдение.

Но Радемахер не показывался. Позже выяснилось, что его успела предупредить сестра Инге, и он сбежал. Однако намерение поступить в Иностраный легион, то есть последовать примеру многих заметавших следы преступников, не осуществилось. Побег Радемахера закончился уже у Келя на Рейне. Вместо того, чтобы пересечь границу на пезде, он вышел в Келе «попрощаться с отцом Рейном». А при переходе границы вел себя так скованно и неуверенно, что пограничники почувствовали неладное и задержали его.

9 февраля, через 24 часа после побега Радемахера, сотрудники специальной комиссии Б приехали за ним в Кель. Радемахер не пытался изворачиваться и отрицать свои преступления. Еще в поезде по пути в Люнебург он полностью признал свою вину.

Попутно Радемахер покаялся еще в дюжине преступлений, в которых уголовный розыск и не собирался его обвинять. Будучи хвастливым и ограниченным человеком, он легко попался на удочку сотрудников полиции, беседовавших с ним «доверительно», с лицемерным восхищением. Казалось, что ему доставляет удовольствие доказывать сомневающимся следователям, какой он чертовски ловкий парень. По мнению уголовной полиции, некоторые взломы невозможно было совершить в одиночку, предполагали участие двоих преступников. Радемахер опроверг приведенные аргументы.

Этот девятнадцатилетний преступник вовсе не соответствовал представлениям полиции, прессы и населения об «Огненном дьяволе». Он был ограниченным и довольно безразличным типом, и даже не подозревал об историческом характере и ценности поджигавшихся им зданий.

Процесс против Герберта Радемахера состоялся в июне 1960 года в отделении по уголовным делам несовершеннолетних земельного суда Люнебурга. Прокурор д-р Финк на 122 страницах предъявил обвинения в 53 преступлениях и проступках, нарушающих, в общей сложности, 16 параграфов уголовного кодекса. Все они были совершены с мая 1959 по февраль 1960 года. Прокурор потребовал наказания отдельно за каждое преступление общим сроком в 163 года и 6 месяцев тюремного заключения.

Суд признал Радемахера виновным «только» в 48 случаях и приговорил как «особо опасного рецидивиста» к 15 годам тюрьмы. Оба — обвиняемый и обвинитель — подали кассационную жалобу, которая была отклонена Верховным федеральным судом.

Решение суда о виде наказания было основано на том, что Радемахер достиг духовной и моральной зрелости к тому моменту, когда он избрал преступный путь. А это, в свою очередь, предполагает способность осознать противозаконность деяний, их уголовный характер. Данное суждение соответствовало и заключениям профессоров психиатрии д-ра Клооса (из Геттингенского университета) и старшего медицинского советника д-ра Рольфинга (земельная больница Люнебурга).

«ПРОПАЛ МАЛЬЧИК»

15 апреля 1958 года к летописи уголовных дел ФРГ добавилась еще одна страница, которая явилась закономерным результатом развития западногерманского государства.

Это случилось во вторник. В 11 часов 15 минут из своего до-

ма на Левенштрассе, 96 в штуттгартском пригороде Дегерлок вышел маленький смысленный мальчуган. Он отправился поиграть к своему другу. С этого момента часы жизни семилетнего Иоахима Генера, которого родители называли Йогги, были сочтены. Он стал первой жертвой киднапа* в ФРГ. Дело Йогги открывало в уголовной статистике ФРГ еще одну мрачную главу.

Но пока еще ни полиция, ни жители города ничего не подозревали. Йогги с нетерпением ждал следующего дня. Он впервые пойдет в школу на занятия! С гордостью рассказывал он своему товарищу, что после обеда они с отцом и братом Петером будут испытывать в горах Швабский Альб модель планера. И, чтобы не опоздать, сказала его няня, нужно быть дома ровно в 13 часов.

Йогги не долго был у своего друга. Похититель поджидал его около сада. К обеду мальчик не вернулся. Его отсутствие вызвало беспокойство. Малыш никогда не болтался без дела по улицам и ни разу еще не опаздывал домой. После того как родители мальчика развелись, за ним присматривала няня. Она и его отец — представитель текстильной фирмы Рене Генер — начали поиски. Опросили соседей и друзей Йогги, живших на их улице. Опасения росли. Во второй половине дня, около 17 часов, Генер поехал в Штуттгарт, в полицию.

Его направили в Женскую уголовную полицию — Вайблихе Криминальполицией (ВКП), занимавшуюся вопросами охраны молодежи. У этой специфической службы, давно возникшей в Штуттгарте, богатые традиции. Высказанная в 1903 году идея о взятии на попечение всех неблагополучных детей воплотилась в 20-х годах в «Женской благотворительной полиции». Впоследствии на основе этой организации образовалась Штуттгартская ВКП. В 1945 году все ее отделы были распущены или реорганизованы. Многие дети и молодежь после войны стали беспризорными, среди них возросла преступность. Это и привело к созданию уже зимой 1945—1946 годов женских полицейских организаций.

Февраль 1946 года. Гамбург. 45 женщин — полицейских. Знаки различия, голубая форма с серебряными пуговицами. Приступили к исполнению обязанностей 1 ноября 1946 года.

Апрель 1947 года. Бремен. 25 женщин, одетых по образцу американских констеблей. Помощь уголовной полиции при обысках, допросы детей, обслуживание заключенных женского пола.

К началу 1948 года во всех землях западных зон действовала женская полиция. Она либо была отделом уголовной полиции, либо подчинялась непосредственно ее руководству. С 1956 года Женская уголовная полиция ФРГ действует в единых для всех федеральных земель рамках: «Работа с детьми и молодежью в

---

* Похищение, чаще всего детей, с целью получения выкупа. —

полицейской». Она расследует дела несовершеннолетних преступников, случаи жестокого обращения с малолетними и нарушения родительских или опекунских обязанностей. В ее компетенцию входят также допросы несовершеннолетних жертв или виновников сексуальных преступлений, несчастных случаев на транспорте. Она же проводит расследования по делам о пропавших без вести детях, если в этих случаях не совершено тяжкое уголовное преступление. В некоторых федеральных землях сотрудницы ВКП привлекаются к задержанию лиц женского пола, к наблюдению за ними или в качестве «подсадной утки». Сотрудники ВКП не носят оружия. По мнению некоторых шефов полиции, наделенная только своим обаянием женщина-полицейский меньше подвергается опасности, чем размахивающая револьвером валькирия. «Для стрельбы хватает мужчин!» — заявил однажды репортеру шеф уголовной полиции Мюнхена Геринг.

Когда Рене Генер сообщил в штуттгартское отделение ВКП о пропаже своего сына, к делу подошли с обычной меркой. Обследование территории сада, где играл мальчик, не дало результатов. На следующий день было опубликовано объявление о розыске. Опытные сотрудницы, информированные о ситуации в семье Генер, решили заняться матерью Йогги.

Супруги Генер разошлись в декабре 1957 года. Право опеки над обоими сыновьями осталось за отцом. Фрау Генер выехала из квартиры на Левенштрассе, 96 и поселилась в начале апреля в маленьком курортном местечке Швебиш Гмюнде. За несколько дней до исчезновения Йогги она написала ему письмо, где сообщала, что, к сожалению, не может проводить его в школу в первый учебный день. Однако внезапно появившись в Дегерлохе около полудня, т.е. ко времени исчезновения мальчика, фрау Генер вела себя, по словам няни, на удивление нервозно. Это вызвало подозрение. В конце концов мать Йогги была не первой разведенной женой, которая пыталась самовольно исправить кажущийся ей несправедливым приговор суда. Но проведенное расследование не дало против нее никаких улик. Все же за фрау Генер установили постоянное наблюдение. Позже, с ее собственного согласия, она поселилась у начальницы Штуттгартской ВКП и прервала все сношения с внешним миром. Ничто не указывало на то, что ей было известно местонахождение мальчика. А так как, несмотря на поиски, следов не обнаружили, высказали предположение, что Йогги похищен. Странным казалось лишь то, что злоумышленники объявились не сразу, как это бывало в других странах при похищениях детей. Поэтому учитывалась и вероятность убийства на сексуальной почве. Лишь через 60 часов после исчезновения Йогги загадка разрешилась.

17 апреля, около полуночи, у Генера раздался анонимный телефонный звонок. Незнакомый кратко сообщил, что он украл ребенка и отдаст его обратно за выкуп в 15 тысяч марок. Деньги должны быть выплачены немедленно. Каждый день отсрочки

увеличит сумму выкупа на 5 тысяч марок. Вымогатель угрожал убить мальчика, если Генер известит полицию.

Растерянный отец поставил в известность ВКП, а она не сразу подключила дежурную комиссию по расследованию убийств.

Инспекция I Штуттгартской уголовной полиции, в компетенцию которой входят особо тяжкие уголовные преступления, в полном составе перебралась в Дегерлох, в филиал уголовной полиции, который временно стал ее штаб-квартирой. Пока она могла опереться лишь на очень скудные данные. Надежных сведений о похитителе не было. Вполне возможно, что звонил какой-то самозванец, который, узнав о похищении, решил нагреть на этом руки. Тем не менее к его угрозе отнеслись всерьез и постарались избежать какой бы то ни было огласки. Распространенные полицией объявления о розыске не содержали никаких конкретных данных о похитителе. Высказывались лишь весьма общие предположения, что речь идет о тяжком уголовном преступлении.

17 апреля две роты полиции готовности, сорок полицейских с собаками и тридцать конных обследовали места, где обычно играл Йогги. Сотрудники уголовного розыска проводили расследование среди соседей Генера, в школах, детских садах и детских домах. Не осталась вне их внимания и мать Йогги. Обычно спокойное отделение уголовной полиции в Дегерлохе превратилось в гудящий как улей генеральный штаб. Бесперывно звонили телефоны, поступали сообщения, сыпались распоряжения и отдавались приказы. Все полицейские были подчинены руководству оперативной группы. Сам полицей-президент Штуттгарта много времени проводил в оперативном штабе. Туда же постоянно направляли своих представителей земельное управление уголовной полиции, штуттгартский филиал и земельная дирекция уголовной полиции.

Отец Йогги отказался выплатить назначенный похитителем выкуп. И оперативный штаб попытался найти кого-нибудь, кто бы заплатил деньги. Руководство ведомств юстиции и полиции отказалось предоставить эту сумму из соображений престижа. Кроме того, никто не был уверен, что звонивший и похититель одно и то же лицо, так что деньги могли быть просто утеряны. Уголовная полиция не хотела просить деньги у частных лиц или у благотворительных союзов из соображений сохранения дела «в тайне». В конце концов необходимую сумму предоставило городское самоуправление.

Уголовная полиция долго размышляла над тем, как в случае «нарушения похитителями» договора можно воспрепятствовать утере денег. Обсуждались разные варианты, в том числе подмена настоящих денег фальшивыми. Потом от этого отказались. Ведь эти манипуляции могли поставить под угрозу жизнь ребенка. Руководство оперативной группы отклонило и регистрацию номеров денежных купюр, так как было неизвестно, где и когда появятся меченые банкноты. Ломая голову над всеми этими во-

просами, в то же время не забывали и о прослушивании телефона Генера. Некоторые разговоры записывались на пленку. Для этой цели на телефонном узле 7 федеральной почты постоянно находились два сотрудника уголовной полиции. С помощью подслушивающего устройства регистрировались все звонки и телефонные номера звонивших. О появлении вымогателя с почты должны были кодом известить полицейское управление по радио или по телефону. А они, в свою очередь, — направить к зарегистрированному телефону ближайшую патрульную машину. В ее задание входило не задержание позвонившего, а лишь установление за ним наблюдения и попытка установить место, где спрятан ребенок. Только в том случае, если мальчик будет вместе с шантажистом, полицейские имели право задержать его. На помощь обычным патрульным машинам городской полиции были брошены замаскированные автомобили уголовного розыска с сотрудниками, вооруженными автоматами, многозарядными винтовками, ракетницами, снабженные картами, биноклями и небольшими рациями.

Трое полицейских обосновались в квартире Генера. Один из них находился с ним в постоянном контакте, двое других наблюдали за участком и улицей. Кроме того, по Левенштрассе патрулировали группы переодетых сотрудников розыска. В соответствующем почтовом отделении отсортировывались все письма на имя Генера. Курьеры незамедлительно доставляли их руководству оперативной группы.

Теоретически операция была продумана и организована по образцу работы генерального штаба. Но на практике все выглядело иначе. Вечером 17 апреля, около 19 часов, вымогатель позвонил во второй раз. Генер мгновенно узнал голос. Шантажист интересовался, готовы ли деньги. Как было условлено, Генер ответил, что он смог пока достать 8 тысяч марок, и попытался снизить цену. Из этого ничего не вышло: выкуп, оказывается, предполагалось разделить между тремя лицами, а сумма, которую предлагал Генер, давала «на брата» очень мало. О Йогги звонивший сказал, что мальчику живется неплохо. Затем он повесил трубку. Весь разговор длился две минуты. Почте понадобилось 10 минут, чтобы определить место, откуда звонили — телефонная будка на Шарлоттенплац в Штуттгарте. О преследовании не могло быть и речи. Сотрудникам уголовной полиции удалось лишь записать голос вымогателя.

Четыре часа спустя шантажист позвонил снова. Но через минуту, почуяв опасность, прервал разговор. На этот раз вообще не удалось определить местонахождение телефона. Виной тому была простая небрежность. Неправильно внесли записи на таблицы считывания!

Через несколько минут все повторилось: словно желая сам себя выдать, преступник позвонил снова — в 23 часа 19 минут. В течение четырех с половиной минут разговора вымогатель, в первых, привел доказательство того, что Йогги действительно

находится в его руках, указав на операционный шов мальчика. Во-вторых, потребовал, чтобы Генер немедленно отправился на машине из Дегерлоха через Меринген в направлении Вомхингена и по дороге, в определенном месте, получил дальнейшие указания. И опять почту подвели неверные таблицы — место, откуда звонили, было определено неправильно.

Рене Генер поехал. В его машине спрятались два сотрудника уголовной полиции. В указанном месте, рядом с дорогой, где открытая местность прерывалась лишь изгородями и кустами, Генер нашел инструкцию. Она была сделана из дешевого почтового картона и газетных букв. Эксперты установили, что в качестве клея использовался калифорнийский пчелиный мед. Все было засунуто в обыкновенный почтовый конверт, который можно купить в любом универмаге или писчебумажном магазине. Письмо, обернутое в кусок мокрого картона и придавленное камнем, пролежало здесь, вероятно, очень долго, так как сырой картон промочил конверт и буквы отошли от основы. Генер с трудом прочитал, что ему следует проехать еще немного и положить деньги у камня перед небольшим пригорком. В этом случае Йогги будет сразу же возвращен домой. Рене Генер выполнил все, что ему было приказано.

После последнего телефонного звонка вымогателя полиция выслала несколько патрульных машин для наблюдения за местом, где были оставлены деньги. Но никто за ними не пришел.

На следующий день, 18 апреля, полиция устроила вторую розыскную акцию в Дегерлохе. Прочесали также Хальденский лес. Эти «маневры» должны были, как позднее разъяснил шеф уголовной полиции Нейкирхнер, отвлечь население и прессу от критики по поводу работы полиции. По существу же разыгрывалось полицейское шоу, рассчитанное на завоевание популярности. Если бы «актеры» были более внимательны, они избежали бы позора. Четыре дня спустя, 22 апреля, какой-то рабочий нашел в том самом Хальденском лесу между Штуттгарт-Занненбергом и Кальтенталем труп пропавшего без вести мальчика. Он лежал в ельнике в стороне от дороги.

ГОЛОС УБИЙЦЫ

Ко времени, когда был найден труп, уголовная полиция не располагала никакими данными об убийце. Обследование ельника также не дало результатов. Ребенок был связан и задушен, но никаких следов сексуального преступления не обнаружили. Согласно предварительным данным судебно-медицинской экспертизы, труп пролежал самое меньшее от 12 до 24 часов, самое

большее — три дня. Если бы это соответствовало действительности, полиция была бы реабилитирована. Но патологоанатомы ошиблись, как ошибались до них очень многие в этом деле. Доказательство своего просчета они обнаружили сразу. В желудке мертвого ребенка нашли остатки еды, состоящей из моркови, хлеба и жира. Установили, что еда попала в желудок примерно за два часа до смерти. А Йогги, прежде чем уйти из дома, съел бутерброд и одну морковку. Стало очевидным, что мальчика убили вскоре после этого, как впоследствии и подтвердил похититель.

Итак, труп нашли. Но об этом решили умолчать. Уголовная полиция надеялась, что убийца объявится снова. Расчет оказался верным. 23 апреля в 2 часа 23 минуты он позвонил и сообщил, что подбросил в сад Генеру письмо. Когда, наконец, почта определила, что звонили из телефонной будки в Дегерлохе, преступник успел скрыться.

В саду Генера действительно лежало письмо. Посыльный подложил его буквально перед носом у полиции. Письмо опять состояло из вырезанных газетных букв, только на этот раз они были наклеены на бумагу не медом, а бесцветным лаком. Оно содержало новые указания о том, как передать требуемые деньги. На условленное место поехал сотрудник уголовной полиции. Его подстраховывал коллега, вооруженный автоматом. Вместо денег в оставленном им пакете была старая бумага с запрятанным в ней взрывателем натяжного действия. При попытке открыть пакет должен был взорваться осветительный имитационный заряд. Но и на этот раз никто не пришел за деньгами.

На следующий день радио и печать распространили сообщение об убийстве Йогги. Полиция призвала население содействовать розыску преступника. Была опубликована фотография мальчика. Всех, кто видел его 15 апреля или позже, просили сообщить об этом.

25 апреля в полицию, прочесывавшую местность в районе преступления, поступил сигнал о некоем Гейнце Кронайзе. Он жил в барачном лагере всего в 500 метрах от того места, где был найден труп. В день исчезновения Йогги он без всякой видимой причины выехал из лагеря, а через несколько дней опять вернулся. Вид у него был очень испуганный и растерянный. Уголовная полиция допросила подругу Кронайза и дала ей прослушать магнитофонные записи голоса убийцы, сделанные во время его звонков по телефону. При первых же звуках женщина испуганно вздрогнула и сказала: «Да, это он! Это голос Гейнца».

Уголовная полиция объявила общий розыск Кронайза. Газеты вышли с огромными заголовками, сообщавшими о розыске преступника. Буквально на следующий день Кронайз был арестован в Марбахе. Полиция торжествовала, но недолго. Хотя Кронайз давно сошел со стези добродетели, всем вскоре стало ясно, что он не был ни похитителем, ни убийцей Иоахима Генера. Его

алиби было неопровержимо. Полиция объяснила арест рядом мелких нарушений, в которых у него не было недостатка.

Итак, расследование нисколько не продвинулось вперед. Уголовная полиция была завалена кипами бумаг с тысячами сигналов о подозрительных лицах, но не знала, какую версию ей разрабатывать. В конце концов она решилась на новый в истории криминалистики шаг.

30 апреля 1958 года по западногерманскому радио прозвучал голос убийцы Йогги. Вначале выступил прокурор Штуттгарта, доктор Вебер. Он просил радиослушателей, узнавших голос, немедленно сообщить об этом в штуттгартскую уголовную полицию или любое другое полицейское учреждение. После этого были переданы отрывки магнитофонных записей голоса преступника.

Миллионы радиослушателей в ФРГ и соседних странах услышали разговор Рене Генера с убийцей маленького Йогги. Вскоре в полицию поступило более 3 тысяч сигналов. Всего было названо 1100 имен, в ряде случаев сообщался полный адрес подозреваемых. Почти во всех сигналах говорилось о разных людях, но имя садовника Эмиля Тильмана встречалось шесть раз. Все шесть радиослушателей указывали на исключительное сходство голосов.

Утром 6 мая Тильман был арестован. Во время обыска на его квартире полиция обнаружила черную маску и остатки такого же бесцветного лака, каким вымогатель приклеивал буквы на бумагу. Были изъяты также несколько номеров штуттгартских ежедневных газет с вырезанными словами и отдельными буквами.

В связи с болезнью Тильмана допрос отложили на несколько дней. Наконец он предстал перед комиссией. Однако вскоре выяснилось, что Тильман и не думал сознаваться в совершенном преступлении. К магнитофонным записям своего голоса он отнесся абсолютно равнодушно. Как он впоследствии объяснил, его голос показался ему в записи совершенно искаженным, и он решил, что никто не сможет узнать его. Он был так убежден в этом, что и не думал скрываться после радиопередачи. А узнав об аресте Гейнца Кронайза, даже горячо отстаивал его невиновность в одной пивнушке.

Эмилю Тильману был 41 год. Он происходил из Рейнской области, из почтенной буржуазной семьи. Тильман казался чрезвычайно холодным человеком, но у него была одна большая слабость: его 28-летняя возлюбленная Анна. Он даже снял для нее квартиру на вилле одинокой пожилой дамы в Штуттгарт-Дегерлохе, хотя это было ему и не по карману. Анна была все еще связана законными узами со своим супругом, но их брак давно существовал только на бумаге. Тильману это очень не нравилось. Он, как мог, поддерживал Анну материально и проводил с ней все свободное время. Самым сокровенным желанием Тильмана было жениться на Анне. Для этого она должна была расторг-

нуть свой брак. Однако Анна была из тех женщин, которые предпочитают синицу в руке журавлю в небе. Она соглашалась развестись с мужем только после того, как Эмиль предъявит ей по меньшей мере 20 тысяч марок. Но откуда мог скромный и не слишком расторопный в делах садовник взять такую кучу денег?

Анна оставалась непреклонной. Пришлось Тильману пошевелить мозгами, что было для него весьма тяжелой задачей. Как раз в это время в Сицилии был похищен юный отпрыск одной аристократической семьи. Пресса ФРГ расписывала очередную сенсацию во всех деталях. Тильман внимательно прочел газетные сообщения и в его голове зародилась мысль осуществить нечто подобное в Штуттгарте. Свой план он вынашивал довольно долго. Наконец он решил похитить ребенка из состоятельной семьи и в целях предосторожности сразу же убить его. При этом Тильман не имел в виду какую-то определенную семью и даже не наводил справки о подходящих жертвах шантажа. Он хотел похитить любого ребенка, выведать у него все необходимое и потребовать с родителей соответствующий выкуп.

До 14 апреля Тильман предпринял несколько неудачных попыток. Времени было в обрез, так как он уже успел похвалиться Анне, что у него в банке лежит кругленькая сумма, которую он в ближайшее время собирается получить. Анна торопила его. Ей нетерпелось поскорее увидеть деньги. Проведя бессонную ночь, Тильман вышел из дома во вторник 15 апреля 1958 года преисполненный решимости: сегодня или никогда! Он украл велосипед и поехал в Дегерлох, где совершенно случайно натолкнулся на Йогги. Мальчик как раз выходил от своего друга. Тильман заговорил с ребенком, пообещал показать живую косулю в лесу, и Йогги охотно сел к нему на велосипед. По дороге малыш болтал без умолку. Он назвал свое имя, адрес, рассказал, что родители пока не разрешают ему кататься на велосипеде, потому что он только что перенес операцию. Потом стал говорить о своем друге.

Тильман внимательно слушал. Позднее он перепутал фамилию Йогги и его друга и несколько раз звонил отцу другого мальчика, поэтому он так поздно начал переговоры с Рене Генером.

Итак, Тильман поехал из Дегерлоха прямо в лес, спрятав там велосипед, натянул перчатки и повел малыша в чащу. Мальчик шел впереди. Улучив удобный момент, Тильман бросился на него и задушил. Вначале он попытался связать мертвого ребенка, но потом оставил эту мысль, вернулся на велосипеде в город и, решив немедленно приступить к шантажу, позвонил из пивной родителям друга Йогги. Только из газет он узнал о своей ошибке и с этого времени начал шантажировать Генера.

Оставленные Генером деньги он не взял, потому что заметил из своего укрытия голубой огонек невдалеке от условленного места и заподозрил засаду.

После недельного заключения в одиночной камере полиции удалось, наконец, вырвать у Тильмана признание. Его показания полностью совпадали с картиной преступления, составленной на основании заключения специалистов. Но уголовная полиция не хотела верить, что он один запланировал и осуществил убийство. Высказывалось предположение, что любовница помогала ему первое время прятать похищенного ребенка. Эта версия оправдывала неудачные поиски полицией пропавшего мальчика. В ответ на это Тильман потребовал, чтобы его показания проверили с помощью детектора лжи. По своей ограниченности этот тип верил в чудеса, приписываемые детектору лжи в некоторых рассказах. Полиция отклонила наглое требование убийцы. Уголовное право ФРГ не признает сомнительное испытание детектором лжи доказательством, имеющим законную силу. Вместо этого полиция готовила, как это принято в случае особо тяжких уголовных преступлений для подтверждения признания, реконструкцию преступления.

Но в этом уже не было необходимости. В ночь с 22 на 23 мая 1958 года Эмиль Тильман повесился в камере. В посмертном письме, адресованном шефу комиссии по расследованию убийства, он еще раз заверял уголовную полицию в непричастности своей подруги к преступлению и одновременно назначал ее единственной наследницей своего скромного имущества.

Тильман был первым, но далеко не единственным похитителем детей в дебрях преступного мира ФРГ.

«ТВЕРДЫЕ, КАК КРУППОВСКАЯ СТАЛЬ!»

С 50-х годов картина преступлений в ФРГ становилась все более пестрой, сами преступления все более жестокими, а преступники все более молодыми. Закоренелые профессиональные преступники столкнулись с растущей конкуренцией со стороны подростков. Преступность среди молодежи стала серьезной проблемой. Хулиганские выходы юнцов, шайки, которые терроризировали целые жилые районы, банды воров и грабителей, состоявшие из детей и молодежи, от которых не было спасения, погромы, хулиганство, далеко выходящее за рамки дурачества молодости, — все это не могло не волновать общественность страны.

17 марта 1958 года западногерманская пресса сообщила о группе, которая называла себя «Банда пантер» и состояла из 14—15-летних подростков. Больше года они орудовали в городе Арнсбург (Северный Рейн-Вестфалия). На их счету было немало дерзких краж со взломом.

8 июля того же года газета «Зюддойче цайтунг» написала о банде десяти подростков из Штуттгарта, которые ввели в устав банды принцип «измена карается смертью» и в течение четырех лет совершили 172 преступления.

Год спустя штуттгартская полиция ликвидировала шайку похитителей автомобилей. В нее входили двенадцать человек от 16 до 21 года, успевшие угнать 27 легковых и один грузовой автомобиль.

Изо дня в день уголовной полиции и судам приходилось заниматься преступлениями несовершеннолетних, которые воровали, грабили, опустошали магазины, турбазы, разбивали уличные фонари и окна, стреляли в прохожих, нападали на женщин и девушек, насиловали их, убивали и совершали поджоги.

Общественность негодовала. Пресса то запугивала обывателей сообщениями об этих преступлениях, то, наоборот, оптимистически заявляла, что в Нью-Йорке, Чикаго или Сан-Франциско дела обстоят гораздо хуже. Было немало жарких споров о том, почему «современная молодежь такая жестокая». Социологи, криминологи, специалисты по уголовному праву, сравнивая уголовную статистику разных лет, только руками разводили.

В Германии 1932 года молодежь составляла всего 4,3% осужденных преступников. В ФРГ в 1954 году их число возросло до 17,8%, а спустя еще пять лет до 23,6%. И конца стремительному росту молодежной преступности не было видно. Полиция и правосудие самыми суровыми методами старались обуздать преступную молодежь. Тюрем для несовершеннолетних были переполнены. Укреплялись отделы уголовной полиции по борьбе с несовершеннолетними преступниками, расширялась сеть мест заключения. Преступность среди молодежи стала модной темой в предвыборной борьбе политических партий и в драке за парламентские места. Одновременно она служила оправданием для правительства Аденауэра, продолжавшего форсировать ремилитаризацию и укреплять полицейскую систему.

Милитаристы и реваншисты на высоких политических постах обвиняли во всем родителей и педагогов, которые, по их мнению, слишком мягко, не по-солдатски воспитывали молодежь. Это были времена, когда боннское правительство трубило сбор всех реакционных сил для психологической войны «против Востока». Министр обороны Франц-Иозеф Штраус заявил в бундестаге, что существует одна-единственная проблема, проблема «красных», и больше никаких проблем в мире нет. Это были времена, когда военный преступник, ставший министром в правительстве Аденауэра, Оберлендер открыто провозгласил: «Там, в России, нас ждет земля, там мы должны пустить корни. Эту мысль нужно снова и снова внушать нашей молодежи, готовя ее к выполнению задачи». А директор научно-исследовательского совета им. Иоганна-Готтфрида Гердера Кайзер, уже не боясь ответственности, писал в журнале «Цайтшриффт фюр остфор-

шунг»: «Германия не заканчивается ни на Эльбе, ни на Одере, ни на Висле!»

Прежний зловещий дух нацизма и милитаризма возродился и среди преподавательских кадров ФРГ. Директор Педагогического института в Геттингене профессор Хайзе, человек возглавлявший учреждение, которое должно было готовить учителей и воспитателей, в ноябре 1958 года призвал бундесвер прививать молодому поколению солдат «антицивилизаторскую твердость по отношению к живучему Востоку». Под антицивилизаторской твердостью профессор имел в виду то качество, которое Гитлер в свое время обозначал словами «твердые, как крупповская сталь»:

Антицивилизаторская твердость выплескивалась на молодежь со страниц сотен тысяч книг, комиксов, бульварных изданий и фильмов. «Кто стреляет первым, получает больше от жизни!» — кричали киноафиши в земле Рейнланд-Пфальц в начале 60-х годов. Хулиганствующие элементы восприняли этот призыв буквально.

АЛЬ-КАПОНЕ ИЗ ПФАЛЬЦА

24-летний главарь банды, осуществляя одну из своих дерзких операций в новогоднюю ночь 1960—1961 года, взял себе имя знаменитого американского гангстера Аль-Капоне. Он и раньше носил весьма звучные и воинственные прозвища. В 20 лет он был известен как Король ножа, еще раньше как Киммель-бомба. Так его прозвали, когда он смастерил бомбу из сорокалитрового молочного бидона и взрывчатки и взорвал ее в Пфальцском Лесу. Киммель обладал всем тем, что некоторые профессиональные вояки ценят в наемниках средней руки. Это был «тип вождя», как сказал о нем позднее главный комиссар уголовной полиции Вебер из Людвигсхафена, «исключительно смелый и отчаянный», что испытала на себе группа сотрудников франкентальской уголовной полиции во главе с криминальратом доктором Флейшманом. Он умел великолепно стрелять, отлично владел и холодным и огнестрельным оружием, был очень ловким, цепким и выносливым. Последнее он доказал, в частности, тем, что нередко за одну ночь вскрывал автогеном сейфы в трех расположенных далеко друг от друга местах. Он прошел огонь и воду и не знал, что такое угрызения совести. В этом убеждало убийство, совершенное его бандой. В довершение ко всему он был очень привязан к традициям, что доказывала свастика, которую он, как правило, малевал на месте преступления.

Бернгард Киммель из Лампрехта (Пфальц) без сомнения

сделал бы блестящую карьеру в бундесвере, федеральной пограничной охране или в ведомстве по охране конституции.

Одного калибра с ним были практически все члены его шайки. Опытный слесарь и жестянщик Луц Цетто, превосходный мастер сварочного дела. Хладнокровный матрос Бруно Файт, отлично владевший пистолетом. Маленький и ловкий Крац, способный пролезть в самую крошечную форточку. Здоровенный Рудольф Хартман, который запросто выдавливал и взламывал запертые двери. Бледный Барч, беспрекословно повиновавшийся любому приказу босса. Наконец, невеста Киммеля, Тилли Дон, которая также великолепно могла подстраховать банду в случае необходимости. Они все были в чем-то похожи на Киммеля, но не претендовали на руководящую роль, предпочитая быть исполнителями.

С 1953 по 1961 год эта банда орудовала в Пфальце, меняя время от времени свой состав и численность. Когда в 1961 году она, наконец, оказалась в руках полиции, на ее счету было 189 преступлений. В начале 50-х годов Бернгард Киммель, тогда еще вполне безобидный, но продувной 15-летний парнишка, довольно неприметный внешне, но очень честолюбивый, с группой приятелей-одногодков прочесывал леса Пфальца. Они собирали оружие и боеприпасы, брошенные фашистскими войсками при отступлении. Киммель прятал все это в лесу или в своей комнате, которая была расположена в пристройке родительского дома и имела отдельный вход; поэтому родители ничего не замечали. Вскоре оружие и взрывчатые вещества стали настоящим увлечением Киммеля. Ему нетерпелось попробовать их на деле, и он начал устраивать взрывы в лесу, упражняться в стрельбе, учился бросать нож. Вскоре Киммель превзошел всех своих друзей.

В 17 лет он присоединился к группе молодых взломщиков, специализировавшихся на охотничьих домиках и дачах. Банду раскрыли, но Киммеля никто не выдал и ему удалось остаться в стороне. Он моментально основал собственную шайку со строгой иерархией. Взламывать примитивным способом охотничьи домики Киммель считал ниже своего достоинства, поэтому он начал старательно изучать устройство разнообразных замков, изготовил целую коллекцию отмычек и научился быстро и бесшумно открывать чужие двери.

Шеф постоянно заботился о повышении квалификации членов своей банды, щедро делаясь с ними накопленным опытом. В дальнейшем он нацеливался на все более серьезные объекты. Необходимые практические сведения Киммель черпал из соответствующих фильмов и сообщений иллюстрированных журналов. Там он прочитал, например, об известном американском взломщике сейфов, «покушем Джозефе», и его легендарных немецких коллегам, Франце и Эрихе Зассах.

Итак, основной целью банды были сейфы, и в первую очередь в филиалах сельскохозяйственных касс взаимопомощи. Предпочтение отдавалось «горячей» работе, т.е. сейфы вскрыва-

лись с помощью газовой горелки. Поэтому Киммель покупал или воровал сварочную аппаратуру и доставал книги по сварочному делу. Он хотел и в этой области быть на высоте, но оказалось, что пистолетом он владеет все-таки лучше, чем газовой горелкой, и Киммель поручил эту часть их операций Луцу Цетто. Цетто, будучи слесарем, имел определенную сноровку для этой работы и спустя короткое время овладел новой специальностью в совершенстве. Несмотря на многочисленные успехи, которыми банда была не в последнюю очередь обязана мастерству Цетто, это не очень-то нравилось Киммелю. К тому же Цетто, единственный в банде, время от времени подавал голос против особой роли Киммеля. Подумав, Киммель решил перейти в будущем к другому методу, в котором он смог бы опять играть первую скрипку: он решил взрывать сейфы. Но до поры отложил это рискованное предприятие, поскольку еще не умел в нужной степени обращаться с динамитом.

Каждую операцию Киммель тщательно готовил. Все бандиты отлично понимали свои задачи. В операции принимало участие только необходимое число людей. При этом учитывались конкретные условия. Если предусматривалась сварка, Цетто был на своем месте. Можно было обойтись физической силой — наступала очередь Хартмана. Если надо было проникнуть в помещение через крошечную щель, на сцену выходил Крац. Один член банды должен был замечать следы, другой, чаще всего это была невеста Киммеля Тилли, «подстраховывать» их. Когда планировались несколько взломов в одну ночь, выбирались объекты, расположенные в совершенно разных местах, иногда на расстоянии ста километров друг от друга. Киммель хотел создать впечатление, что в Пфальце действуют несколько банд, и, надо сказать, его замысел удался. Вплоть до 21 января 1961 года, когда он был арестован, полиция и не подозревала, что многочисленные случаи взломов сейфов в районе Людвигсхафена и Франкенталя, еще более многочисленные ограбления охотничьих хижин, загородных домиков и турбаз в Пфальцском Лесу, серия автомобильных краж, а также ряд поджогов и применение огнестрельного оружия — дело рук одной банды.

Ни один из них даже не был на примете у полиции. Все, включая Киммеля и Тилли, исправно ходили на работу, особенно после удачных вылазок. Никто не сорил деньгами. Неуклонно соблюдался главный закон Киммеля — «только не бросаться в глаза». Да, босс держал их в ежовых рукавицах. Если он чувствовал, что они не выкладываются до конца, следовал серьезный нагоняй, который безропотно сносил даже здоровенный Хартман. И только Цетто, которого Киммель из-за небольшой оплошности с кислородом обругал «портачом», вспылил и на некоторое время отошел от банды.

Начитавшись газетных сообщений об убийце любовников Вернере Босте и его тайниках с оружием в лесу, Киммель при-

казал своим сообщникам создать подобные склады в Пфальцском Лесу.

И еще кое-что вывел Киммель из дела Боста: приходится считаться с хитростью полицейских и предательством друзей, тут уж ничего не поделаешь. Поэтому он решил, что каждый член банды, наряду с общими тайниками, должен запрятать в одном ему известном месте некоторое количество оружия, денег и одежды и хранить эти места в строгом секрете.

Киммель не был сторонником убийств, справедливо полагая, что владельцы сейфов или случайные свидетели «добровольно» отдадут все, что потребуешь, стоит лишь пригрозить им оружием. Поэтому он решил обеспечить свою банду в первую очередь деморализующим оружием. (Просто поражаешься словству его рассуждений с высказываниями некоторых высокопоставленных военных деятелей Запада.) Правда, атомная или нейтронная бомба Киммелю была не нужна, но заполучить автомат совсем не мешало.

В ночь на 13 марта 1959 года эта идея осуществилась. Автомат был похищен из караульного помещения французского гарнизона. План Киммеля был, как всегда, превосходен. Банда взломала чей-то гараж, взяла «напрокат» машину, оставив взамен на время операции свою, и направилась к французскому гарнизону. Водитель ждал, не выключая мотора, перед караульным помещением, а Киммель и Хартман, натянув капюшоны и размахивая револьверами, ворвались в него. Караульные были так напуганы, что подняли руки, не дожидаясь приказаний. Киммель схватил автомат и кинулся вместе с Хартманом в машину. Через минуту их и след простыл. Растерявшиеся солдаты даже не успели прийти в себя.

Заканчивался 1960 год. В Пфальце, как и повсюду, праздновался последний вечер старого года. Банда собралась в квартире Киммеля. Тилли хотела танцевать. Но Киммель решил отметить Новый год «по-гангстерски», взломав какой-нибудь лесной ресторанчик с приличным выбором спиртного. Пробежав глазами газету, выяснили, что ресторан «Хеллерхютте», приблизительно в часе езды от Лампрехта, снят какой-то компанией. Тогда решили остановиться на «Якобсхютте», расположенном неподалеку от него. Киммель засунул в карман своей испытанный «астра» калибра 6,5 мм и горсть патронов. Файт вооружился 9-миллиметровым «старом», а Цетто — П 38. Около девяти вечера тронулись в путь. Праздновать начали уже на опушке леса, беспорядочно паля куда попало.

Вот и «Якобсхютте». Цетто высадил калитку, Файт — окно, и они уже внутри. Оказалось, что ресторан выбран неудачно: выпивки нет. Пришлось удовлетвориться тем, что намалевали на стенах свастику и слово «сейф», да еще Цетто выстрелил в оконную раму. Но вскоре такое «сухое» празднование им надоело, и они направились в другой ресторан — «Тотенкопфхютте». Бан-

да отлично знала его по прежним походам, к тому же он был всего в полудне ходьбы.

Проверили, «чисто» ли тут, потом не долго думая проломили стену и вошли:

В подвале нашли все, что нужно. Мужчины вытащили ящик пива, десять бутылок вина и бутылку бренди, а Тилли сварила суп из бычьих хвостов. Веселились до двух часов утра, после чего переломали мебель, выбили стекла, намалевали повсюду свастики и в конце концов подожгли ресторанчик. Киммель решил, что пора возвращаться домой.

Путь лежал мимо Хеллерхютте, где встречали Новый год члены общества «Пфальцский Лес». Было уже четыре часа утра, и в ресторане остались только пять человек: сторож Яраус, рабочий химического предприятия Карл Верц, который в этот день выполнял обязанности дежурного, и члены общества Риттер, Экрат и Кехель. Когда Киммель и его шайка, не совсем твердо стоявшие на ногах, увидели свет в окнах, они начали швырять камни, но попали только в крышу. В этот момент из задней двери вышли Верц, Риттер и Экрат. Банда притаилась. Только Киммель остался стоять там, где был. В ресторане не заметили, что кто-то кидал камни. Но вот Верц увидел Киммеля и, держа в руках кармачный фонарь, подошел к нему. «Что случилось? Вы что тут делаете?», — спросил он. Киммель вытащил пистолет искомандовал: «Гаси свет!». Верц выключил фонарь, и Киммель подошел поближе. В этот момент он столкнулся с Риттером, который услышал разговор и тоже подошел к ним. Киммель заорал: «Я — Аль-Капоне! Дистанция семь метров!»

Риттер решил, что это новогодняя шутка, подхватил ее и, громко считая, сделал ровно семь шагов назад.

Тем временем подкрался Цетто, чтобы в случае чего помочь Киммелю. Тот как раз собирался улизнуть, но Верц снова осветил его фонарем. Киммель выстрелил несколько раз в землю у самых ног Верца. Верц погасил свет, но только для того, чтобы проучить новоявленного Аль-Капоне палкой.

Ему на помощь пришел Риттер. Он схватил Киммеля сзади и повалил на землю. Цетто, помня старую обиду, был совсем не прочь, чтобы его шефу задали хорошую взбучку, но вовремя сообразил, что они все могут засыпаться, если Киммель попадет в полицию. Он не колеблясь поднял пистолет, быстро прицелился и выстрелил три раза.

Верц успел крикнуть: «Эти тусы метко стреляют. Я ранен». Потом рухнул и потерял сознание.

После первого же выстрела Риттер выпустил Киммеля и спрятался с Экратом в ресторане. Киммель не торопясь нашел свой берет и оружие, потерянные во время схватки, и только тогда приказал: «Сматываемся!»

Верц скончался по дороге в больницу. Все три пули попали в него: одна — в икру, вторая в ягодицу, третья задела ребро, перикард, правое легкое, печень и диафрагму.

В шесть часов утра на место, происшествия прибыла комиссия по расследованию убийства из уголовной полиции Людвигсхафена. Она установила, что всего было сделано одиннадцать выстрелов по меньшей мере из двух разных пистолетов. Судя по всему, это были 9-миллиметровый «парабеллум» и пистолет калибра 6,3 мм.

Позднее полиция прочесала с помощью высокочувствительных американских миноискателей местность между «Хеллерхютте» и городком Лампрехт и нашла 60 патронных гильз и пулю, а также многочисленные следы пуль в дорожных указателях и стволах деревьев. Еще во время осмотра места происшествия стало известно о разгроме ресторана «Тотенкопфхютте». О взломе «Якобсхютте» узнали только спустя два дня.

С самого начала уголовная полиция исходила из того, что в лесу бесчинствовала одна и та же группа преступников. Проанализировав дорожные условия и окружающую местность, полиция сосредоточила розыск на Лампрехте. Это вызвало беспокойство банды Киммеля, поскольку почти все они жили в Лампрехте. Бандиты решили отвлечь внимание полиции.

В ночь с 6 на 7 января 1961 года, в ресторане Дайдерсхаймер под Нойштадтом сидела дружеская компания из четырех завсегдаев. Хозяин играл на пианино, остальные пели. Внезапно распахнулась дверь, и на пороге выросли три фигуры в капюшонах и с пистолетами в руках. «Руки вверх! Я — Аль-Капоне!» — крикнул один из них и направил пистолет на гостей ресторана. Те начали было ругаться. Раздалась первые выстрелы. Хозяин едва успел метнуться в сторону: от пианино отлетели щепки. Четыре пули ударили как раз в то место, где он только что сидел. Три бандита — это были Киммель, Цетто и Хартман — выпустили весь заряд из пистолетов и исчезли так же быстро, как появились. Один из гостей попытался пуститься в погоню, но вскоре вернулся ни с чем. Бандиты скрылись в лесу.

Прибывшей полиции оставалось только подобрать пули и гильзы. Посетители ресторана мало чем могли помочь: все произошло слишком быстро. Отдел экспертизы огнестрельного оружия Федерального ведомства уголовной полиции установил, что стреляли из тех же 9-миллиметровых пистолетов, что и во время нападения на «Хеллерхютте», стрельбы по дорожным указателям и деревьям в окрестностях Лампрехта. Полиция сразу раскусила замысел преступников инсценировать нападение, чтобы отвести подозрение от Лампрехта.

Негодование общественности не было предела. Возмущенные граждане, в том числе учителя и воспитатели, указывали на рост преступности среди молодежи ФРГ, вызванный потоком низкопробной литературы и фильмов, в которых превозносилось насилие и презрение к человеческой личности. В официальные учреждения поступило множество писем, выражавших протест населения, а в Нойштадте свыше 2 тысяч жителей устроили перед зданием ратуши демонстрацию, направленную против рас-

пространения подобных произведений. Один перепуганный владелец кинотеатра тут же снял с программы объявленный ранее детектив «Здравствуйте, я ваш убийца!».

Во время похорон Верца люди несли лозунги «Никакой пощады убийцам нашего друга Верца». Полиция вновь оказалась под обстрелом критики. Была увеличена вдвое сумма, выделенная на расследование убийства, активизирована деятельность по розыску преступников. Проводились облавы и проверка транспорта, были мобилизованы все агенты полиции. Поступило свыше тысячи сигналов о подозрительных лицах, в том числе о Бернгарде Киммеле.

За Киммелем установили наблюдение. Проверили круг его знакомых.

В это же время поступило заключение экспертизы, что обнаруженный у ресторана «Тотенкопфхютте» след от обуви идентичен следу, оставленному преступником на месте преступления во время одного нераскрытого случая взлома сейфа. Это сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Наблюдение за Киммелем усилили и, когда была получена достоверная информация о том, что Киммель хранит различное огнестрельное оружие, его арестовали. Это произошло 21 января 1961 года.

Киммеля подвергли обстоятельному допросу. Сначала он все упорно отрицал, но через четыре дня признался в совершении ряда взломов и вызвался проводить полицию к своим тайникам в Пфальцском Лесу. Единственным его условием было присутствие при этом его невесты Тилли. Полиция приняла условие.

9 февраля сотрудники франкентальской комиссии по расследованию убийства во главе с криминальратом д-ром Флейшманом привезли его в Лампрехт. Прикованный наручниками к одному из полицейских и сопровождаемый двумя другими, Киммель шагал извилистой дорогой к каменоломне Брехлох. Сзади шла Тилли. Собственно говоря, она должна была остаться у машины, но Киммель дал ей незаметно знак, и она пошла следом. Полицейские хотели отправить ее назад, но в этот момент пошел дождь. На Тилли был только свитер: она явно замерзла, на нее было жалко смотреть. Киммель быстро оценил ситуацию и предложил ей свое пальто. Для этого было необходимо снять наручники. Полицейские вытащили пистолеты и освободили его руки. Киммель медленно пошел под дулами их пистолетов к крутому откосу, метров 10—15 высотой. «Здесь поблизости мой тайник», — сказал он, делая вид, что ориентируется на месте. Внезапно Киммель сделал большой прыжок и соскочил с крутого склона. Несколько раз перевернувшись, он снова вскочил на ноги и помчался в чащу. Полицейские выпустили ему вслед восемь пуль, но ни одна не достигла цели. Пока они искали удобный спуск с крутизны, беглеца и след простыл. Тем временем Киммель отыскал свой тайник, который действительно был совсем рядом, вытащил оттуда пистолет П 38, автомат и три магазина

к нему по 40 патронов в каждом, похищенные в свое время во французском гарнизоне.

Киммель не собирался бежать куда глаза глядят. Осторожно подкравшись к полицейским машинам, он увидел Тилли. Она стояла под присмотром криминальрата Флейшмана и глазами искала своего возлюбленного. Полицейские были заняты поисками Киммеля в подлеске у каменоломни, момент был весьма благоприятный, и Киммель подал Тилли знак. Она заметила его, но не видела возможности бежать и отрицательно покачала головой. Это привлекло внимание одного из полицейских, который тоже увидел Киммеля. Полицейский крикнул: «Стой!» — и бросился к нему, стреляя на ходу. Тот отпрыгнул за дерево, тремя очередями по верхушкам деревьев загал полицейских в укрытие и вместе с Тилли, которая под прикрытием огня успела перебежать к нему, скрылся в зарослях. Сотрудникам полиции достались лишь насмешки общественности и взбучка от шефа.

Была немедленно развернута самая крупная операция по розыску в истории земли Рейнланд-Пфальц, но схватить Киммеля и его подружку не удалось. Впоследствии государственный секретарь Картхаузен признался, что эта операция «не украсила» историю уголовной полиции. Выяснилось, что беглецу без особого труда удалось несколько раз пройти кольцо полицейских кордонов радиусом 10 километров вокруг района его бегства. Он переночевал вместе с Тилли внутри этого оцепления в кабинке открытого бассейна, потом захватил автомобиль вместе с водителем и заставил его возить их по кишашему полицейскими патрулями району. Однажды, сидя в такси, он даже пристроился в колонну патрульных машин, оборудованных радиостанцией, которые как раз выезжали на розыск.

Только в Иггельбахе, маленьком местечке в двенадцати километрах от Лампрехта, Киммель чуть было не попался. Он решил пообедать там у своего бывшего коллеги по работе. Пока они с Тилли и хозяином квартиры обедали, жена незаметно сбежала в ближайший ресторан и вызвала полицию. Не прошло и трех часов, как, сверкая синими огнями и сигнала, к дому подъехала полицейская машина. Понятно, что ни Киммеля, ни Тилли они уже не застали.

Вероятно полиции еще долго пришлось бы вести этот розыск, если бы Киммель в конце концов сам не явился с повинной. Проскользнув в очередной раз через полицейский кордон, Киммель появился у своей тетки в Лампрехте, чтобы перекусить чего-нибудь. Тетка поставила перед ним его любимое блюдо и задомно уговорила сдать полицию.

Наконец-то можно было заняться другими членами банды. Правда, оказалось, что Бруно Файт успел бежать через Ливию и Геную в Сингапур. Там он раздобыл старый баркас и с тремя приятелями вышел в открытое море. Его розыском занялся Интерпол. Тем не менее Файту по всей видимости удалось бы добраться до Австралии, если бы его баркас не затонул вблизи

острова Тоби. 13 сентября 1961 года Файта подобрал в море американский крейсер. В январе 1962 года в соответствии с подписанным еще в 1930 году соглашением между Германией и США он был выдан в Нью-Йорке сотруднику уголовной полиции ФРГ.

В это время Киммель и его дружки уже ожидали начала процесса. Никаких проблем с Аль-Капоне из Пфальца у полиции больше не было. Добровольно явившись в полицию, он не колеблясь сознался во всех своих преступлениях.

Поскольку большую часть их Киммель совершил еще несовершеннолетним, он сначала предстал перед отделением по уголовным делам несовершеннолетних земельного суда Франкенталя. Спустя четыре месяца суд присяжных рассматривал дело об убийстве Карла Верца и другие преступления банды. Учитывая вынесенные отделением по делам несовершеннолетних наказания, суд присяжных принял 8 февраля 1962 года следующее решение: шеф банды Бернгард Киммель как опасный рецидивист приговоривался к 14 годам тюрьмы. Луц Цетто, в результате выстрелов которого наступила смерть Верца, приговоривался к пожизненному заключению. Он пытался убедить суд, что хотел выстрелить по ногам Верца, но был обвинен в преднамеренном убийстве. Ровно через два года после убийства Карла Верца, в новогоднюю ночь 1962—1963 годов, Луц Цетто отравился в тюрьме. Хартман был приговорен к девяти годам восьми месяцам тюрьмы, Крац к девяти годам шести месяцам, а Барч к четырем годам и десяти месяцам. Бруно Файт и Тилли Дон отделались тюремным заключением сроком соответственно в два и три года.

«РУССКИЕ ИДУТ»

В ночь с 18 на 19 января 1958 года жители маленькой гессенской деревушки были разбужены выстрелами. Плотник Б. и его жена испуганно вскочили с постели и кинулись к окну.

Приблизительно в ста метрах от их дома за выгоном для скота жил 64-летний пенсионер Герман Г. Оттуда был слышен шум.

Плотник включил свет, и тотчас в дождливой ночи просвистели пули. Б. крикнул жене, чтобы она ушла в безопасное место, но было поздно! Зазвенели стекла, фрау Б. схватилась руками за горло и рухнула на пол, обливаясь кровью. Пуля из винтовки перебила ей шейную артерию.

Подъехала сельская полиция и пожарные. Но когда они попытались приблизиться к дому Германа Г., они тоже попали под

обстрел. Один из полицейских был тяжело ранен. Неожиданно дверь дома распахнулась и из нее с опаской выступил Герман Г. «Не стреляйте», — крикнул он. На ломаном немецком языке он стал объяснять, что он не трус и храбро сражался бы дальше, но у него вышли боеприпасы. Герман Г. принял полицию и пожарных, которые арестовали его, за советских десантников.

Вся округа была поражена случившимся. Г. был известен как добродушный человек, правда, считалось, что он немного не в себе после того, как его контузило на первой мировой войне. Никто не ожидал от него такой выходки. Во время второй мировой войны он был солдатом на восточном фронте, следовательно, не настолько уж слабоумен, как этого хотелось теперь некоторым официальным инстанциям. Герман Г. прилежно читал западногерманские газеты и внимательно следил за сообщениями об «агрессивных планах Советов». Поэтому, когда четверо деревенских ребят сказали ему, что в ночь с субботы на воскресенье недалеко от деревни будут сброшены «русские парашютисты», он им поверил.

Во время судебного разбирательства прокуратура хотела представить дело как печальное недоразумение, как непредсказуемое преступление, совершенное слабоумным в состоянии помешательства. Вся вина возлагалась на четырех молодых людей, которые спровоцировали это своими подстрекательствами. Впрочем, для троих обвинение тут же нашло смягчающее обстоятельство: они только потому так необдуманно и легкомысленно затеяли глупую игру с больным человеком, что их толкнул на это четвертый — хулиган, уже имевший судимость. Германа Г. предусмотрительно направили в психиатрическую лечебницу. Но ни слова прокурор не обронил об антисоветской и антикоммунистической истерии официальных правительственных учреждений, партий и газет, истинных виновниках подобных безумных поступков. Ни слова о том, как могло случиться, что слабоумный в течение многих лет владел целым складом оружия и открыто говорил об этом, а власти и пальцем не пошевелили, чтобы принять соответствующие меры.

К каким уродливым явлениям приводит антисоветская истерия, показал спустя несколько месяцев другой случай. В пятницу, 17 июня 1960 года, 16-летний Дитер Якоби из Марктсхоргаста (район Кульмбаха) проник в служебные помещения каменоломного предприятия в Мюнхеберге (Верхняя Франкония). Он взломал стальную дверь в пороховой погреб и украл 404 капсуля-детонатора повышенной мощности, несколько динамитных патронов и кусок бикфордова шнура. Незадолго до этого Якоби посмотрел фильм «Мост на Квае» и решил тоже взорвать мост. Один из капсюлей-детонаторов он проверил прямо на складе, где хранилось несколько центнеров динамита.

В качестве объекта он выбрал автодорожный мост под Марктсхоргастом между Байрейтом и Хофом.

К счастью, он туда не дошел. По дороге его встретил один

рабочий с каменоломни, который заметил конец бикфордова шнура, свесившийся из его кармана. Не долго думая, рабочий схватил парня, а когда увидел, что тот нес в карманах, отвел его в полицию.

На этом вопрос можно было бы считать исчерпанным, если бы не готовность, с которой полиция поверила небылицам этого молокососа, известного всей округе фантазера. Он заявил, что «группа восточных агентов» заставила его взорвать мост и что целый ряд других агентов получили такое же задание и в настоящее время находятся в пути. Такие показания как нельзя лучше вписывались в стереотипные представления среднего западногерманского обывателя и среднего полицейского, сознательно и систематически выработывавшиеся у них с помощью средств массовой информации и официальной «оборонительной политикой». Стоит ли удивляться после этого, что полиция тотчас забила тревогу. Вооруженные до зубов подразделения полиции готовности и федеральной пограничной охраны Байрейта, Хофа и Штайнаха выступили и заняли все мосты. Даже егеря были приведены в боевую готовность и организовали розыск агентов на своих охотничьих участках.

Через двенадцать часов пришлось дать отбой. Якоби, чрезвычайно довольный произведенным эффектом, заявил, что он просто пошутил.

Руководство полиции отнеслось к этому весьма снисходительно: «Ведь это могло оказаться и правдой. Разве нет?»

ГАЛАНТНЫЙ ПРИЗРАК

В фешенебельном районе Бремена появился призрак. Это стоило полиции многих бессонных ночей, а обитателям вилл большого беспокойства. Но это был не страшный призрак, жаждущий крови, с ножом или бесшумным пистолетом в руках.

Напротив, он был очень галантен и больше подходил для комедии с детективным сюжетом, чем для жестокого мира преступности.

Представим себе комфортабельную виллу, одну из тех, где квартплата значительно превышает доход рядового человека. В вилле спит привлекательная дама. Неважно, как ее зовут. Назовем ее, к примеру, Марлис. Итак, Марлис мирно и крепко спит, как спится только на подушке благополучия и довольства. Она не слышит, как кто-то скребется о стену дома прямо рядом с ее окном. Не слышит она ни тихих шагов на балконе, ни скрипа форточки, которая осторожно открывается, чтобы пропустить палку с петлей на конце. Петля охватывает и поднимает задвиж-

ку балконной двери. Марлис не ощущает и дуновение свежего воздуха, который врывается через бесшумно отворившуюся балконную дверь в спальню. Появляется какая-то темная расплывчатая фигура. Уже далеко за полночь, самое время для призраков. Он неслышно проскальзывает мимо Марлис в соседнюю комнату, закрывает дверь спальни, включает свет и не торопясь осматривает все помещения, платяные шкафы, выдвижные ящики, даже карманы верхней одежды, которая висит в коридоре. В квартире немало дорогих вещей и украшений, но призрак не трогает их. Он ищет наличные деньги. К сожалению, у Марлис чековая книжка, так что как раз наличных в доме немного. Призрак осмотрел последнюю комнату и бросил еще один критический взгляд вокруг. Никаких следов того, что здесь только что орудовали чужие руки. Кружевное белье Марлис лежит там же, где прежде, рукав пальто точно так же перевернут и книга, которая лежала открытой на столе, как и прежде, покоится с точностью до миллиметра на том же самом месте.

Однако призрак проголодался и бесшумно скользнул на кухню. Открыв холодильник, он недовольно покачал головой: Марлис современная женщина, кроме консервов в холодильнике ничего нет.

Осталась спальня. Быстрыми ловкими движениями призрак натянул проволоку между кроватью, дверью и балконом. На мгновение вспыхнул карманный фонарик, осветил розетку ночника. Легкий взмах, и вилка ночника вытащена из розетки.

Призрак устроился на краешке постели Марлис и смотрит на молодую женщину. Снимает перчатку, осторожно убирает прядку волос с лица спящей, нежно гладит ее щеки и грудь.

Марлис испуганно вскочила, готовая закричать. Но призрак мягко заговорил с ней. Ей нечего бояться, если она останется тихо лежать в постели и не попытается включить свет. Марлис повиновалась. Он держался очень корректно, говорил вежливо, мягким нежным голосом, потом снял свою страшную маску. Лица она, правда, не разглядела. Началась милая беседа. Страх Марлис окончательно исчез. Случайный свидетель сказал бы, что они болтали очень оживленно. Так прошло три часа. Все это время призрак мирно сидел в уютной комнате на постели Марлис, а в садах и на улицах Бремена десятки полицейских автомобилей разыскивали его.

Только когда забрезжил рассвет, призрак собрался уходить. Он ловко убрал натянутую проволоку и скользнул к балкону. «Не забудьте закрыть дверь, уважаемая фрау. Вы можете простудиться», — сказал он на прощанье и перемахнул через балконные перила.

Сотрудники бременской уголовной полиции пытались выяснить у Марлис, как же выглядел этот призрак. «Он высокий, стройный и хорошо говорит по-немецки», — был ее ответ.

Гауптмайстер полиции, уже более двух с половиной лет го- нявшийся за таинственным взломщиком вилл, только безнадеж-

но пожал плечами. Почти не имея надежды, полицейские искали в квартире Марлис какие-либо следы. После них осталось гораздо больше грязи и беспорядка, чем после Призрака. Но их усилия были вознаграждены: взломщик забыл снова надеть перчатку и на окне остался четкий отпечаток безымянного пальца его правой руки.

До этого времени уголовной полиции удавалось обнаружить только фрагменты отпечатков его пальцев и ладоней. Наконец-то они располагали четким и полным отпечатком!

Бременская уголовная полиция ликовала. Каково же было ее разочарование, когда оказалось, что Призрак вилл не был зарегистрирован ни в одной картотеке уголовной полиции ФРГ. И так, это был «новичок», но с опытом и осторожностью профессионала.

Ловить таких типов было, пожалуй, самой сложной задачей. В полицию поступило уже свыше ста сигналов о его визитах на виллы, и конца этому не было видно. Пресса и население осыпали бременскую городскую полицию насмешками, откровенно сомневались в ее способностях. Терпеть это местные полицейские были не в силах. Еще болезненнее подобные вещи воспринимают обычно коммунальные политики, если только они не составляют оппозицию. Официальные инстанции земли Бремен дали нагоняй городским властям, те — начальнику полиции города, он в свою очередь шефу уголовной полиции, а тот, естественно, начальнику соответствующего отдела, который в конце концов взгрел ответственного исполнителя отдела. Но у этого виноватого во всем «стрелочника» не хватало времени даже на то, чтобы побывать во всех местах, где появлялся Призрак, осмотреть место преступления и заслушать показания пострадавших и свидетелей: так много их было. В конце концов, шеф бросил на это дело всю бременскую полицию. В прессе был опубликован портрет Призрака, составленный с помощью фоторобота. 60 сотрудников полиции готовности были откомандированы для ночного патрулирования в кварталах вилл. А в конце недели, когда Призрак проявлял особую активность, оперативные группы разъезжали на патрульных автомобилях с радиостанцией. Полицейские работали сверхурочно. Были сделаны увеличенные снимки обнаруженного отпечатка пальца и разосланы во все полицейские участки, имеющие свою службу опознания.

Проверили массу подозрительных молодых мужчин. Нередко в сети полицейского патруля попадал и какой-нибудь преступник. Но Призрака вилл среди них не было. Он всегда появлялся там, где как раз в этот момент отсутствовала полиция, а если полиция, случалось, была во всех фешенебельных кварталах одновременно, он делал передышку.

Все это наводило полицейских на мысль, что преступник сам служит в полиции и поэтому в курсе всех запланированных ею операций.

Между тем Призрак наглед. Однажды он забрался на виллу

на Люнебургерштрассе, на первом этаже которой отмечали какое-то торжество. Все окна были ярко освещены, веселый смех гостей слышался даже на улице. Призрак обогнул дом и у задней стены обнаружил громоотвод. Он вскарабкался на второй этаж и через несколько минут уже спускался по лестнице не менее уверенно, чем сам хозяин дома, в холл, где висели пальто гостей. Он не спеша обшарил все карманы, собрал около тысячи марок и направился в кухню. Там он весьма предусмотрительно открыл окно. Когда хозяин дома вошел в кухню, «Призрак» сидел болтая ногами на тумбе с посудой и с удовольствием ел рубленую котлету. Хозяин уже было схватил его, но «Призрак», как угорь, выскользнул и исчез в окне.

В другой раз призрак появился на вилле коммерсанта, когда тот сидел перед телевизором в окружении своих пяти собак. Собаки начали ворчать, но призрак, как всегда спокойно, обшарил соседнюю комнату и вскоре так же незаметно исчез. Нередко он еще и дразнил владельцев вилл: включал погромче радио или зажигал свет, прежде чем улизнуть.

Любил он подурочить и полицию. Так, он не раз специально оставлял следы на месте преступления: например, два разных следа от левого ботинка или от обуви разных размеров. Полиция легко клюнула на это и считала вначале, что преступников двое. Однажды он обронил носовой платок. Такие платки получают солдаты бундесвера. Расследовавший дело сотрудник тут же организовал проверку свыше тысячи солдат, размещенных в Бремене. У всех сняли отпечатки пальцев. Единственным результатом этой операции было прозвище, заработанное незадачливым полицейским. С этого времени его называли не иначе как «унтер-офицер Мюллер».

Старая истина: каждый преступник, совершающий серию однотипных преступлений, как бы тонко и умно он их ни готовил, когда-нибудь сделает роковую ошибку. Четыре с половиной года бременский «Призрак» водил за нос полицию и, наконец, выдал сам себя. А виновна в этом была его любовь к комфорту. Пока он доверял только собственным ногам и бродил по Бремену пешком с транзистором под мышкой, ему довольно легко удавалось ускользнуть через сеть полицейских патрулей. Но когда он стал выезжать на «дело» в своем автомобиле, он сразу попался. Свидетели быстро заметили, что вблизи мест преступления появляется французская малолитражка «Дофин» светлого цвета.

Полиция провела операцию под кодовым названием «Винтовой пароход» по розыску светлого «Дофина». Были усилены ночные патрули автоинспекции. Все зарегистрированные в городской автоинспекции владельцы этой марки машины были приглашены под разными предлогами в инспекцию, где у них брали отпечатки пальцев.

23 октября 1963 года к ним явился вежливый молодой человек. Его стали расспрашивать о каком-то несчастном случае, о котором он, естественно, не имел понятия, а поскольку совесть

его в этом отношении была совершенно чиста, он охотно разрешил снять у него отпечатки пальцев, хотя «Дофина» к этому времени у него уже не было: он приобрел «Изабеллу».

Молодого человека звали Фред Шютте. Он с улыбкой смотрел, как внимательно сотрудник полиции изучал каждый отпечаток его пальцев. Дойдя до безымянного пальца правой руки, полицейский вздрогнул. Не веря своим глазам, он переводил взгляд с только что сделанного отпечатка на увеличенное изображение отпечатка, оставленного «Призраком» в вилле Марлис. Никаких сомнений — тот же рисунок. Спустя короткое время было окончательно установлено: Фред Шютте — таинственный «Призрак вилл».

Фреди был неглуп и, несмотря на то что все козырные карты были в руках полиции, сдался не сразу. А когда это наконец произошло, он обнаружил удивительную память. Стоило ему только намекнуть, и он вспоминал мельчайшие детали своих визитов на виллы, а их за ним числилось ни много ни мало 317.

23-летний Фред Шютте был по профессии плотником. По количеству взломов он установил абсолютный рекорд ФРГ. До него этот печальный рекорд принадлежал одному мюнхенскому преступнику, но тот сумел совершить «всего» 250 крупных краж. Фред Шютте не был профессиональным преступником. До 19 лет он неуклонно шел по пути добродетели, который, к сожалению, приносил слишком скромный доход. Но однажды ему пришлось в голову использовать свои профессиональные навыки в другой области. В первое время его привлекали даже не столько деньги, сколько возможность любоваться спящими молодыми и привлекательными женщинами и хотя бы слегка прикасаться к ним. Кстати, только четыре женщины посчитали себя оскорбленными этим.

30 июня 1964 года третья судебная коллегия по уголовным делам бременского земельного суда приговорила Фреда Шютте к шести годам тюрьмы, денежному штрафу в размере 160 марок и лишению гражданских прав сроком на три года. Приговор учитывал только 206 крупных и мелких краж и попыток краж. Мужчины, пострадавшие от Фреда Шютте, восприняли приговор суда с удовлетворением. Некоторые дамы — с сожалением.

Вся добыча Шютте за эти годы составила всего 45 тысяч 828 марок, т. е. в среднем 222 марки за каждый взлом. Ничтожная сумма, когда подумаешь о 300 тысяч марок, выплаченных в качестве гонорара юстицией и другими государственными органами земли Шлезвиг-Гольштейн виновному в массовых убийствах штандартенфюреру СС, руководителю фашистской программы эфтаназии*, профессору Вернеру Хайде в 50-е годы.

---

* Преступные меры СС по уничтожению «безнадежно больных» и в «жизненном отношении малоценных» людей в годы второй мировой войны. — *Прим. отв. ред.*

Нюрнбергский трибунал признал Хайде виновным в убийстве более 100 тысяч человек. В 1947 году с помощью бывших нацистов он бежал по дороге в тюрьму и, несмотря на розыск, объявленный в «Бундескриминальблатт» и «Фандунгсбух», совершенно открыто стал выступать как судебный эксперт в земле Шлезвиг-Гольштейн. Ему пришлось только сменить имя: теперь это был д-р Фриц Заваде. И президент земельного социального суда Буреш, его основной благодетель, и генеральный прокурор Фос, и министерский советник Хайгль, так же как и 18 других видных юристов, отлично знали, что под фамилией Заваде скрывается преступник, и делали все, чтобы помочь ему избежать наказания.

Судебное расследование было начато против 14 юристов и занимавших различные должности медиков. Одиннадцать из них были тут же прекращены. В остальных случаях судебное производство было отклонено. Только советнику земельного социального суда д-ру Майнтке-Пушу было сделано «замечание», а у председателя судебной коллегии Михаэлиса была урезана на два года зарплата, причем на «целых 10%». Этим и ограничились.

Жена виновного в массовых убийствах Хайде-Заваде, которая заявила о смерти мужа, отлично зная, что это не так, не только не была привлечена к ответственности в соответствии с Уголовным кодексом ФРГ за дачу ложных показаний, но и продолжала получать профессорскую пенсию мужа.

«УРСУЛА-ПИСТОЛЕТ»

В Гамбурге у Фреда Шютте была коллега, не менее отважная, чем он сам. Местная пресса присвоила ей титул «самой смелой взломщицы Федеративной республики». Но известность пришла к ней задним числом: до процесса, проходившего 28 января 1964 года в Гамбурге, на нее никто не обращал внимания. Об этом свидетельствовал и пустой зал судебного заседания. Да и те немногие любопытные, которые забрели сюда, не слишком много услышали, вернее совсем не услышали, самых пикантных подробностей из жизни и деятельности Урсулы Д., прозванной «пистолет». Подробности рассматривались на закрытом заседании. На то были свои причины, поскольку необычное поведение этой необычной девушки проявлялось в области, далекой от благопристойности. Но Урсула Д. занималась и «благотворительностью».

Дома престарелых, детские сады и знакомые не уставали восхищаться ее великодушием. Однажды она пришла в дом престарелых, неся под мышкой новый радиоприемник. «Вот, —

заявила она, — это для старичков: хоть послушают музыку и узнают, что творится в мире».

Через несколько дней она принесла «старичкам» современную электробритву, «чтобы не резались». Да и потом не раз привозила на ручной тележке что-нибудь из еды, фрукты, деликатесы.

У нее была приятельница Розмари, мать двоих маленьких детей, со страхом ожидавшая появления на свет третьего: откуда взять детское белье для нового малыша? В этом положении она с трудом зарабатывала на жизнь. Урсула успокоила ее и вскоре принесла столько детского белья, что его хватило бы на дюжину близнецов обоего пола.

А гамбургская уголовная полиция тем временем билась над раскрытием серии краж со взломом в магазинах и учреждениях города. Они начались в июне 1961 года. Наступил уже январь 1963, а конца кражам так и не было видно. Нельзя было сказать, что в преступлениях чувствовалась рука мастера, но совершались они весьма рационально и исключительно дерзко. Рациональными полиция считала их потому, что преступник использовал каждый раз самую благоприятную возможность забраться в помещение. Дерзкими — потому что ни высокие стены, ни крыши, казалось, не могли остановить его. Причем всякий раз полиция обнаруживала массу следов, за исключением отпечатков пальцев. Чаще всего находили следы обуви: либо от подбитых гвоздями, либо от гладких резиновых подошв. Полиция была убеждена, что действуют два отлично сработавшихся вора. Конечно, их нельзя было отнести к «элите» гамбургского преступного мира, но все же это не были и заурядные воры. Например, в один обворованный магазин, находившийся в бельэтаже дома, можно было забраться только по крыше отделения полиции, то есть буквально по головам полицейских. Без сомнения, такая наглость говорила о немалом опыте преступников.

Итак, уголовная полиция разыскивала двух мужчин, за которыми числилось тридцать краж со взломом. Для Гамбурга, где ежедневно совершается 247 преступлений, не считая транспортных происшествий, цифра была не слишком высокой: фактически преступники давали о себе знать в среднем только раз в 24 дня. Тем не менее этот груз висел на полиции. Каждый раз ей приходилось осматривать место преступления, «выражать соболезнование» пострадавшим, писать донесения о том, что преступление совершено неизвестными лицами, заносить очередной случай в документацию, отправлять обнаруженные улики на экспертизу и ждать следующего ограбления.

А Урсула Д. между тем продолжала свою благотворительную деятельность. По ночам она грохотала по булыжным улицам своей нагруженной, обитой железом ручной тележкой мимо полицейских постов и патрулей. Все знали, что Урсула ничего не боится, а самые близкие подруги знали почему: Урсула была отличным стрелком и никогда не расставалась с заряженным пистолетом. За это ее и прозвали «пистолет». Только потом выяс-

нилось, что Урсула совершенно не умела обращаться с оружием, а пистолет, который она таскала с собой, был игрушечным.

Но одно качество у нее действительно нельзя было отнять: она лазила с ловкостью обезьяны. Так, в октябре 1961 года Урсула украла молед и попала с ним в дорожно-транспортное происшествие. Ее без сознания доставили в больницу. Едва придя в себя, она выбралась из окна четвертого этажа и скрылась.

Спустя всего год Урсула оказалась в закрытом отделении больницы «Оксенцолль»: она раздаривала так много прекрасных вещей, что врачи стали сомневаться в ее рассудке. Но стена в три с половиной метра, окружавшая больницу, была для нее не препятствием. Вытащив двух пациентов из постелей, она составила из их кроватей «лестницу» и была такова.

Все же полиции с помощью одной болтливой подруги Урсулы удалось в конце концов напасть на ее след. В январе 1964 года после длительного наблюдения в лечебном учреждении она предстала перед судом.

«Садитесь же!» — сказал председатель суда. Урсула отказалась. Она продолжала стоять долгие часы слушания дела, пока у нее не подкосились колени.

Урсула Д. созналась во всем и даже была горда своими тридцатью кражами. Эксперт-психиатр долго объяснял ее поведение негативными впечатлениями детства и юности и считал, что она совершенно нормальна. По его словам, девушку отталкивал «грубый мир мужчин». Она почувствовала это еще ребенком, когда видела, как отчим избивал ее мать. Все ее поведение говорило о стремлении к идеалу, которым для нее был «кавалер старой школы». А так как она не видела подобных мужчин вокруг себя, то решила сама быть им. Несмотря на такое выступление эксперта, суд повел себя не слишком галантно: Урсула Д. была приговорена к пяти годам тюрьмы.

«ПАРАДНЫЙ КОНЬ»

До середины 1960 года в конюшне Федерального ведомства уголовной полиции (БКА) держали «парадного коня» особого рода. Им являлся Эдгар Брезе, доктор философии и дипломированный психолог. Брезе был экспертом по проведению графической экспертизы 2-го отдела БКА, группы криминалистической техники, отделения КТ V (документы). В прежние времена графическая экспертиза подозрительных документов проводилась в БКА людьми, которые не то что докторскую степень, но и слово «дипломированный» не всегда могли поставить перед своей должностью. Но просто имя и фамилия в сочетании со служеб-

ным званием имеют ряд недостатков. Всем этим придирам и хроническим склочникам, которые вечно чем-нибудь недовольны, куда как проще сомневаться в заключении какого-нибудь господина Н., чем, скажем, в заключении, подписанном «доктор таких-то наук Н.». Неудивительно поэтому, что бывший тогда шефом БКА Дуллиен возлагал на своего титулованного эксперта самые большие надежды, во всяком случае гораздо бóльшие, чем на тех, кто не мог похвалиться учеными степенями. Да и обвинительные органы отдавали ему предпочтение. Когда д-р Брезе величественно вступал в зал судебного заседания, изящно поклонившись в сторону обвинителя и судьи и небрежно кивнув защитнику, каждому становилось ясно: да, это специалист, твердый, как западногерманский дуб, непоколебимый, как патер ордена иезуитов. Горе поддельвателю завещания, который наивно думал, что может внести своей рукой изменения в волю усопшего! Горе исключенному студенту, подделавшему диплом, или, чего доброго, свидетельство о присуждении докторской степени! Там, где слышалось ржание «парадного коня» Дуллиена, д-ра Брезе, прокурор мог показывать себя в полном блеске.

И только среди коллег д-р Брезе не пользовался уважением. Может быть, их пренебрежительная усмешка была вызвана просто завистью? А такую усмешку нередко приходилось видеть на их лицах, когда они читали табличку «Доктор Брезе» на двери дома № 37 по Идштайнерштрассе в Висбадене. Причем больше всего по поводу деятельности Брезе как эксперта шушукались сотрудники младших званий и должностей.

Один из них, специалист-почерковед и судебный эксперт, Герман Фриче из земельного ведомства уголовной полиции Нижней Саксонии зашел так далеко, что подверг сомнению докторскую степень и диплом д-ра Брезе. Шеф федерального ведомства Дуллиен вначале расценил это как шутку.

Фриче и Брезе знали друг друга, потому что были коллегами. По той же причине Фриче знал и Элизабет Лофс-Рассов из Франкенталя, эксперта по проведению графической экспертизы. Как-то во время случайной встречи они заговорили о Брезе. Выяснилось, что Брезе по-разному рассказывал им о своем профессиональном становлении. Естественно, что у людей, которые зарабатывают на хлеб разоблачением мошенников, это вызвало подозрения. Но коллегу не обвинишь так, как обвинят заурядного фальсификатора чеков, и уж тем более когда этот коллега обласкан шефом Федерального ведомства уголовной полиции. Короче, они решили для начала незаметно, но основательно разузнать о прошлом д-ра Брезе.

Сам Брезе утверждал, что перешел в западные зоны в 1949 году. Перед этим в советской зоне он защитил докторскую диссертацию. Вот тут-то и начинались расхождения. Фрау Лофс-Рассов он говорил, что это было в 1948 году в Дрездене, а коллеге Фриче — что в 1949 году в Лейпциге. Фриче обратился во все известные ему библиотеки и университеты ГДР с просьбой

прислать по межбиблиотечному абонементу докторскую работу Брезе на тему «О влиянии романтики на либерализм в канун марта 1948 года», а также его дипломную работу «О метаморфозе души».

Вскоре пришли ответы, в том числе из Немецкой библиотеки в Лейпциге, где регистрируются все диссертации, и из Лейпцигского университета имени Карла Маркса, что такая диссертация в ГДР никогда не защищалась. Правда, после войны некий Эдгар Брезе изучал германистику в Лейпциге несколько семестров, но экзамена не сдавал.

29 октября 1956 года Фриче официально доложил шефу БКА Дуллиену о результатах своего расследования. Дуллиен отправился в Ганновер к шефу земельного ведомства уголовной полиции д-ру Шульце. Состоялся строго конфиденциальный разговор об эксперте Брезе и этом настырном Фриче, и, как это чаще всего бывает, шефы пришли к взаимному соглашению. Было решено пока ничего не предпринимать. Фриче дали знать о результатах переговоров. Он не успокоился и ходатайствовал о разрешении заявить на д-ра Брезе в связи с незаконным присвоением им ученого звания. Снисходительно улыбаясь, ему дали такое разрешение.

Фриче незамедлительно сообщил о правонарушителе в Верховную прокуратуру Висбадена. Заявление положили в папку и аккуратно поставили на ней текущий номер 7 Js 1090/57.

Проинформированный об этом открытом нападении, Дуллиен принял контрмеры. Он поручил обер-режирунгсрату Малли, шефу группы криминалистической техники в Федеральном ведомстве, проверить подлинность свидетельств Брезе. Понятно, что это требовало времени, и немалого. Пока оно шло, д-р Брезе продолжал свою деятельность эксперта. Продолжал свою службу в органах уголовной полиции и правосудия и эксперт Фриче. Он хорошо знал, как медленно перемалывает информация мельница западногерманских органов обвинения, и запасся терпением. Старший прокурор Ран из Висбадена не видел особой причины форсировать дело Брезе. В конце 1957 года Фриче, выведенный из себя этой волокитей, обратился с письмом к высшему начальству — федеральному министру внутренних дел Шредеру. С необходимой почтительностью, но весьма твердо он указывал на то, что вопрос о Брезе «весьма беспокоит» его коллег-экспертов и даже «обсуждается ими на совещаниях», поэтому необходимо как можно скорее все выяснить.

Министр Шредер поручил начальнику отдела д-ру Видеману рассмотреть дело и связался с шефом БКА Дуллиеном. Спустя пять месяцев, 23 мая 1958 года, Дуллиен по поручению министра в официальном письме под шифром «2—02—133 д-р Брезе» лаконично сообщил Фриче: «Доктор Брезе представил подлинные документы о сдаче экзамена для получения диплома и присвоения ему ученой степени. Подлинность документов сомнений не вызывает».

Ответ базировался на заключении экспертизы, проведенной непосредственно в БКА, за подписью обер-регирунгсрата Малли. В распоряжении экспертов находились аттестат, диплом и свидетельство о присвоении Брезе ученой степени. Все эти бумаги были нестандартного формата, не имели изготовленной типографским способом «шапки», были небрежно отпечатаны на пишущей машинке и заверены обычной резиновой печатью. Бумага была серая, пористая, плохого качества. А что еще можно было ожидать от документов из «голодающей» восточной зоны? Да и БКА безоговорочно признавало их подлинными и «не вызывающими сомнений»; это, на взгляд чиновников из БКА, доказывала, в частности, бумага, охарактеризованная ими как «типично восточная». О подлинности говорил и тот факт, что документы были напечатаны на машинке «производства восточной зоны». Само собой разумеется, что и резиновые печати были признаны подлинными. Ведь в те времена, как заявил эксперт по современной криминалистической технике БКА регирунгс-криминаль-директор Беккер, «даже некоторые западногерманские учреждения имели трудности с печатями». Так что докторская степень Брезе была официально подтверждена Федеральным ведомством уголовной полиции.

Теперь настала очередь Фриче смотреть, как бы не попасть в жернова политической полиции. Дело в том, что Федеральное министерство внутренних дел, рассмотрев соответствующую информацию Дуллиена, пришло к выводу, что полученные Фриче из ГДР сведения — чистая «клевета», не заслуживающая доверия. Более того, возникло подозрение, что «Лейпцигский университет пытается причинить неприятности д-ру Брезе за его бегство из советской зоны».

Так дело Брезе стало политическим. А то, что университеты и библиотеки ГДР не упустят случая навредить заслуженному человеку, д-ру Брезе, было ясно как божий день. В конце концов разоблачать политические интриги коммунистических органов было прямой обязанностью боннского министра внутренних дел, бывшего штурмовика Шредера, и шефа федеральной уголовной полиции, бывшего эсэсовца Дуллиена. Не вызвала никаких сомнений и необходимость тщательной проверки того, не является ли «дело Брезе» в действительности «делом Фриче». Тем более, что у Фриче и раньше были стычки с экспертом Брезе.

А Фриче стоял на своем, доказывая, что Брезе не доктор наук и не психолог. Теперь он был в этом совершенно уверен: фрау Лофс-Рассов тоже кое-что разузнала. Когда-то она сама работала в Психологическом институте в Лейпциге и в 1958 году видела диплом Брезе. Ей казалось, что подпись, стоявшая на дипломе, принадлежала некоему профессору д-ру Петцельту. В 1951 году он работал в Институте научной педагогики Мюнстера, затем вышел на пенсию. Экспертам БКА ничего не стоило разыскать профессора и спросить, его ли это подпись, но высшие чиновники полагались на свою компетенцию. Только благо-

даря неутомимости Фриче, который везде рассказывал об открытии фрау Лофс-Рассов, БКА и государственная прокуратура согласились пойти на это. Нашли 72-летнего профессора Петцельта. Он твердо заявил, что на документах Брезе не его подпись, но подписать такой диплом мог только он, так как вплоть до 1949 года он принимал экзамены по психологии в Лейпциге. Никакого Эдгара Брезе и дипломную тему «О метаморфозе души» он не помнил.

Удалось разыскать и «крестного отца» докторской диссертации Брезе, профессора, доктора философии, почетного доктора теологии, Вальтера Бэтке. Он также впервые слышал о Брезе и его диссертации.

Думаете, этого оказалось достаточно, чтобы уволить Брезе? Как бы не так. Правда, теперь шеф БКА Дуллиен старался из соображений престижа не привлекать своего любимца к официальным выступлениям в зале суда, но оставил его в прежней должности эксперта по проведению графической экспертизы.

В феврале 1959 года журнал «Шпигель», очевидно с легкой руки Фриче, опубликовал материалы по делу Брезе. Западногерманские газеты подхватили тему, и наконец в середине 1960 года Брезе был отстранен от службы в БКА. Тем не менее служебную квартиру и докторскую степень ему оставили.

Годом позже, в мае 1961 года, Брезе пришлось-таки держать ответ перед расширенным заседанием суда в составе участкового судьи и судебных заседателей. Судебное следствие завершило позор Федерального ведомства уголовной полиции.

Эксперт д-р Францхайм из Кельна установил, например, что бумага квитанции об уплате пошлины, взимающейся при присуждении ученой степени доктора, «была изготовлена впервые в 1952 году в ФРГ». Чернила на всех «документах» доктора Брезе были также гораздо более свежими, чем им следовало быть.

На второй день слушания дела секретарь суда без помощи очков и микроскопа обнаружил, что шрифт представленного Брезе «свидетельства» от октября 1946 года из Хемница* о его занятиях психологией заметно походил на шрифт другого документа, выданного якобы в 1947 году в Дрездене. И в том и в другом случае это был шрифт пишущей машинки одного типа, имевший к тому же ряд характерных признаков: цифры 1 и 9 в дате прилипали друг к другу, буква «а» имела дефект справа внизу, а «о» в слове «психологический» выскакивало наверх.

Председатель суда, доктор Ланге, отправил оба документа на повторную экспертизу в БКА, чтобы установить, действительно ли они напечатаны на одной машинке.

На следующий день оберрегирунгсрат Малли, подтвердивший в свое время подлинность бумаг Брезе, вынужден был признать:

---

* Название г. Карл-Маркс-Штадт в ГДР до 1953 года — (Прим. перев.).

«Я не нашел ничего, что опровергало бы идентичность шрифтов пишущей машинки». И далее: «Даже при самой осторожной оценке напрашивается вывод, что, по всей вероятности, оба документа напечатаны на одной и той же машинке».

После этого откровения председатель суда Ланге предъявил оберрегирунгсрату третий сомнительный документ: свидетельство о присуждении Брезе докторской степени. Правда, это был не сам документ, а «официально заверенная» копия. Суд просил определить, не на той ли самой машинке был напечатан и этот «заверенный» документ.

Оберрегирунгсрат Малли вооружился лупой, долго изучал бумажку и, наконец, произнес с каменным лицом: «Вероятно, это та же машинка». Да, это был черный день в жизни Малли, не только начальника, но и покровителя Брезе в БКА.

Последний удар БКА нанес Ланге, мимоходом установив то, что прошло мимо внимания Федерального ведомства, около пяти лет занимавшегося расследованием по делу Брезе. Из личного дела Брезе следовало, что в одно и то же время, в 1945—1946 годах, он: а) прилежно разбирал руины разрушенного Лейпцига; б) как вольнослушатель неумоимо посещал Лейпцигский университет; в) был зарегистрированным слушателем Психологического института в Хемнице. Но в таком случае ему приходилось ежедневно покрывать расстояния, слишком большие даже для галопа «парадного коня».

Суд признал Брезе виновным в незаконном присвоении званий в совокупности с подделкой документов и обманом. Тем не менее приговор был на удивление мягким: год тюремного заключения!

А что стало с приговорами, вынесенными на основании заключений этого, с позволения сказать, «эксперта»? Этот вопрос так и остался без ответа.

Глава 4

ПО ОБРАЗЦУ ФБР

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

Водитель хлебного автофургона Цаппель из Босау в Шлезвиг-Гольштейне, как обычно, во вторник, вез товар в отдаленное местечко Кикбуш. Эта поездка всегда занимала много времени: настоящей дороги на Кикбуш не было, приходилось трястись по кочкам проселочной. Он неторопливо ехал в своем доверху нагруженном «форде комби», когда на одном из поворотов перед ним неожиданно выросла гора старых досок. Цаппель остановился. Доски лежали поперек дороги, и объехать их было невозможно. Пришлось вылезать из машины. Он уже почти подошел к неожиданному препятствию, когда из кустов раздался звонкий голос: «Руки вверх, или стреляю!»

Оторопевший Цаппель оглянулся и увидел фигуру в синем комбинезоне. Лицо было закрыто шапкой-ушанкой. Дуло пистолета направлено прямо в Цаппеля. Он изумленно вытаращил глаза: «В чем дело?» «Выкладывай деньги!» Но недаром Цаппель был прилежным телезрителем всех детективных фильмов. Он начал лихорадочно соображать: звонкий голос — значит молодой; держится на безопасном расстоянии — стало быть, трусит, а если трусит — конечно, начинающий! Не долго думая, Цаппель сделал огромный скачок и спрятался за своей машиной. Он и сам не ожидал, что способен на такую прыть. Во всяком случае рисковать жизнью он не собирался, тем более из-за каких-то там булок!

Поняв, что грабитель не выстрелит, Цаппель приободрился. Он прильнул к стеклам машины и заметил, что тот удалялся. Это придало новые силы нашему «герою». Он подкрался к горе досок, выбрал одну потяжелее и грозно посмотрел вперед. Грабитель был уже метрах в 40. Теперь Цаппеля ничто не могло удержать. Издав боевой клич, чтобы окончательно деморализовать противника, он перешел в решительное контрнаступление. Он мчался размахивая дубинкой, вонзив взгляд в спину удалявшегося грабителя. Расстояние сокращалось. Пройдя приблизительно половину дистанции, Цаппель услышал, как тот крикнул кому-то: «Не убегайте! Помогите мне!»

Цаппель споткнулся, посмотрел еще раз на мелькавшего впереди врага и вернулся к машине. В кустах, где прятался грабитель, он увидел дамский велосипед. Уверенный, что это велоси-

пед преступника, Цаппель конфисковал его, взял из своего «Форда» деньги и заработал педалями по направлению к ближайшему хутору, чтобы вызвать полицию.

Около одиннадцати часов в полицейском участке Ойтин раздался звонок. А в полдень на место происшествия прибыли обермайстер уголовной полиции и сельский жандарм. Они застали Цаппеля с велосипедом в руках и оживленно беседовавшего с молодой женщиной. После того как он, с красочными деталями и дополнениями, обрисовал свое необычайное приключение, начала рассказывать женщина. Ее звали Ханхен Клемм и ей тоже пришлось пережить сегодня страшные минуты, очевидно, из-за того же самого грабителя. Как всегда, мирно и беззаботно собирала она мох метрах в 300—400 от места происшествия. Внезапно за ее спиной выросла фигура в маске. Неизвестный молча схватил велосипед Ханхен и укатил в направлении на Виндбергхоф. Когда прошел первый испуг, она бросилась вслед за грабителем и наткнулась на преграду из досок, возле которой увидела Цаппеля. Так что велосипед принадлежал ей. Это подтвердит каждый в Кикбуше.

Обермайстер Реттих записал показания и приметы преступника. Здесь пострадавшие были единодушны. Цаппель описывал грабителя, Ханхен только поддакивала. По их словам, это был молодой толстый парень лет 15—16, около 165 см роста, со звонким голосом. На нем был синий комбинезон слесаря, большие резиновые сапоги и черная шапка-ушанка. Шапка закрывала все лицо, для глаз были проделаны отверстия.

«А какие-нибудь особые приметы вам не бросились в глаза?» — спросил Реттих.

Цаппель задумчиво почесал за ухом, потом посмотрел на Ханхен. «Да есть одна, — проговорил он наконец, — у этого парня зад совсем как у женщины: толстый и круглый».

Ханхен подтвердила это, стыдливо опустив глаза.

Обермайстер тотчас передал описание преступника в центр. Был объявлен немедленный розыск. Весь район вокруг Босау оцепила полиция. Дороги контролировались патрульными машинами. Глаза полицейских бдительно осматривали нижнюю часть спины прохожих.

Между тем местная полиция тоже не сидела сложа руки. Ханхен Клемм со своим велосипедом вернулась домой. Цаппель с булками поехал дальше.

Обермайстер уголовной полиции и сельские жандармы прочесывали окрестности. В 300 метрах от места преступления нашли синий застиранный комбинезон и черную ушанку с отверстиями для глаз. Цаппель опознал их.

Раз грабитель точно знал, в какое время хлебный фургон проезжает по этому участку дороги, он, скорее всего, жил где-то поблизости. Поэтому были поставлены в известность все соседние полицейские посты. Пока суд да дело, рабочий день окон-

чился, а полицейские, как известно, тоже люди, поэтому и они отправились по домам.

На следующее утро расследование продолжили. Во всех школах этой местности, в деревнях, на предприятиях, в трактирах была предъявлена шапка-ушанка. Но выяснить, кому она принадлежит, так и не удалось. Поскольку дело застопорилось, Реттих решил снова навестить Ханхен Клемм. Согласно инструкции, ее надо было допросить как свидетельницу и, кроме того, она должна была показать место, где у нее похитили велосипед. Ханхен с готовностью откликнулась на просьбу. Рядом с большим валуном прямо по дороге в Кикбуш Реттих действительно обнаружил место, где, как видно, только что собирали мох. Вернувшись в дом Ханхен, он начал записывать ее показания.

А жандарм тем временем ходил от дома к дому с найденной ушанкой в руке. Надо сказать, что долго ходить ему не пришлось: уже во втором доме его ждала неожиданность. Едва взглянув на шапку, хозяйка заявила: «Это шапка сына Ханхен Клемм». То же сказала и еще одна жительница Кикбуша. Сыну Ханхен было всего шесть лет, так что он еще не мог даже играть в разбойников, и Реттих подумал о муже Ханхен. К его разочарованию выяснилось, что во вторник муж Ханхен, как обычно, был на работе в Маленте, в 20 километрах от места происшествия.

Но если не сын и не муж Ханхен, то кто же? И вдруг Реттиха осенило: «Толстый зад!» Как раз в это время явился с очередным докладом жандарм Шарф. Беседуя за чашкой кофе с соседкой Ханхен, он узнал, что вся история с велосипедом вряд ли соответствует действительности. Это уж было чересчур для Реттиха. В конце концов пора показать этой Ханхен Клемм, что значит водить за нос обермайстера уголовной полиции. Ханхен долго заикалась и что-то мямлила, и вдруг выложила: «Я была одна». Ни муж ни дети понятия не имели, какие мрачные мысли зародились с давних пор в ее голове. Дело в том, что Ханхен срочно были нужны деньги. Приближалось рождество, и она, как всегда с размахом, заказала на 800 марок продуктов и подарков и на 1000 марок книг. Но эту сумму надо было где-то взять, и она решилась на ограбление. Не имея никакого опыта в нелегком ремесле разбойников с большой дороги, она переоценила свою храбрость, и воздействие игрушечного пистолета. Когда Цаппель, вместо того чтобы покорно отдать деньги, стал преследовать ее, она растерялась. Сбросив на ходу комбинезон и шапку, она впопыхах уронила их, вместо того чтобы засунуть в сумку. Хорошо еще, что ей пришла в голову история с похищенным велосипедом.

Дело Ханхен Клемм вошло в историю западногерманской уголовной полиции как первый и исключительно редкий случай женщины-грабительницы на дороге. 15 сентября 1967 года она была приговорена судебной коллегией по уголовным делам ландсгерихта Любека к пяти годам тюрьмы. Спустя немного

времени в ответ на просьбу о помиловании это наказание было заменено на один год тюремного заключения. Но в конце концов ей не пришлось отсиживать и этого срока.

Ханхен переехала с семьей в другую деревню, где вскоре занялась кражами со взломом.

Имена лиц в этой истории вымышленные, но названия мест подлинные.

Ханхен Клемм была деревенской жительницей. Деревенскими и архаичными были и методы, которыми она хотела заставить людей расстаться с кошельком по примеру лесных разбойников средневековья или размахивающих кольтами героев вестерна. Но сейчас не средние века, да и бандиты «дикого Запада» стали сегодня совсем другими.

«БАНК-ЛЕДИ»

С января 1964 по декабрь 1967 года банда грабителей совершила на севере ФРГ 27 нападений на банки, похитив в общей сложности 450 тысяч марок. Это весьма солидная сумма даже для преступного мира ФРГ. Превысить ее удалось лишь очень немногим. Разумеется, хорошо продуманные и организованные банковские ограбления террористическими группами экстремистов не в счет. Преступники действовали каждый раз по одной и той же схеме. При наличии хорошей картотеки по способу совершения преступлений полиции не составило бы особого труда установить взаимосвязь между этими ограблениями: если один из преступников уже совершал подобные правонарушения, то детальное сравнение нераскрытых дел с уже зарегистрированными может навести на след преступника. Собственно в этом и заключается роль полицейских картотек и коллекций. Банда, о которой идет речь, орудовала, разъезжая на машине в разных районах. И, конечно, задача уголовной полиции Килья и земельного ведомства уголовной полиции Шлезвиг-Гольштейна значительно упростилась бы, если бы они могли провести такое сравнение. Но для этого служба опознания Федерального ведомства уголовной полиции должна была располагать соответствующими материалами. К сожалению, многие поступающие сообщения о «преступлениях, совершенных неизвестными лицами», составлялись так поверхностно, что их можно было отнести к любому нападению на магазин, сберкассу или банк. Поэтому провести серьезное сравнение этой серии ограблений не удалось.

Итак, первым уязвимым местом комиссии, расследовавшей ограбление, было отсутствие у полиции четкого представления о масштабах деятельности банды. Впоследствии выяснилось, что

некоторые ограбления, занесенные на счет этой банды, были совершены другими преступниками, в то время как многие дела банды прошли мимо внимания полиции. Ясно было одно: непосредственно в нападении принимали участие всегда двое. Они подъезжали на машине к намеченному объекту. Иногда это были двое мужчин, иногда мужчина и женщина. Во время первых налетов грабители были в карнавальных масках, потом стали одевать шляпы и очки. Женщина одевала то парик, то платок, и всегда на ней были бросающиеся в глаза светлые чулки. Пресса быстро окрестила ее «банк-леди». Грабители работали в перчатках.

Как правило, ограбления совершались во второй половине дня, по пятницам. В первое время вооружение банды составляли только пистолеты. Потом появился автомат. Но до 15 декабря 1967 года преступники ни разу не воспользовались своим оружием. Очевидно, предварительно они проводили тщательную разведку в намеченных банках, так как хорошо ориентировались в них во время налета. Предпочтение оказывалось небольшим банкам с немногочисленной публикой, без защитного стекла на окошках касс. Бандиты старались как можно скорее повернуть операцию, меняя некоторые детали в зависимости от конкретной обстановки. Не забывали они и выводить из строя телефон. Иногда запирали клиентов и служащих в подсобных помещениях. Когда одна женщина подняла крик, ее жестоко избили. В другой раз во время ограбления в банк вошла старушка, ее успокоили и приказали вести себя тихо. Этот случай отличался от прочих еще и тем, что нападение было совершено до обеда, около 11 часов, когда западногерманское телевидение показывало церемонию бракосочетания голландской принцессы. Однажды был ограблен филиал банка в непосредственной близости от полицейского участка. В момент ограбления кто-то блокировал телефонную связь с полицией.

Всякий раз полиция перекрывала дороги вокруг района преследования, что, впрочем, ни к чему не приводило. Это было второе слабое место в деятельности уголовной полиции. Преступники скрывались из оцепленного района раньше, чем полиция успевала выставить свои патрули. В то время полиция нередко располагала старыми, маломощными автомобилями, которые не могли тягаться со скоростными машинами преступников. В таких случаях о настоящей погоне не могло быть и речи. Полиция пыталась изменить систему перекрытия улиц, сделать ее более мобильной, но результат был тот же. Кроме того, полицейская радиосвязь легко прослушивалась преступниками, и они были в курсе всех планов по их розыску.

Полиция предполагала, что в банду входят три или четыре человека, в том числе одна женщина. Имелось довольно подробное описание личности одного из грабителей. На основании этого полиция опубликовала в газетах портрет преступника. В ответ

поступило 86 сигналов от населения, но ни один из них не подтвердился.

Уголовная полиция подключила к розыску и своих осведомителей из числа деклассированных элементов. Они дали ряд интересных советов, но указать возможных грабителей не смогли. В преступном мире Гамбурга единодушно считали, что, несмотря на профессионализм этих ограблений, действовали люди «со стороны». Это еще больше осложняло ситуацию. На профессионалов полицейские информаторы из преступного мира рано или поздно могли бы выйти, а на грабителей со стороны — нет. А поскольку добычу преступников составляли наличные деньги, у полиции не было никакого шанса напасть на их след путем розыска награбленного.

Естественно, что в этой сложной ситуации полиция хваталась за любую возможность. Так, всем полицейским службам было отдано распоряжение во время допросов подозрительных лиц, независимо от того, по какому поводу их задержали, забрасывать удочку насчет банковских ограблений. Но из этого замысла тоже ничего не вышло: что и как спрашивать, зависело в каждом конкретном случае от усмотрения сотрудника, проводившего допрос. В результате из поступающих данных получалась беспорядочная и бесполезная мешанина, на базе которой было невозможно провести сравнительный анализ. Вдобавок ко всему как раз в это время в земле Шлезвиг-Гольштейн орудовали еще две банды грабителей, так что сотрудникам, проводившим допросы по другим делам, было чрезвычайно сложно выяснить что-то, касающееся конкретно той банды.

Неудивительно, что при таком положении дел успехи, достигнутые комиссией по расследованию серии банковских ограблений, к середине декабря 1967 года были очень скромными. Результатом четырехлетнего расследования была фактически лишь толстая папка с нераскрытыми делами да никуда не годный портрет одного из предполагаемых преступников, составленный по показаниям свидетелей. Правда, один раз грабители были буквально в руках полиции. Летом 1964 года двое из них налетели на полицейский патруль вместе с оружием и добычей.

Вот как это было. После ограбления банка в предместье Гамбурга Билльштедте полицейские остановили на автострате «Вольво», идущий по направлению на Бремен. В машине были двое: мужчина и женщина. Не проверив у пассажиров документы, не записав даже номера машины, полицейские заглянули в салон. Один из них хотел подвинуть спинку сиденья водителя вперед, однако у него ничего не вышло. Он рванул еще раз, но владелец машины запротестовал и патруль махнул на это рукой. Позднее выяснилось, что пассажирами «Вольво» были главарь разыскиваемой банды и «банк-леди», а в спинке сиденья был устроен тайник, где как раз в тот момент лежали все похищенные в Билльштедте деньги и оружие. Достаточно было сильнее толкнуть спинку, чтобы обнаружить все это.

К декабрю 1967 года расследование так прочно увязло, что полиции оставалась только надежда: поймать грабителей на месте преступления. В пятницу, 15 декабря 1967 года, эта надежда, наконец, сбылась.

В конце рабочего дня, около 18 часов, двое мужчин вошли в помещение сберегательной кассы в Бад-Зегеберге. В это время там было тридцать служащих и человек десять клиентов. Один из вошедших подошел к окошку № 2 и сказал, что хочет оплатить чек. При этом он положил на прилавок портфель и распахнул пальто. Кассир в испуге отпрянул: на груди мужчины висел автомат. Без долгих колебаний кассир отсчитал 5 тысяч марок, но выдать больше решительно отказался и спрятался за защитной стеной. Тем временем второй гангстер, направив на кассира дуло пистолета, получал деньги у окошка № 3. Когда первый кассир, оказавшись в укрытии, закричал: «Ограбление!», бандит быстро сгреб деньги и прикрыл своего сообщника с тыла, пока тот пытался заставить кассира замолчать. Неожиданно кассир затеял довольно опасную игру. Он выкладывал на счетную доску несколько купюр, но как только бандит протягивал руку, чтобы взять их, быстро прятал деньги. Это продолжалось до тех пор, пока у грабителя не лопнуло терпение. Приставив дуло автомата к животу кассира, он заорал: «Деньги! Или стреляю!»

Тогда строптивый кассир так резко бросил деньги, что они разлетелись. Грабители, не спеша, собрали их и, продолжая держать всех под прицелом, пошли спиной к выходу. Там, застыв от изумления, стояла какая-то служащая банка, держа в руке традиционный рождественский венок с горящими свечами. Когда грабители уже вышли из кассы, она вдруг опомнилась и швырнула им вслед венок прямо с горящими свечами. Можно было подумать, что все только и ждали какого-то сигнала: в сберкассе поднялись страшный крик и беготня. Наиболее решительные бросились вслед за грабителями. Те бежали через площадь к какому-то автомобилю, за ними — с полдюжины служащих кассы. Внезапно один из гангстеров остановился и дал по преследователям автоматную очередь: одна женщина была ранена в запястье, другая — в икру, мужчина — в бедро. Но остальные продолжали преследование. Расстояние сократилось до трех метров, когда грабитель, уже сидя в машине, опять выстрелил из автомата, ранив еще одну женщину. Машина рванула с места и скрылась. Преступники похитили около 12 тысяч марок.

В этот день в полиции, как это теперь всегда было по пятницам, оперативные отряды в полной боевой готовности ожидали очередного сигнала тревоги. Поэтому уже через несколько минут операция по розыску преступников шла полным ходом. Оперативная машина мчалась в направлении, указанном банковскими служащими. Но полицейский «Фольксваген-комби», как выразился регирунгскриминальрат уголовной полиции Киля, «вследствие высокой степени износа был не в состоянии догнать скоростной автомобиль преступников». Очевидно, и на этот раз полиции

пришлось бы лишь грустно посмотреть вслед бандитам, если бы те не совершили роковую ошибку: через несколько километров они повернули назад, чтобы пересечь из угнанной машины в свою, стоявшую недалеко от места преступления. Сотрудники полиции, потерявшие всякую надежду догнать их, просто глазами не поверили, увидев, что машина с преступниками едет прямо на них. Им оставалось только схватить бандитов. На радостях, они даже забыли обыскать арестованных, чтобы изъять оружие. Так были взяты грабитель с автоматом, оказавшийся водителем такси Германом Витторфом, и «банк-леди», 33-летняя Гизела Верлер.

Арестованных привезли в полицию, сняли наручники, и вдруг Витторф выхватил из кобуры висевшей у плеча пистолет. Сотрудникам полиции пришлось пережить несколько весьма неприятных секунд, прежде чем удалось выбить оружие из рук бандита. В сумочке «леди» тоже оказался пистолет.

Если не считать этого острого момента, дальше все пошло как по маслу. Перебросившись несколькими фразами со своей сообщницей и любовницей Гизелой Верлер, Витторф выложил все. Он назвал двух других членов банды: 46-летнего водителя такси Герхарда Йордана и 40-летнего владельца такси Гуго Варнке. Витторф сознался не только в совершенных преступлениях, но рассказал и о том, что они планировали на будущее. Это должны были быть уже более тонкие операции. От Гуго и Герхарда они с Гизелой хотели отделаться: те не столько участвовали в ограблениях, сколько интересовались своей долей.

Парочка так спелась, что понимала друг друга с полуслова. При уgone автомобиля она молча подавала ему в нужную минуту необходимый инструмент. Если он начинал паниковать, она сохраняла спокойствие. Когда мужество покидало его, она его подбадривала. Так было и в Бад-Зегеберге: увидев, что в кассе много служащих и клиентов, Витторф хотел повернуть назад, но она решительно сказала: «Об этом не может быть и речи!»

Гизела была единственным членом банды, которого не мучили ни бессонные ночи, ни отсутствие аппетита накануне операций, в то время как Витторф всю неделю перед очередным ограблением не ел, не спал, не находил себе места от нервного напряжения. В старых учебниках по криминалистике и уголовному праву часто утверждается, что разбойничьи нападения — чисто мужское преступление, так как у женщин не хватает необходимого мужества, не выдерживают нервы и т. д. Инге Мархловиц, Ханхен Клемм и Гизела Верлер отнюдь не единственные представительницы прекрасного пола, попытавшие счастья в этом тяжелом ремесле, но они первые женщины-преступницы в ФРГ, завоевавшие печальную славу именно на этом поприще.

Витторф, Верлер, Йордан и Варнке вышли из того молодого возраста, которому свойственна тяга к опасным приключениям. Они не были и профессиональными преступниками, но в своих

действиях не уступали профессионалам и долго обводили уголовную полицию вокруг пальца. Как им это удавалось? Не в последнюю очередь благодаря западногерманским средствам массовой информации. В прессе они читали о состоянии расследования их дела, по радио слушали о мероприятиях по их розыску. Да и сама идея заняться ограблением банков зародилась у них благодаря уголовной хронике прессы. Так, в начале 60-х годов печать ФРГ под огромными заголовками публиковала сообщения о трех грабителях, в том числе о гамбургском полицмейстере Гуго Альфке, совершившем десять нападений на банки. Газеты во всех деталях расписывали, как были совершены эти преступления и какие именно ошибки допустили грабители.

Это навело Витторфа и его сообщников на мысль: «А не попробовать ли самим?» Их кумиром стал полицмейстер Альфке, ловко обманывавший своих коллег в течение нескольких лет.

Процесс против банды Витторфа состоялся в феврале 1968 года в Киле. Суд присяжных приговорил Германа Витторфа к тринадцати с половиной годам тюрьмы. Гизела Верлер получила девять с половиной лет. Йордан и Варнке по девять. Все, кроме Варнке, который принял свой приговор безропотно, подали кассации.

4 ноября 1969 года 5-я коллегия по уголовным делам Верховного суда отклонила кассационные жалобы и приговоры вступили в силу.

ЧЕМПИОН ПО БОКСУ

В среду 5 июля 1967 года в 16 часов в местном отделе уголовной полиции в Билефельде зазвонил телефон. Вот уже пять лет, как именно здесь централизованно расследовались все случаи ограбления банков и сберегательных касс. На этот раз из Детмольда сообщали о нападении троих неизвестных на сберкассу в Гофельд-Виттель, маленьком местечке района Герфорд. Было похищено около 19 тысяч с половиной марок. Грабители скрылись на светлом «Опель-рекорде». Центр тотчас передал полученную информацию всем полицейским патрулям в районе места происшествия и связался с соседними полицейскими управлениями и оперативной розыскной группой.

Итак, группа следователей отправилась в путь. Подъезжая к Гофельду, они увидели несколько полицейских автомашин и толпу зевак на краю огромного хлебного поля. В оперативной машине не работала радиостанция, иначе они не удивились бы так при виде этой картины. Дело в том, что в высокой пшенице

спрятался один из грабителей. Свидетели говорили, что на нем была красная рубашка и спортивные туфли. Надо было срочно оцепить поле и вызвать полицейский вертолет. Но вертолет мог прибыть не раньше чем через 45 минут, да и чтобы оцепить поле, приходилось ждать подкрепления. Вызвать роту земельной полиции готовности было слишком долго. Решили использовать местные резервы: свободных в этот день от службы полицейских из охраны пунктов обмена иностранной валюты и почт, а также сотрудников полицейских органов Миндена и Билефельда. Поскольку розыскная группа ничем не могла помочь, она продолжила свой путь на Гофельд, где осмотрела место преступления и записала показания кассирши.

Сберегательная касса в Гофельде была одной из тех деревенских касс, в которых всегда была солидная сумма наличных денег и практически никаких мер предосторожности: ни защитного стекла на окошке кассира, ни сигнализации, ни сторожа. Всю работу выполняла одна-единственная служащая.

Ограбить такую кассу не представляло особой сложности. Вполне естественно, что это были излюбленные объекты банковских грабителей, особенно новичков. Только в конце 60-х годов, когда страховым компаниям и полиции совместными усилиями удалось добиться установления во всех сельских сберкассах предохранительного стекла, положение изменилось.

В Гофельде же все осталось по-старому; место считалось очень тихим, и никаких проблем здесь никогда не возникало. Поэтому, когда два молодых человека вошли в кассу в тот день, служащая не заподозрила ничего дурного. Неожиданно оба выхватили пистолеты и потребовали деньги. Один из них, в красной рубашке и спортивных туфлях, перепрыгнул через перегородку, сгреб бумажные деньги со стола и приказал кассирше открыть сейф. С поднятыми руками она стояла у стены, пока бандиты опустошали несгораемый шкаф. Все это заняло несколько минут. Прежде чем женщина успела прийти в себя, преступники выскочили на улицу, где их поджидал светлый «Опель-рекорд» с человеком за рулем. «Опель» рванул с места, и женщина успела заметить лишь «какой-то смешной» номер машины, но какой, она не запомнила. К счастью, нашелся свидетель, который тоже обратил внимание на машину. Ему показалось, что номер был иностранный — 44ВКК.

Номер тотчас сообщили всем силам, участвовавшим в розыске.

Тем временем, осматривая кассовое помещение, криминалисты обнаружили на столе след обуви с ярко выраженным рисунком, оставленный, как предполагали, преступником в красной рубашке.

А над пшеничным полем уже непрерывно кружил вертолет. Отлично зная, что внизу стоит толпа зрителей, и преисполненный сознанием собственного значения, пилот время от времени пикировал на поле, «чтобы морально подавить преступника».

Во время этого «показательного полета» один крестьянин сообщил, что на лугу за его домом стоит светлый «Опель-рекорд». Направленный туда вертолет подтвердил это. Машина преступников с номером — 44ВХК (а не ВКК, как показалось свидетелю) была найдена. Конечно, этот номер, кое-как прикрученный, оказался ложным. В багажнике валялись подлинный номера — WD-RU 51. «Опель» был украден рано утром в Гютерсло, приблизительно в 40 километрах отсюда. В полицию уже поступило заявление владельца об угоне. В салоне машины нашли и игрушечные пистолеты из пластика, которые, правда, выглядели совсем как настоящие. Такие пистолеты можно было увидеть в любом магазине игрушек. По всей видимости, их купили совсем недавно: рядом еще лежала фабричная упаковка. Никаких следов грабителей в машине не было.

С наступлением темноты пришлось прекратить поиски преступника с вертолета, но оцепление вокруг поля оставили. Ночью один из постовых увидел, как из пшеницы выбрался человек и побежал в сторону Гофельда. Его схватили. А так как он не только был в красной рубашке и спортивных туфлях, но еще и имел при себе толстую пачку денег, небрежно засунутую в карман, его тотчас показали кассирше. Она без колебаний опознала грабителя.

Им оказался 22-летний дезертир бундесвера Фридрих Риддербуш, имевший уже три судимости и разыскиваемый полицией Касселя по обвинению в нападении с целью грабежа. В ту же ночь сотрудники уголовной полиции, расположившиеся в квартире владельца гофельдской гостиницы, начали допрашивать преступника. Риддербуш не запырлялся. Не отличаясь особой интеллигентностью, он был все же достаточно умен, чтобы понимать безвыходность своего положения. И обнаруженный в кассе отпечаток подошвы его спортивной туфли, и показания кассирши, опознавшей его, и найденные у него 7 тысяч марок полностью доказывали его вину. Поэтому он с готовностью отвечал на все вопросы полиции.

Он решил принять участие в ограблении касс потому, что ему «позарез нужны деньги» для того, чтобы вместе с другом выехать в Швецию. Друга зовут Хорст Меллер, и он тоже участвовал в ограблении. Почему он решил бежать из страны? Во-первых, из страха перед наказанием, которое его ждет в Касселе, но особенно, пожалуй, из отвращения к солдатской службе.

Бундесвер опротивел ему сразу, как только он туда попал. Именно поэтому он самовольно продлил себе рождественский отпуск. Его поразило, что родители в конце концов сами, буквально силой приволокли его обратно в казарму, да еще постарались, чтобы его наказали за отлучку. Этого он не мог им простить.

О сообщниках Риддербуш мало что мог рассказать. Его другу, подсобному рабочему Хорсту Меллеру, тоже были нужны

деньги. А третий в их компании, глава всего дела, кажется, боксер из Америки. Зовут его Карл-Хайнц.

Они с Меллером побаивались боксера. Если бы не он и не его угрозы, они, наверное, никогда не решились бы на ограбление. Он сам купил и игрушечные пистолеты, после того как они отказались сбить женщину в кассе с ног.

Услышав о боксере по имени Карл-Хайнц, детективы настожились. Они велели Риддербушу описать его внешность и убедились, что речь может идти только о Карле-Хайнце Гудере, давно разыскивавшемся полицией. По донесению одного агента, он планировал серьезное ограбление где-то в восточной Вестфалии. Не сомневаясь больше в своей правоте, уголовная полиция объявила общий розыск Гудера и Меллера.

Меллер был взят уже через несколько часов: он стоял на дороге, пытаясь поймать попутную машину. Свою долю — 4 тысячи чи 245 марок — он спрятал в ботинки.

От Риддербуша и Меллера полиция узнала, что Гудера, скорее всего, можно найти в украденном жилом вагончике, который стоит в кемпинге под Гютерсло. Туда немедленно выехала розыскная группа, усиленная сотрудниками полиции из Гютерсло. Вагон окружили и нашли в нем четырех приятелей Гудера, которые дружно заявили, что Гудер давно здесь не появлялся. Один из четверых назвался Зигбертом, но полиция быстро установила по отпечаткам пальцев, что это некий Фридрих Генер. В свои 26 лет он уже имел несколько судимостей и разыскивался специальной комиссией ведомства уголовной полиции земли Северный Рейн-Вестфалия по обвинению в многочисленных автомобильных кражах. Участие Генера в ограблении сберкассы выразилось в том, что он подбросил Гудеру эту идею, потом разработал вместе с ним план нападения и помог уговорить Риддербуша и Меллера. Генера арестовали, остальных после проверки документов отпустили восвояси. За вагончиком и местностью вокруг него установили наблюдение.

К розыску Гудера подключилась уголовная полиция Гютерсло, которая выставила повсюду усиленные патрули, в том числе полицейские машины, замаскированные под гражданские. Утром одну из таких машин остановил человек, просивший подвести его. Его взяли с большой охотой: это был не кто иной, как Гудер. Один из полицейских, сам когда-то активно занимавшийся боксом, сразу узнал его.

И действительно, 33-летний Карл-Хайнц Гудер был весьма известной личностью. Правда, в последние годы о нем уже не кричали заголовки газет, но поклонники бокса все еще хорошо помнили его. Гудер начал выступать на ринге в 15 лет. Тренеры превозносили его как талантливого самородка. За его плечами было множество боев в легком и полусреднем весе. На XV Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки 18-летний Гудер, выступая за команду ФРГ, занял четвертое место в личном зачете. Два года после этого он еще оставался в любительском спор-

те, потом перешел в профессионалы. В 1954 году Гудер как профессиональный боксер получил лицензию, спустя некоторое время попал к предприимчивому менеджеру Ритмюллеру в Эссене и стал участвовать в матчах профессионалов, выступая в полусреднем и среднем весе.

Так началась драма его жизни. Пока Гудер был молод и достаточно популярен для этой изматывающей работы, у него были слава и деньги. Он и в самом деле был незаурядный боксер. Гудер провел 150 боев как любитель, 80 как профессионал и ни в одном не был нокаутирован. Из 230 боев он проиграл только 26, причем 20 в профессиональном спорте. Ну, а уж насколько честными были эти победы и поражения, знают только боксеры и их менеджеры.

В 1958 году Гудер переехал в США, где за шесть лет заработал 200 тысяч долларов. А потом наступил конец. Гудеру было всего 29 лет, но его имя уже никого не привлекало, иссяк и золотой дождь. Какое-то время ему еще удавалось получать работу тренера или спарринг-партнера. Тогда же он попытался вернуться на ринг и выступил несколько раз перед публикой. Это было в Западном Берлине.

Но его время безвозвратно ушло. Разочарованный и озлобленный, Гудер вернулся в США и подал прошение о предоставлении ему гражданства. Просьба была удовлетворена. С этого времени он перебивался кое-как, берясь за любую работу: был подсобным рабочим, машинистом, каменщиком, банковским служащим. Очень помогли ему освоенные когда-то в юности профессии слесаря и каменщика.

Но настало время, когда и в этих профессиях он уже не тянул на уровень современных требований. Оставался неквалифицированный подсобный труд, плата за который казалась бывшему знаменитому профессионалу жалкой подачкой. Вместе с другим боксером он попробовал заняться предпринимательством, но их лишили лицензии.

Гудер, как и многие другие профессиональные спортсмены, которые в расцвете сил, в 30—35 лет, видят закат своей карьеры, так и не смог примириться со своим падением. И как каждый, сошедший с круга профессионал, он питал бессмысленную надежду, что слава и деньги еще вернуться к нему.

Надо сказать, что Гудер и в лучшие времена не был пай-мальчиком. Теперь же, опускаясь все ниже, он превратился в одинокого опасного хищника, от которого в конце концов отказалась собственная мать.

Гудер был давно известен Федеральному бюро расследований США. В его деле, хранившемся в картотеке ФБР, было 19 записей, 18 из них — о наказуемых действиях. Так было отмечено, что 29 ноября 1962 года в Лос-Анджелесе Гудер совершил кражу, 3 февраля 1963 года — вооруженное нападение, 25 августа 1965 года — ограбление, 15 октября 1965 года — налет на ювелирный магазин, через пять дней — попытку ограбления. 2 янва-

ря 1966 года в дело Гудера было занесено, что он скрылся, совершив в Лас-Вегасе вооруженное нападение с целью грабежа. 20 апреля 1966 года он был взят вместе с одним американцем в окрестностях Голливуда. У них обнаружили маски, резиновые перчатки и заряженный револьвер. 4 июня 1966 года Гудера арестовали в связи с вооруженным ограблением бара в Лос-Анджелесе, но под крупный залог выпустили на свободу. И так далее.

24 июня 1966 года Гудер бежал в Париж, чтобы скрыться от уголовного преследования полиции США. Спустя три с небольшим года, 27 октября 1969 года, ФБР навсегда прекратила дело бывшего профессионального боксера Карла-Хайнца Гудера. В ту октябрьскую ночь состоялось последнее «выступление» Гудера. Вместе с сообщником он напал на одного владельца бара в Южной Калифорнии. Тот оказался вооруженным и четырьмя пулями сразил Гудера.

Время, отделявшее прибытие Гудера в Париж в июне 1966 года от его бесславного конца в октябре 1969 года в Южной Калифорнии, он проел в Европе. Судьба носила его по разным западноевропейским городам и, наконец, забросила в Эссен, где он познакомился с Фридрихом Генером. Деньги у Гудера кончились, и 17 декабря 1966 года они вдвоем с Генером взломали в Миндене автомат. В тот же день полиция арестовала его. В феврале 1967 года суд присяжных Миндена приговорил Гудера к трехмесячному тюремному заключению. А так как время содержания в предварительном заключении засчитывалось в срок наказания, он в тот же день оказался на свободе. Через неделю его снова арестовали за кражу денег и он был приговорен судом присяжных Детмольда к восьми месяцам тюрьмы. Гудер подал кассационную жалобу и до принятия решения был выпущен из заключения. Первое, что он сделал, оказавшись на свободе, — разыскал Генера, который подсказал ему идею ограбления сберкассы в Гофельде.

Гудер тотчас отправился в Гофельд, огляделся на месте и завербовал, не без помощи Генера, Риддербуша и Меллера. Эти трое сразу соznались в совершенном преступлении. С Гудером дело обстояло сложнее: он хотя и подтвердил в целом свое участие в ограблении, но отвечать на другие вопросы категорически отказался.

В декабре 1967 года состоялся судебный процесс. Дело слушалось 2-й судебной коллегией по уголовным делам ландсгерихта Билефельда. На суде Гудер заявил, что поехал в Гофельд только для того, чтобы отговорить остальных от их намерения. Кроме того, он, по его словам, и не подозревал, что налет запланирован на 5 июля. Это была явная ложь. В конце концов Гудер был вынужден признать, что участвовал в краже автомобиля, на котором было совершено преступление, собственноручно прикручивал на него английский номер 44 ВХК. Согласился он и с тем, что без него сообщники просто не нашли бы дорогу к Гофельду. Наконец, он подтвердил, что сам купил пластиковые пистолеты

и раздал их участникам налета. Правда, он утверждал, что сделал это, чтобы удержать Риддербуша и Меллера от применения более опасного оружия. А долю в 6 тысяч 985 марок он взял, чтобы передать Генеру. Суд усмотрел во всех этих заявлениях попытки оправдать себя и приговорил Гудера к семи с половиной годам тюрьмы. Генер получил три года, Риддербуш — четыре года тюремного заключения, а Меллер — три года тюрьмы для несовершеннолетних. Гудер и Генер подали кассационные жалобы, которые были отклонены 4-й коллегией по уголовным делам Верховного федерального суда ФРГ как необоснованные. Но Гудер не сложил оружия. Во второй половине августа он ходатайствовал о возобновлении дела.

Согласно уголовно-процессуальному кодексу ФРГ, в порядке кассационного производства, то есть во второй инстанции, дело рассматривается вышестоящим судом, в данном случае — Верховным федеральным судом. А при возобновлении дела, что является фактически последним средством для обвиняемого, решение принимает тот же суд, на пересмотр приговора которого направлено ходатайство. При таком положении судья становится своим собственным судьей. Многие видные юристы и правоведы ФРГ высказывались за пересмотр этого положения. Поскольку эта юридическая нелепость часто приводила к тому, что несправедливо осужденные годами сидели в тюрьме.

Так, в январе 1955 года мясник Ганс Хетцель из Оффенбаха был приговорен к пожизненному заключению за изнасилование и убийство 25-летней Маргарет Гирт. Хетцель с начала до конца отрицал преступление. Приговор был вынесен на основании сомнительных улик и вопиющих ошибок эксперта по судебной медицине, мюнстерского профессора Понзолда. Дважды пытался Хетцель доказать свою невиновность, подавая ходатайство о возобновлении дела. И дважды тот же самый суд, который приговорил его, отклонял ходатайство. В конце концов дело Хетцеля приобрело скандальную известность не только в ФРГ, но и за рубежом. Хетцель подал ходатайство в третий раз, и суд под давлением международного общественного мнения вынужден был удовлетворить его.

В слушании дела на сей раз принимали участие судебные медики с мировым именем, которые пришли к заключению, что «жертва» Хетцеля скончалась от сердечного приступа. Таким образом, в связи с «отсутствием достаточных данных для подозрения» (в переводе на немецкий: в связи с доказанной невиновностью) Ганс Хетцель был оправдан. Но к этому времени он, как подсчитала одна западногерманская газета, отбыл в тюрьме 16 лет, три месяца и три дня, будучи невиновным.

Дело Гудера, конечно, нельзя сравнивать с этим случаем. Отклонение ходатайства Гудера о возобновлении дела имело достаточно оснований.

21 января 1969 года западногерманская пресса распространила сенсационную новость: Хайнц Гудер бежал из тюрьмы

Ремшайд-Люттрингхаузен. Вместе с ним исчез рецидивист Герхард Бальк, один из главарей банды Доминас, приговоренный к 11 годам. Комиссар уголовной полиции Шредер из Билефельда несколько не удивился этому известию. В свое время Гудер доверительно сообщил ему, что если ходатайство будет отклонено или вопрос затянется, он совершит побег. Комиссар, выполняя свой долг, проинформировал об этом тюремное начальство. Ответом была сочувственная улыбка: «Гудер и побег? Да его можно посылать в город за покупками: он все равно вернется». Бывший боксер считался в тюрьме одним из самых «приятных» заключенных. С самого начала заключения ему даже позволялось работать на одном частном складе за территорией тюрьмы.

Бежавший с ним Бальк был схвачен уже на следующий день. Но Гудер исчез без следа. В розыск включились все шпики уголовной полиции. Спустя некоторое время один из них принес почтовую открытку, опущенную 24 января в 8 часов утра в Лондоне. Графическая экспертиза показала, что она была написана Гудером.

В обход предписанных, но слишком долгих официальных путей через БКА билефельдская уголовная полиция связалась напрямую с бюро Интерпола в Лондоне: Гудера там уже не было. 18 февраля очередной информатор передал еще одну открытку от Гудера, отправленную 15 дней назад из Лос-Анджелеса. Таким образом выяснилось, что он вернулся на свою вторую родину.

Гудер был гражданином США, поэтому никакой надежды на то, что его выдадут уголовной полиции ФРГ, не было. Тем не менее полиция Билефельда не теряла его из виду. Она подключила к делу репортера журнала «Штерн», через него вышла на одного берлинского боксера, который, по слухам, имел контакты с Гудером и собирался ехать в США, и решила тайно использовать его как проводника, который неминусом выведет на Гудера. Они уже предвкушали торжество поимки Гудера под носом у ФБР, но, как оказалось, преждевременно.

Как ему удалось, несмотря на немедленно объявленный розыск, без денег и документов выехать из ФРГ, осталось тайной. Бальк показал, что Гудера в момент побега уже поджидал «Опель-кадетт» с дортмундским номером. Кто помогал ему, были ли у него фальшивые документы, и если да, то откуда, кто снабдил его деньгами на дорогу — об этом можно только гадать. Одно не вызывает сомнений: розыск, по всей видимости, был не слишком интенсивным. Комиссар Шредер, подробно осветивший дело Гудера, писал: «Каждый криминалист-практик знает, какой эффект имеют подобные операции по розыску. Чаще всего (к сожалению) телеграммы и объявления в плакатах о розыске служат лишь нашим алиби».

В 1967 году, когда Гудер ограбил сберкассу в Гофельде, в списках разыскиваемых лиц ФРГ значилось не менее 60 тысяч человек, подлежащих аресту, и 50 тысяч, местопребыванием ко-

торых интересовалась полиция. Это немногим меньше, чем население таких крупных городов, как Дармштадт, Херне или Майнц. В числе разыскиваемых был и 171 беглый убийца.

МИЛЛИОНЕР ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЧЕТ

Когда надзиратель блока «В» следственной тюрьмы «Ульмер Хе» ранним утром 11 ноября 1969 года заглянул в глазок одиночной камеры № 34, постель заключенного была пуста. Предчувствуя недоброе, надзиратель вызвал санитаров. Они вместе вошли в камеру; заключенный Фридрих-Вильгельм Эрмиш повесился на трубе отопления.

Самоубийство произвело сенсацию: умерший был главным обвиняемым на продолжавшемся вот уже семь месяцев в Дюссельдорфе процессе по делу о мошенничестве. Прокурор Хайденрайх спешно созвал пресс-конференцию, на которой сообщил, что Эрмиш не оставил никаких следов, проливающих свет на мотив самоубийства.

Это выглядело более чем странно. Все, кто следил за процессом, знали, что Эрмиш не раз грозил покончить с собой. Он жаловался, что его незаконно привезли из Мексики в ФРГ и что процесс ведется несправедливо. В камере Эрмиша нашли с полдюжины прощальных писем, в которых он писал то же самое. Одно из писем было предназначено для прокурора, другое — для председателя суда.

Допустим, жалобы Эрмиша на ведение процесса были не более чем попытка загнанного в угол преступника укрепить свои позиции в глазах суда. Но что касается его вывоза из Мексики, то тут у него были основания жаловаться. Эрмиш был доставлен из Мехико в Кельн-Ван 4 марта 1968 года на самолете «Люфтганзы». Причем прокурор доктор Пи и главный комиссар уголовной полиции Дюссельдорфа Фабелье ввели в заблуждение компетентные мексиканские органы и действовали в обход международной конвенции о выдаче преступников. Но, разумеется, два государственных служащих ФРГ не случайно подвергли себя опасности скандала, связанного с операцией.

Фридрих-Вильгельм Эрмиш за шесть лет надул западногерманские власти на кругленькую сумму в 12 миллионов марок и в довершение всего выставил их на посмешище, то есть нанес ущерб авторитету государства. Ну а ради спасения своего престижа государственные органы и политики ФРГ рисковали и не такими вещами.

Эрмиш был одним из тех преступников, которые набивали карман без помощи револьвера, то есть создавая фирмы, изго-

тавливая фальшивые счета и налоговые декларации. То есть он относился к быстро множасьейся братии в «белых воротничках». По оценке мюнхенской Торгово-Промышленной палаты, весьма компетентного учреждения, в ФРГ ежегодно совершается около четырех миллионов хозяйственных преступлений, которые наносят материальный ущерб от 10 до 12 миллиардов марок. Это в два-три раза превышает годовой оборот заводов «Фольксваген» в Вольфсбурге.

Эрмиш специализировался на налоговых делах. Систематически доить государственную казну он начал в 1966 году. Уже в то время полиция и прокуратура немало знали о нем. Список его судимостей был начат 15 лет назад и для такого периода времени был достаточно длинен.

До 1951 года репутация Эрмиша была безупречна. Семь лет назад он отлично выдержал экзамен на помощника коммерсанта и открыл в Эссене торговлю углем.

Но как только он почувствовал себя свободным предпринимателем, он начал увеличивать нормы прибыли без дополнительных капиталовложений: он обманывал покупателей. Суд присяжных Эссена, приговоривший его к двум годам тюрьмы за мошенничество, установил, что ему удалось продать по меньшей мере 2600 тонн воздуха вместо угля. В том же году на Эрмиша пало подозрение, что он вместе с отцом убил водителя грузовика, который работал в его фирме.

За недостатком улик суд оправдал Эрмиша. Потом оказалось, что он угрожает безопасности ФРГ. Когда полиция пришла однажды с обыском на его угольный склад, Эрмиш заявил, что он «представитель интеллигенции Компартии Германии», и пригрозил одному полицейскому «25 годами принудительных работ в Сибири». Как известно, в полиции ФРГ охотно верят любой чепухе, если только она касается коммунистов. Поэтому полицейский почувствовал себя в такой опасности, что прокуратура Эссена немедленно начала расследование против болтливового коммерсанта.

Правда, расследование вскоре было прекращено. Но за Эрмишем были еще кое-какие делишки, включая нарушения правил личного движения. Наконец, в 1966 году он был приговорен к 25 000 марок штрафа за мошенничество, связанное с компенсацией уплаченных налогов. Но это не остановило его, и он расширил свою преступную деятельность. Эрмиш не пользовался какими-то изощренными или трудно разгадываемыми трюками. Напротив, его приемы были стары как мир: наглый обман и подкуп.

15 февраля 1966 года в ведомстве по регистрации частных предприятий Дюссельдорфа появилась некая фрау Глинга и зарегистрировала на свое имя фирму «Ганза-экспорт. Оптовая торговля углем и сталью». Поскольку для этого акта не нужно было ни свидетельства о правоспособности, ни каких-либо других до-

кументов, фирма после уплаты соответствующей пошлины была в законном порядке занесена в реестр под номером А 5497.

Фрау Глинга была любовницей эссенского торговца углем Эрмиша, а основанная ею фирма — дутой. Через три месяца фирма обосновалась в полуподвальном этаже на Виттельсбахерштрассе 22 в Дюссельдорфе. На двери появилась соответствующая табличка, в помещении — шкаф с тремя пустыми папками. Фрау Глинга приезжала в фирму на старом разбитом «Фольксвагене» и, поскольку больше делать было нечего, сторожила пустые папки. Только иногда в конце недели у нее появлялась работа. В эти дни приходил Эрмиш, и они с «мышкой» фабриковали деловые письма, квитанции, балансы и счета, необходимые для обратной выплаты налогов. Эрмиш и его сообщники жили теми налоговыми льготами, которые государство предоставило экспортерам стали и угля для поддержки угольных шахт и сталелитейных заводов, страдавших от перепроизводства. Это было время, когда в Рурской области высились горы угля, не находившего покупателя: его полностью вытеснила нефть, имевшаяся в то время в неограниченном количестве и еще достаточно дешевая. Сбыт угля резко сократился, закрывались шахты, происходили массовые увольнения горняков, прибыли угледобывающих предприятий резко упали. Чтобы стимулировать экспорт угля и смягчить кризисную ситуацию, государство освободило экспортеров «черного золота» от обычного налога с оборота или возмещало его.

На этом-то Эрмиш и делал бизнес. С помощью фиктивных документов о торговых операциях «Ганзы-экспорт» и четырех других дутых фирм он создавал видимость колоссального экспорта угля и стали в Голландию. Так, ему удалось, не переправив через границу ни одного брикета угля, получить от государственной казны к ноябрю 1967 года около 12,7 миллионов марок в качестве компенсации за уплаченные налоги с оборота. Впоследствии специалисты посчитали, что эта сумма соответствовала обороту в 250 миллионов марок. Для этого «Ганза-экспорт» и четыре остальные фирмы Эрмиша должны были бы экспортировать ежедневно около 200 тонн одной только листовой стали. По самым скромным подсчетам экспертов предприятиям такого масштаба было необходимо около 150 сотрудников с соответствующим числом бюро, телефонами, телетайпами и бухгалтерскими машинами.

Но Эрмиш обходился всего пятью сообщниками, включая любовницу. Кроме нее в преступную группу входил один поверенный, сезонный консультант по налоговым делам и три-четыре таможенных досмотрщика, находящихся на государственной службе, которые получали от Эрмиша соответствующее вознаграждение и на многое закрывали глаза. Просто невероятно, что ни финансовому ведомству Дюссельдорфа, ни финансовому ведомству Эссен-Ост, которые рассматривали заявки о компенса-

ции и давали разрешение, неуклюжие хитрости Эрмиша не бросились в глаза.

Характерен следующий пример: в мае 1966 года «Ганза-экспорт» подала в финансовое ведомство Дюссельдорфа заявку на возмещение налогов за экспорт каменного угля и листовой стали в размере 4 миллионов марок. Продукция была якобы получена от фирмы «Глюкауф» в Кельне и продана фирме «Ван дер Берге» в Амстердам. Сумма компенсации составила 216 тысяч марок 20 пфеннигов. Ни одному налоговому контролеру не пришлось в голову заглянуть в реестр торговых фирм и проверить, существуют ли на деле фирма-поставщик «Глюкауф» и заказчик «Ван дер Берге». А ведь было достаточно беглого взгляда в реестр, чтобы раскрыть обман Эрмиша. Мало того! Сотрудник финансового ведомства даже не счел нужным проверить по картотеке, уплачены ли фирмой-заявителем, то есть «Ганзой-экспорт», налоги с оборота. Эта сама собой разумеющаяся проверка сразу показала бы, что ни одна фирма Эрмиша не была зарегистрирована в финансовом ведомстве, а стало быть ни разу не уплачивала налоги, то есть не имела никакого права на их компенсацию.

Но, как видно, чиновники финансовых учреждений не только были готовы пойти за взятку на преступление, но и плохо разбирались в своем деле. Согласно заявке «Ганзы-экспорт», поставки осуществлялись через таможенную пограничного пункта Даммбрух. Однако эта таможня была ликвидирована еще двенадцать лет назад. Но даже когда она существовала, через нее пропускались лишь небольшие партии овощей, и то нерегулярно. Таможня была очень невыгодно расположена и совершенно нерентабельна, поэтому ее в конце концов закрыли. Об этом не мешало бы знать и финансовому ведомству, тем более, что таможенная служба подчиняется непосредственно министерству финансов, то есть тому же органу, что и служба преследования налоговых преступников и финансовое ведомство.

Так продолжалось довольно долго: фиктивные фирмы Эрмиша подавали заявки о выплате им компенсации, а компетентные чиновники финансового ведомства не находили в них ничего сомнительного. Начальство ставило визу, и требуемые суммы переходили в руки мошенника.

Но случается, что и слепая курица находит зерно. В сентябре 1967 года только что созданная и зарегистрированная фирма «Штальгросхандлунг Глинга» подала в финансовое ведомство Эссен-Ост сразу две заявки о компенсации. На этот раз сотрудник ведомства почему-то решил свериться с реестром торговых фирм и с изумлением обнаружил, что такая фирма там не значится. Проверка показала, что в Дюссельдорфе на имя той же фрау Глинга зарегистрирована фирма «Ганза-экспорт». Сотрудник не стал мучиться над разгадкой, а, руководствуясь старым бюрократическим принципом «Лучшая работа та, которую делают другие», передал дело финансовому ведомству Дюссельдорфа. Там тоже были немало удивлены, так как до этого момента и

не подозревали о двойной роли почтенной владелицы фирмы «Ганза-экспорт». Проверка документации показала, что подтверждение об экспорте не было заверено соответствующей подписью соответствующего уполномоченного сотрудника таможни. Имелась только таможенная печать. Добродушно и снисходительно, как и положено налоговым органам, фрау Глинге указали на это небольшое нарушение предписанных правил. Очаровательная владелица фирмы поблагодарила любезных чиновников и пообещала немедленно исправить небрежность. Спустя всего несколько дней она переслала в финансовое ведомство официальную бумагу из таможни Даммбрух, адресованную фирме Бригитты Глинге. Крупная торговля листовым сталью, 43, Эссен-Бредени, Майзенабургерштрассе 42. В ней, со ссылкой на соответствующие параграфы таможенного устава и общих таможенных правил, сообщалось, что во всех случаях, в том числе и в данном, подпись сотрудника таможни не обязательна, печать же — совершенно необходима. Подпись на бумаге была неразборчива, рядом стояло «Zoll-Ass»*.

В финансовом ведомстве, без сомнения, были бы совершенно удовлетворены этим объяснением, если бы не одна мелочь: в служебной переписке таможенных и финансовых органов ФРГ принято сокращение «ZASS», а не «Zoll-Ass». Таким образом, служебная бумага, представленная фрау Глингой, содержала на целых три буквы больше, чем положено. Это нарушение служебного этикета так глубоко поразило налоговых чиновников, что заставило их наконец насторожиться. Итак, маленькая опечатка сделала то, что не могли самые наглые и откровенные махинации Эрмиша. Сотрудник финансового ведомства связался по телефону с таможней Даммбрух, допустившей такое грубое нарушение священных официальных сокращений.

И тут началось. Пришла пора действовать службе преследования налоговых преступников, прокуратуре, уголовной полиции. Но, когда ловкую парочку уже собирались схватить, Эрмиш и Бригитта Глинга отбыли в неизвестном направлении.

Судя по всему, они уезжали без особой спешки. Эрмиш успел вывезти всю мебель из своей роскошной квартиры в Эссене, а Глинга заявила о ликвидации «Ганзы-экспорт», которая, как и положено, была аккуратно вычеркнута из реестра торговых фирм.

Арестована была лишь всякая мелкая сошка. Вплотную прокуратура и уголовная полиция занялись группой Эрмиша только во второй половине февраля. В середине месяца были взяты брат Бригитты и консультант по налоговым вопросам Инге Хершенредер. За поимку мошенников дюссельдорфская прокуратура назначила 10 тысяч марок. По делу Эрмиша была создана спе-

---

* Сокращение «Zollassistent» — таможенный ассистент. —
Прим. перев.

циальная комиссия из 18 человек. В нее входили и восемь сотрудников службы преследования налоговых преступников. К розыску подключились Федеральное ведомство уголовной полиции и Интерпол. Охота на Эрмиша началась.

А между тем Эрмиш и Бригитта Глинга не жили в саунах и на солнечных пляжах. Время от времени Эрмиш напоминал о себе дюссельдорфской прокуратуре: он посылал то открытку с видом из Голландии, то привет из Финляндии, как будто играя с ними в салочки. Наворованные миллионы он разбрасывал направо и налево. Однажды Эрмиш сыграл со своими преследователями злую шутку! Через одного посредника он довел до сведения прокуратуры «стражайший секрет»: все документы его фиктивных фирм, которые она лихорадочно разыскивала, якобы зарыты на свалке в Корнелимюнстере под Аахеном. Прокуратура клюнула на приманку. С утра до ночи колоссальная территория около 100 квадратных километров перекапывалась специальными поисковыми отрядами, бронетранспортерами и ковшовыми экскаваторами. А Эрмиш почитывал газетные сообщения в своей фешенебельной квартире из шести комнат по Кале де Сократес 390, в одном из богатых кварталов Мехико. Узнав о широко развернутой операции по поиску его несуществующих деловых бумаг, Эрмиш, как он сам позднее признался на суде, «чуть не свалился от смеха с дивана».

Эрмиш без опасений смотрел в будущее. В декабре 1967 года, прежде чем отправиться со своей подругой в Мексику, он успел положить в Швейцарский банк в Женеве еще полтора миллиона марок. Он выбрал именно Мексику потому, что по местным законам родители ребенка, появившегося здесь на свет, не могут быть выданы другому государству, а Бригитта должна была в марте родить. Всего несколько недель, и они были бы в безопасности. Но, к несчастью, западногерманские органы полиции тоже знали об этом. Маклер по продаже земельных участков, с которым Эрмиш разговаривал по телефону из Мехико, навел полицию на след. К тому же Эрмиш и сам несколько перестарался. Он пригласил в Мексику родителей Бригитты. Охотно приняв приглашение, они сдали 15 февраля 1968 года багаж, на котором был адрес дочери в Мехико. Полиция, давно наблюдавшая за ними, не преминула записать адрес.

В начале марта прокурор Пи и главный комиссар уголовной полиции Фабелье вылетели в Мехико. Им не пришлось долго разыскивать Эрмиша. Шикарный плейбой был хорошо известен всем, хотя на его двери и не было таблички с именем. Богач, под настроение даривший любовнице драгоценности стоимостью в 200 тысяч марок и державший шофера для своего «Форда мустанга», он был необыкновенно скуп на чаевые. Естественно, что прислуга была не слишком расположена к нему и охотно помогала Пи и Фабелье. Но это мало облегчило им задачу. Из-за одних только налоговых преступлений мексиканские власти не собирались выдавать иностранца, карманы которого были битком

набиты деньгами. Понимая это, Пи и Фабелье проштудировали мексиканские законы и выяснили, что здесь строго преследуется подделка паспортов. Паспорт у Эрмиша был, правда, настоящий, но он выдал Бригитту за свою жену, что не соответствовало действительности. Короче, прокурор Пи обвинил его в подделке паспорта. Конфиденциальные переговоры с мексиканскими коллегами и некоторые «маленькие знаки внимания» довершили дело.

Эрмиш был выдворен из страны. Но покинуть Мексику он должен был не первым международным рейсом, как это принято, а первым рейсом самолета «Люфтганзы». О том, чтобы он не исчез по дороге, позаботились Пи и Фабелье. Они попытались было прихватить и Бригитту, но этому решительно воспротивился командир корабля. У нее уже начались схватки, а на борту не было врача. Капитан не хотел неприятностей. И все же через три дня Бригитта была привезена в ФРГ. Ее сопровождал врач, получивший за это от дюссельдорфской прокуратуры 1200 марок. Прямо с аэродрома Бригитту доставили в родильный дом женской тюрьмы в Бохуме. 12 марта она родила там ребенка.

Для расследования дела специальной комиссии понадобилось еще несколько месяцев. Процесс по обвинению Фридриха-Вильгельма Эрмиша и его сообщников начался только 21 мая 1969 года. Дело рассматривалось в земельном суде Дюссельдорфа под председательством шефа земельного суда Моншау. К этому времени произошло уже три самоубийства: покончили с собой управляющий «фирмы» Эрмиша «Хандельсунин» Антон Петерс, адвокат и консультант по налоговым вопросам д-р Файге и вахмистр Хайнц Бала, передававший за определенную мзду тайные записки Эрмиша на свободу.

В одной из них, перехваченной полицией, Эрмиш пытался склонить отца Бригитты организовать покушение на прокурора Пи. Покушение не состоялось, а обвинение Эрмиша дополнилось еще одним пунктом.

В сентябре 1969 года в тюремной больнице Бригитта Глинга перерезала себе вены. Это вовремя заметили, и ее удалось спасти. Эрмиш уже в самом начале процесса неоднократно грозил самоубийством, поэтому суд вынес решение о строгом надзоре за ним. Эрмиша стали будить ночью через каждые полчаса. Защита заявила протест против такого обращения с подсудимым, после чего эту меру ограничили.

И предварительное следствие, и судебное разбирательство ползли черепашьям шагом. Эрмиш, похудевший и бледный, стремился теперь к одному: любой ценой избежать грозившего признания его «особо опасным рецидивистом», что означало бы содержание в заключении после отбытия срока наказания. На суде происходило немало сцен, не лишенных комизма. Так, например, было установлено, что однажды Эрмиш получил от финансового ведомства Эссен-Ост солидную компенсацию, прежде чем подал на нее заявку.

Веселое оживление царило в зале и когда прокурор представил заявку фиктивной фирмы «Феникс-брэннштоффе», которая, согласно регистрационной печати, поступила в финансовое ведомство раньше, чем была вообще написана, судя по дате, представленной в заявке.

Немало забавного услышали в зале суда и во время дачи показаний сотрудниками финансовых органов. Например, финансовый контролер Фоссен из управления Дюссельдорф-Норд в свое время разыскал бюро фирмы «Ганза-экспорт», ту самую полуподвальную квартиру на Виттельсбахерштрассе. При виде очаровательной Бригитты Глинги, которая угостила его коньяком и к тому же пригласила отобедать, он, по его словам, так растерялся и смутился, что ему и в голову не пришло, что тут может быть что-то нечисто. Типы вроде Фоссена или чиновника финансовых органов Билера, не брезговавшие впоследствии и тысяче-марковыми купюрами, помогали Эрмишу обирать государственную казну на миллионы.

Самоубийство Эрмиша на время прервало процесс. Наконец, 30 января 1970 года слушание дела, продолжавшееся 72 дня, было закончено. Бригитту Глингу приговорили к четырем годам тюремного заключения, бывшего старшего налогового инспектора финансового ведомства Эссен-Ост, а впоследствии консультанта Эрмиша по налоговым делам Инге Херхенредер — к четырем с половиной годам. Подкупленные Эрмишем чиновники Фоссен и Билер получили по три с половиной года, «управляющий фирмы» «Феникс-брэннштоффе» Якоб-Наполеон Вирц — два года, отец Бригитты, Вернер Сципа, — девять месяцев тюремного заключения.

Из полученных Эрмишем обманным путем двенадцати миллионов марок пять миллионов не были найдены, остальные вернулись в государственную казну.

Налоговый аферист Эрмиш относился к той категории «беловоротничковых» преступников, против которых правосудие ФРГ выступает довольно решительно. Несмотря на награбленные миллионы, он был отверженным, которому не было доступа в избранные круги. Эрмиш так и остался на среднем уровне, вызывая восхищение мелких мошенников и откровенное презрение по-настоящему крупных дельцов, ворочающих серьезными делами.

Одним из таких преступных воротил в 60-е годы был западногерманский промышленник из Брауншвейга Вальтер Йордан, владелец индустриальной группы «Лютер и Йордан КГ»*, в которой были заняты 5 тысяч рабочих и служащих. Капитал его казался неограниченным. Йордан был один из первых и самых энергичных предпринимателей ФРГ, работавших на вооружение. В высшем обществе он считался бизнесменом, заслуживающим

---

* Коммандитное товарищество. — Прим. перев.

доверия, его грудь украшали высокие награды. Йордан привык запросто обедать с министрами и как мальчиков отчитывал советников уголовной полиции. Федеральный президент Любке лично пригласил его на встречу с президентом США Кеннеди, проходившую во франкфуртской Паульскирхе.

Как выяснилось впоследствии, Йордан был мошенником чистой воды. Но он обманывал в таких масштабах и на таком высоком уровне, как это могут позволить себе только владельцы крупных концернов.

Начинал Йордан очень скромно. В 1941 году он стал управляющим «Лютер КГ». Заняв это место, он быстро перестроил производство на военные самолеты, чем сразу завоевал расположение фашистской верхушки. В последующие годы он обеспечил себе полное и единоличное господство в этой области, не гнушаясь прибегать для достижения цели к любым методам, вплоть до шантажа.

Когда правительство Аденауэра призвало к «борьбе против большевизма» и началась открытая ремилитаризация и вооружение ФРГ, Йордан был вновь тут как тут. Фактически его концерн и не переставал работать на вооружение. Геринг уже не мог покупать выпускаемые им самолеты, поскольку сидел на скамье подсудимых в Нюрнберге, но Йордан получил заказ от американцев на производство системы заправки для их танков. Пришло время, и Бонн ассигновал первые миллиарды на вооружение. Йордан стал выпускать подвижные крупные бензозаправочные цистерны и ремонтировать танки. Он участвовал в разработке и создании «европейского стандартного танка». Причем благодаря завышенным калькуляциям он зарабатывал на каждом танке чистых 400 тысяч марок. А это значит, что с каждым проданным танком он обманывал государство почти на полмиллиона.

По этой тарифной ставке фирма «Лютер и Йордан КГ» только в опытной серии выпустила 15 танков для бундесвера. После этого калькуляции «причесывали», что соответственно отражалось на балансах, а следовательно, и на налогах, поэтому Йордан уплачивал налогов гораздо меньше, чем должен был при таких прибылях. Таким образом, кроме завышения цен он еще и уклонялся от уплаты налогов.

Мошенничества Йордана были раскрыты чисто случайно. Группа специалистов по расследованию хозяйственных преступлений занялась его делом. Узнав об этом, Йордан попытался сначала запугать руководителя группы старшего комиссара полиции Клингенберга, потом переманить его к себе, посулив 4 тысячи марок в месяц, то есть в четыре раза больше, чем в то время зарабатывал средний сотрудник уголовной полиции. Когда и это не удалось, он нашел услужливого профессора медицины, который составил заключение, что Йордан по состоянию здоровья не может подвергаться допросу. Найдя убежище в одной из

клиник, он ежедневно имел около 50 телефонных разговоров и принимал десятки посетителей.

Как раз в то время, когда Йордан продолжал из клиники руководить делами, неожиданно прекратилось субсидирование накладных расходов группы, расследовавшей его дело, так что расследование, а следовательно, и сбор улик были практически прекращены. Кто и по чьему распоряжению «перекрыл кислород», разумеется, осталось тайной. Понятно, что такой уважаемый человек, как Йордан, имел не только завистников, но и покровителей. Только благодаря упорству следователей, которых даже их коллеги не принимали всерьез, расследование было продолжено.

Но процесс против Йордана так и не состоялся. Промышленник, после короткого ареста вновь оказавшийся на свободе, неожиданно скончался 12 ноября 1963 года. Говорили, что он повесился в подвале своей роскошной виллы. Безусловно, Йордан поторопился уйти из жизни. Если судить по исходу судебных процессов против имеющих громкое имя хозяйственных преступников, Йордан вряд ли был бы действительно осужден. Это совсем не преувеличение. Даже старший прокурор Бэр из Клеве сказал, выступая на совещании криминалистов во Франкфурте-на-Майне, что в ФРГ ежедневно происходит «самая настоящая капитуляция юстиции перед хозяйственными преступлениями».

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ СОЛДАТ В ЛЕБАХЕ

Был понедельник, 20 января 1969 года. Раннее утро. В караульном бараке 261-го парашютно-десантного батальона бундсвера в Лебахе отдыхали четыре солдата. Трое в своих постелях, в спальном помещении, а четвертый, дневальный, сидел на стуле в соседней комнате для караульных. Ефрейтор Шульц, пятый из этой группы, возвращаясь с проверочного обхода, вошел в общую комнату, снял винтовку и поставил ее к стене.

Караул у склада боеприпасов считался спокойным, но скучным постом. Батальон квартировал в пяти километрах отсюда. И оживление в жизнь караульного барака вносили лишь солдаты, приходившие за боеприпасами.

Шульц как раз собирался разбудить свою смену, как вдруг из кочегарки послышались странные звуки. Понять их причину ефрейтор не успел. Дверь распахнулась, и в барак ворвался мужчина в военной куртке оливкового цвета. Неизвестный сразу же начал стрелять. Шульц почувствовал сильный удар в грудь справа, но все же бросился навстречу нападавшему. Но нарвался на

нож. Шульц тщетно пытался защититься: он получил семь ножевых ранений. В то же время выстрелы слышались и из караульной, и из спального помещения. Шульц обессилел. Но, теряя сознание, хотя и расплывчато, он все же видел, что происходило вокруг. Еще один мужчина, одетый так же, как и его напарник, вошел в общую комнату. Заметив, что Шульц еще жив, бандит выстрелил в него. Ефрейтор потерял сознание.

Налетчики быстро собрали оружие солдат и, схватив ключи, отправились к бункерам, где хранились боеприпасы. Их интересовали ружейные патроны. В это время Шульц пришел в себя. С трудом выбравшись из дома, он спрятался под военную машину. И как раз вовремя: бандиты вернулись.

«Эй, куда же делься этот?» — растерянно спросил более рослый мужчина, не найдя Шульца. «Пошли, надо сматываться!» — нервно ответил другой. Подхватив оружие, боеприпасы, контрольные книги караула, неизвестные исчезли.

Прошло много времени, прежде чем Шульц решился покинуть свое убежище. Он ползком добрался до караульного помещения. Однако поднять по тревоге батальон не удалось: преступники перерезали телефонный провод.

Почувствовав жажду, Шульц потянулся к ведру с водой. Оно опрокинулось, раненый слизнул немного жидкости с пола. Добравшись до спального помещения, он потерял сознание. Ефрейтор очнулся через несколько часов. У ворот сигналила автомашина. На ней приехали унтер-офицер Шмидт и ефрейтор Хекерт. Раненый с трудом дополз до двери барака, но снова упал.

К этому моменту трое солдат были уже мертвы, четвертый скончался спустя шесть недель в больнице, так и не придя в сознание. Шульц попал в лазарет с очень опасными огнестрельными и ножевыми ранениями. Но выжил.

Министр внутренних дел ФРГ Бенда был немедленно проинформирован о случившемся. Он распорядился поручить централизованное расследование этого уголовного дела Федеральному ведомству уголовной полиции (БКА) в соответствии с параграфом 4 положения об этом учреждении. Непосредственное руководство расследованием политических преступлений — компетенция Генеральной прокуратуры ФРГ. Не миновало ее и следствие по делу «Лебах». Его взял в свои руки Верховный прокурор Бундбак, застреленный террористами весной 1977 года. Он «прославился» расследованием преступлений группы «Баадер-Майнхоф». Специальная комиссия «Лебах» насчитывала более ста сотрудников, отозванных преимущественно из группы безопасности (или III отдела) БКА и уголовной полиции земли Саарланд.

Местонахождение группы безопасности — Бад Годесберг, недалеко от Бонна. Она тесно сотрудничает с ведомствами по охране конституции. Во всех централизованно расследуемых делах «о защите конституции» группа берет на себя решение задач, входящих в компетенцию полиции, и соответственно ее полномо-

чия. В это время она насчитывала 228 служащих, 43 руководящих и 26 технических сотрудников. В составе группы безопасности было четыре подразделения: следственная группа по делам о государственных преступлениях (EL); следственная группа по делам о государственной измене (EH); служба сопровождения и охраны (SB) и вспомогательная служба и общий отдел (HA).

Позже, в 1974—1978 годах эта группа и ее функции были расширены, а штат значительно увеличен.

Группа занялась расследованиями по делу «Лебах»: убийство солдат было расценено как «коллективная акция с политической подоплекой». Не придавая своим действиям огласки, к работе подключились ведомства по охране конституции и служба военной контрразведки ФРГ. (МАД).

Они занялись соответственно: поисками политических сил, на которые могло пасть подозрение в организации лебахского налета, и координацией расследования в рядах бундесвера.

В следах и уликах на месте преступления недостатка не испытывали, даже несмотря на то, что многие из них были уничтожены любопытными, репортерами и солдатами еще до прибытия уголовной полиции. Выяснили, что бандиты проникли на территорию склада боеприпасов, перекусив проволоку в заборе.

Недалеко от этого места обнаружили насадочный фильтр фотокамеры «Поляроид». Поскольку эта деталь не принадлежала ни одному из прибывших репортеров, предположили, что ее потеряли преступники. Эта мысль, как выяснилось впоследствии, оказалась верной. Убийцы пользовались двумя разными пистолетами. Из оружия калибра 9 мм были убиты дневальный и трое спящих солдат. К нему же относится и одна из огнестрельных ран Шульца. Остальные выстрелы в ефрейтора были произведены из другого пистолета калибра 6,35. Найденные пули и гильзы позволили установить: большой пистолет — П 38 — типичен для оснащения бундесвера; меньший — «Шмайсер» — выпускали до войны в Зуле в очень ограниченных количествах. А поскольку оба пистолета не были зарегистрированы в отделе экспертизы огнестрельного оружия БКА, криминалисты сделали вывод: это оружие не использовалось ранее при каких-либо известных преступлениях. Предположение, оказавшееся впоследствии ложным, сбilo специальную комиссию с верного пути и не позволило раскрыть преступление раньше.

21 января, через день после нападения, ефрейтор Шульц пришел в себя. На допросе он описал ход событий и внешность преступников. Память, замутненная шоком и болью, подвела его в одном важном пункте. Шульц сказал, что налетчики были разного роста. Высокий натянул капюшон военной куртки на голову, скрывая лицо. А его низкорослый напарник, выстреливший в ефрейтора первым, был светловолос и с бородой. Уголовная полиция сделала словесный портрет и передала его в розыск.

Но, как оказалось позже, бороду носил высокий и темноволосый преступник. Так что розыск пошел по ложному следу. Тем не менее в начале расследования создалась иллюзия, что преступление уже раскрыто.

21 января специальная комиссия получила сведения о 22-летнем помощнике каменотеса Хельмуте Скупине из Хайлигенвальда в административном округе Цвайбрюккен. Сообщили, что за два дня до налета на склад боеприпасов в Лебахе Скупин поинтересовался вначале у своего знакомого Фреди Шмидта, а затем и у двух других молодых людей, не хотят ли они помочь ему в «операции по приобретению оружия» на складе боеприпасов в Штамбахе у Цвайбрюккена. Все трое не изъявили никакого желания. Со складом боеприпасов в Штамбахе ничего не случилось. Когда стало известно о налете на склад в Лебахе, Фреди пошел в полицию. Скупина арестовали и начали проверять его алиби. Оно было не без изъянов. В вечер преступления Скупин просидел в баре «Пондероза» в Мерхвайлере всего лишь в 15 км от Лебаха примерно до 1 часа ночи. Затем он якобы отправился домой и лег спать. Его семья подтвердила это, но как можно доверять родственникам подозреваемого? Однако все же нашелся беспристрастный свидетель. Знакомый Скупина показал, что в 5 час. 50 мин. он встретил его в Хайлигенвальде и подвез на машине в Нойкирхен. Ну, а время с 1 часа до 5 час. 50 мин.? Скупин не смог доказать свое алиби на эту часть ночи. Чисто теоретически у него была возможность совершить преступление.

Помощник каменотеса Скупин служил в бундесвере в мае 1967 года. Именно в это время из оружейного склада было украдено 12 пистолетов. До сих пор ни вор, ни оружие найдены не были. Скупина допрашивали и по этому поводу. Допрос вели регирунгс-криминальрат из группы безопасности Шуц и руководитель специальной комиссии «Лебах» — старший прокурор Бубак. В течение трех часов помощник каменотеса все отрицал, но потом сознался в краже пистолетов. В светлое майское утро 1967 года он, не торопясь, прошел на оружейный склад и взял 12 пистолетов. Дежурный унтер-офицер в этот момент преспокойно храпел на диване.

Скупин не считал себя героем. Он в общем-то даже не знал, что делать с оружием. Он спрятал пистолеты за своим домом, где они и были найдены. Этот факт явился решающим для специальной комиссии: Скупин участвовал в Лебахском налете! Оставалось выяснить — «с кем?», так как, бесспорно, в налете участвовали, как минимум, два преступника.

Скупин, находясь в тюрьме в полной изоляции, отрицал свое причастие к Лебахскому налету. Но «фараоны из Бонна» настаивали на своем. О, они знали, что он из себя представляет! Скупин построил дом в своем родном саарландском лесу, где часами сидел у костра; фантазировал, видя себя в мечтах то Робин Гудом, то охотником-звероловом, приручающим дикую лисицу,

наблюдал за играми белок, стрелял из украденных пистолетов в жестяные банки и в стволы деревьев. Посчитали что этот толстый, полуинтеллигентный парень прямо-таки создан для серьезного дела — «коллективной акции с политической подоплекой». Но в конце концов полиции пришлось признать, что Скупин не имеет ничего общего с Лебахским налетом. В декабре 1969 года он предстал перед судом за кражу оружия и безрезультатное подстрекательство к налету.

Тем временем за сведения об убийцах солдат были назначены крупные вознаграждения. Министерство обороны ФРГ выделило 50 тысяч марок, министр внутренних дел земли Саарланд — 10 тысяч, а двое частных лиц, не пожелавшие себя назвать, пожертвовали еще 8 тысяч марок. Потерпев неудачу со Скупиным, специальная комиссия решила пойти по другому пути.

Предположили, что убийцы отлично знают местность. Может быть, они когда-то служили в 261-ом парашютно-десантном батальоне? Проверили всех отслуживших солдат этой части. И опять криминалистам не повезло. Как выяснилось позднее, не все документы были в наличии, отсутствовала именно та информация, которая могла натолкнуть розыск на преступников.

«ГОРЯЧИЙ» СЛЕД

28 января 1969 года гамбургская газета «Бильд-цайтунг» получила анонимное письмо с приложением — страницей из Лебахского караульного журнала. Десять дней спустя аналогичное послание, но уже с двумя страницами — 31-й и 32-й из «черновой тетради для посетителей» Лебахского караула — пришло в журнал «Дер Шпигель». Караульные журналы были украдены бандитами вместе с тремя ружьями, двумя пистолетами и ящиком боеприпасов. Оба письма, отпечатанные на пишущей машинке марки «Олимпия», бросили в почтовый ящик почтамта во Франкфурте-Цайле. Авторы признавались в совершении убийств и обещали прислать третье сообщение на имя Верховного прокурора Бубака. Послание гласило: «Вы имеете дело с мафией, и мы повторим в ближайшие одиннадцать недель налет с оружием на нужный нам объект».

Эта корреспонденция получила регистрационные номера 1081—13/10 в «списке улик» специальной комиссии «Лебах». А за почтовым ящиком на почтамте во Франкфурте-Цайле день и ночь велось наблюдение с помощью передвижной телеустановки. Регистрировались все поступающие письма и проверялись их содержание. Дежурившая у телекамер группа криминалистов была

готова в любой момент начать преследование вызывающих подозрение лиц.

Но значительные затраты на технику и работу многих людей себя не оправдали.

Третье письмо было отправлено не из Франкфурта-Цайле и адресовано не прокурору Бубаку. Посланное из маленького итальянского городка Ноли, оно пришло в понедельник, 17 февраля, на имя мюнхенского финансового маклера Рудольфа Мюнемана. Адресату предлагалось за гонорар в 800 тысяч марок заключить договор о ненападении. Приводился пример странной смерти промышленника Кванта, о которой писала западногерманская пресса. Оказывается, это убийство было делом рук преступников из Лебаха. Помимо Мюнемана еще 86 известных общественных деятелей ставились перед выбором между смертью и заключением договора с шантажистами. А сам финансовый маклер из Мюнхена обязывался иметь названный гонорар в наличных деньгах к следующему воскресенью. Плюс ко всему Мюнеману вменялось в обязанность напечатать приложенное объявление в газете «Франкфуртер Альгемайне». Четыре страницы текста, отпечатанного на уже известной машинке «Олимпия», фотография украденного в Лебахе оружия, снятая фотоаппаратом «Полароид», и две вырезки из газеты также входили в послание.

Шеф мюнхенской полиции сразу почувствовал, что финансовый маклер Мюнеман возмущен. К нему немедленно были направлены сотрудники, специализирующиеся на делах о шантаже. А уголовная полиция поместила в газете требуемое объявление и подключила магнитофон к телефону маклера.

Вымогатели не заставили себя долго ждать. Они звонили несколько раз. Но каждый разговор был слишком коротким для определения их местонахождения.

Вежливый, с приятным французским акцентом голос назвал определенную километровую отметку на автостраде Мюнхен — Аугсбург, где следует положить требуемую сумму. Мюнеман же настаивал на личной встрече с «партнером по договору» для передачи денег. Звонивший попросил чуточку терпения: для выяснения этого обстоятельства он должен получить согласие из Парижа. Через полчаса просьба была удовлетворена, тогда же договорились о встрече.

Но в машине Мюнемана на совещание отправился не он сам, а дублер из сотрудников мюнхенской полиции. В багажнике, оснащенном радиопередатчиком, лежал второй полицейский с автоматом. Но шантажист не появился. Уголовная полиция, забыв отозвать контрольный вертолет из района операции, спугнула преступников. Контакт с ними был прерван. Снова совершив ошибку, полиция упустила реальный шанс схватить бандитов.

Попытка шантажа Мюнемана, содержавшаяся в тайне, стала известна общественности. Однако сотрудники розыска попыта-

лись скрыть ее взаимосвязь с Лебахским налетом. Надеялись, что шантажисты объявятся вновь.

Привлеченный к сотрудничеству Интерпол должен был собрать в Ноли сведения об отправке письма. БКА послало в Италию своего сотрудника. Его поиски привели к некоему Джузеппе Катинелле, работавшему кельнером в Ноли. Он скрывал, что имеет во Франкфурте-на-Майне автомашину «Альфа Ромео». Как выяснилось, Катинелла был во Франкфурте во время отправки писем в редакцию и Мюнеману. Но полиции в Ноли не удалось арестовать Катинеллу — он исчез. Впоследствии стало известно, что этот итальянец не имеет ничего общего с делом «Лебах».

В последний день февраля шантажисты вновь дали о себе знать из Карлсруэ. Извещая Мюнемана о телефонном звонке, они отправили ему телеграмму без подписи. Сотрудник специальной комиссии сразу же выехал в Карлсруэ. И выяснилось: отправитель телеграммы — д-р Сардо, проживающий по адресу: Париж XII, улица Флобера. Служащий почты вспомнил, что только по настоящему требованию этот человек написал свой адрес. Возраст — лет 30—35. Внешность: рост 175 см, стройный, с коротко остриженными темными волосами. Говорит на немецком языке без акцента. Однако проверка в Париже показала, что имя и адрес вымышлены. На «д-ра Сардо» и Катинеллу был объявлен международный розыск. А специальная комиссия тем временем решила подключить к расследованию передачу телевидения ФРГ «По делу ХУ ведется следствие» и с этой целью связалась с автором программы Е. Циммерманом.

4 марта 1969 года председатель окружного суда Меркель из Ландау доложил своему начальнику — председателю земельного суда Томасу — о неприятном инциденте. Оказывается, несколько месяцев тому назад из хранилища суда исчез вместе с соответствующими документами пистолет «Шмайсер», конфискованный 21 февраля 1968 года у винодела Густава Лиди из Франкенвайлера. Томас был страшно напуган: пропал именно «Шмайсер» — оружие, которое разыскивают все. Еще более фатальным выглядело то обстоятельство, что расстояние между Ландау и Лебахом всего 80 км. Председатель земельного суда немедленно позвонил обер-прокурору Трэгеру в Карлсруэ, которого знал лично. Через своего коллегу Бубака Трэгер послал в Ландау сотрудника специальной комиссии. Но восторга этот визит не вызвал. Прокурор оспаривал возможную взаимосвязь между пропажей оружия и убийством солдат. В конце концов, незадачливого представителя специальной комиссии попросту выставили. Он уехал из Ландау, не проверив сведений Томаса. Это был самый большой промах специальной комиссии. Таким образом, уголовная полиция не использовала наиболее перспективный шанс изловить преступников.

«Шмайсер» не был в свое время послан на экспертизу в Федеральное ведомство головной полиции, как это следует по

предписанию в случае обнаружения огнестрельного оружия. «Да и к чему?» — рассуждали простодушные полицейские из пфальцского Ландау, экономя свои силы и деньги. А в результате их небрежность помешала раскрыть налет на склад боеприпасов в Лебахе уже через несколько часов после преступления. А пока в бумагах специальной комиссии председателем земельного суда Томасом была внесена 28-я улика — «Шмайсер».

8 марта в распоряжении следователей еще не было ни одного реального шанса для поимки преступников. Но вот в этот день, вечером, к дому № 15 в Ремагене подъехал голубой «Фиат спорт». Из него вышел молодой человек в элегантном темносинем костюме с большим букетом красных тюльпанов в руках. Ни машина, ни внешность мужчины не производили особого впечатления. В глаза бросались лишь тюльпаны, ведь гадалки предпочитают получать от своих клиентов деньги, а не цветы. А здесь жила самая известная в ФРГ предсказательница Маргарете Гуссантьер, которую все называли мадам Бухела.

Ее клиенты — сливки боннского высшего общества, поэтому не удивительно, что мадам посетил адвокат принцессы Евы Эсфандиари — д-р Сардо, вежливый молодой человек. Сама же принцесса была матерью скандально известной бывшей шахини Сорейи. Д-р Сардо объяснил, что у его клиентки большие неприятности: ее легкомысленная дочь вновь попала в сети Амура, и шах может лишиться Сорейю содержания. Но это было бы ужасно как для нее, так и для принцессы.

Мадам Бухела согласно кивала головой. Ей было понятно стремление принцессы Эсфандиари заглянуть в будущее ее дочери. В конце концов, такие желания давали ей средства к существованию. Но д-р Сардо сказал в заключение нечто такое, что не понравилось Ремагенскому оракулу. Она, мадам Бухела, должна встретиться с принцессой в нейтральном, но укромном месте. Об этом не могло быть и речи. Клиентке придется все-таки пожаловать к ней. Недоверие ясновидящей вызвал также обещанный гонорар: дорогие меха из фамильного состояния. Никто еще не предлагал столь высокую цену за один-единственный взгляд в будущее. Мадам Бухела ответила, что охотно поможет принцессе, но встреча может состояться только в ее доме в Ремагене. Д-р Сардо пообещал передать разговор своей клиентке и сообщить ее решение.

Через несколько дней он появился снова. На этот раз его сопровождал молодой светловолосый человек, которого д-р Сардо представил как личного секретаря принцессы. Посетители преподнесли красные розы и предложили прорицательнице поехать с ними в Бад Годесберг, в иранское посольство. Это еще больше насторожило мадам Бухелу: для нее не было секретом, что это посольство находится в Кельне. Незаметно она попросила случайно присутствующего клиента записать номер автомашины посетителей. Он был: КА-А29.

Сардо и его приятель удалились, несолоно хлебавши. Но уже

2 апреля молодой адвокат явился опять. Мадам вновь записала номер того же «Фиата». На этот раз он выглядел так: LD-X733. Последовавшая беседа закончилась согласием д-ра Сардо уговорить принцессу приехать в Ремаген. Назначили и день встречи — 4 апреля, страстная пятница. Однако в назначенный срок принцесса не появилась. А мадам Бухела получила телеграмму с отказом, и с тех пор она больше не слышала о д-ре Сардо.

В пятницу, 11 апреля, по второй программе телевидения ФРГ прошла передача «По делу XV ведется следствие». В ней подробно рассказывалось о розыске по делу «Лебах», о попытке шантажа финансового маклера Мюнемана, транслировались записанные на пленку голоса вымогателей и сделанный по показаниям свидетелей словесный портрет.

Мадам Бухела видела эту передачу. На следующий день она сообщила верховному комиссару уголовной полиции Висману, которого знала лично, номера автомашины ее новых знакомых. Информация была срочно передана специальной комиссии «Лебах». Как оказалось, номер КА-А29 принадлежал украденному автомобилю, а другой — LD-X733 — был зарегистрирован на имя некоего Вольфганга Дица из Ландау. Выяснился любопытный факт: до 19 января 1969 г. Диц работал судебным секретарем в суде первой инстанции в Ландау! Именно там пропал пистолет «Шмайсер».

Наконец произошло то, что должно было случиться пятью неделями раньше. Сотрудник специальной комиссии отправился во Франкенвайлер к виноделу Лиди, у которого в феврале 1968 г. конфисковали пистолет «Шмайсер». Там его ожидал неприятный сюрприз.

Винодел Лиди, посмотрев телевизионную передачу, где население призывалось помочь в розыске пистолета, которым он в свое время владел, еще в конце января напомнил полицеймейстеру Шранцу из Франкенвайлера о конфискованном оружии. Но Шранц, отдавший в прошлом распоряжение об изъятии «Шмайсера» Лиди, не принял это к сведению. Он успокоил винодела, сказав ему, что оружие послано на экспертизу в БКА. А это не соответствовало действительности. Тем не менее сотруднику специальной комиссии невероятно повезло. Оказалось, что винодел сохранил на память пулю от своего «Шмайсера». Ее послали на экспертизу в БКА. Полученный ответ гласил: «Пули калибра 6,35 мм, обнаруженные в караульном помещении в Лебахе, идентичны пулям Франкенвайлеровского пистолета». Стало ясно, что 20 января в ефрейтора Райнхарда Шульца стреляли из пистолета, украденного в суде первой инстанции в Ландау. Обнаружили и вора: Вольфганг Диц, он же д-р Сардо, бывший судебный секретарь в этом суде. Полученные сведения позволили ответить на все остальные вопросы.

У Дица был друг — ровесник — банковский служащий Ганс-Юрген Фукс. В Ландау их называли «парочка». Где Диц, там и Фукс. Неразлучные приятели не изменили себе и в Лебахе.

Следствие столкнулось и с еще одним неприятным сюрпризом: Ганс-Юрген Фукс служил с 1967 по 1968 годы в Лебахском парашютно-десантном батальоне. Склад боеприпасов не составлял для него секрета: Фукс сам не раз охранял его. Во время военной службы Ганса-Юргена исчез пистолет П-38, ставший одним из орудий Лебахского преступления. В свое время Фукс находился под подозрением, однако против него не было улик. Не значился Ганс-Юрген и в документах о странной пропаже оружия. Более того, имя Фукса отсутствовало в списках, которые батальон представил специальной комиссии для проверки солдат.

Да, невероятно легко удаются кражи оружия в бундесвере и других официальных учреждениях! Не меньшее удивление вызывает и чрезвычайно легкомысленное отношение к подобным фактам. Но это еще не все. Выплыла очередная сенсационная новость: пишущая машинка «Олимпия», на которой печатались письма Мюнemannу и в редакции, являлась инвентарной собственностью суда первой инстанции Ландау. Либо Диц изготовил послания еще до налета на склад, либо у него был доступ к машинке уже после совершения преступления. Отсутствие имени Фукса в важных документах 261-го батальона и письма, написанные с целью шантажа, позволили предположить, что преступление было подготовлено заранее.

В поисках следов «парочки» специальная комиссия «Лебах» вышла на третьего члена преступного союза. Им оказался «фаворит» Фукса, зубной техник Гернот Венцель. Он заканчивал военную службу в лазарете в Кобленце. (Преступники не блистали моральной чистотой.) По настоянию Ганса-Юргена Дицу приходилось терпеть соперника.

Но лишь только уголовная полиция решила арестовать Дица и Фукса, бандиты исчезли. Это никого не удивило — «парочка» часто отбывала в неизвестном направлении. Поэтому, отказавшись от дорогостоящих розыскных мероприятий, стали спокойно на месте поджидать приятелей. В Ландау дополнительно послали 30 полицейских. Подъездные шоссе к маленькому городку в Южном Пфальце, насчитывающем 30 тысяч жителей, находились под постоянным наблюдением.

И вот 25 апреля один из постов сообщил о прибытии Дица и Фукса. Голубой «Фиат» остановился перед квартирой Вольфганга, где обоих и арестовали. На допросах первым потерял самообладание Венцель. Он утверждал, что имел лишь смутное представление о готовящемся налете. Он же добровольно выдал тайник, где лежало украденное в Лебахе оружие.

Однако арестом трио — Фукса, Дица и Венцеля — расследование Лебахского уголовного дела об убийстве солдат отнюдь не заканчивалось. Первоначальная версия уголовной полиции о политически мотивированном насильственном преступлении была опровергнута попыткой шантажа финансового маклера Мюнemannа. А вот предположение, что налет задуман как начало серии грандиозных вымогательств и как средство запугивания потенци-

альных жертв, — соответствовало действительности в наибольшей степени.

Так же, как и в других скандальных уголовных делах, в процессе против убийц солдат в Лебахе многое осталось неизвестным. Фукс намеревался изучать психологию, но стал банковским коммерсантом. Мечта Дица — профессия художника-модельера. Однако по настоянию родителей он занялся юриспруденцией. Они встретились еще в годы учебы — в коммерческом училище. А сдружили их общие интересы. Оба презирали лицемерие и жестокость общества. Мещанская атмосфера маленького городка выводила их из себя. Диц и Фукс вместе читали стихи, оба предпочитали классическую музыку, строили фантастические планы о морских путешествиях на яхте и о покупке фермы в Южной Америке.

Эта полная гармония дала трещину, когда Фукс летом 1963 года познакомился с близким по духу Гернотом Венцелем. Служивший тогда в бундесвере Диц, долго не мог пережить измену приятеля. Фукс стал лидером трио, а Венцель и Диц оспаривали его благосклонность. Теперь уже втроем мечтали о яхте и ферме, хотя и понимали, что осуществление их планов стоит больших денег. Моральные соображения в расчет не принимались. И в конечном счете троица пришла к преступлению.

Первый налет состоялся 8 июня 1965 года. Фукс, переодетый женщиной, совершил нападение на городскую и окружную сберегательную кассу в Ландау, где работал служащим до 1962 года. Он ударил главного кассира, но вынужден был бежать без добычи. Кассир умер. Полиция и пресса напрасно разыскивали тогда «светловолосую леди из банка». «Банковская леди» взяла реванш: у своих родителей Фукс украл 2 тысячи марок. А подделанный с помощью Венцеля чек принес еще 1500 марок. На эти деньги оба укатили в Испанию. И уже в феврале 1966 года ограбили один из мадридских музеев — похитили драгоценности и антиквариат на сумму в 40 тысяч марок. С добычей вернулись приятели в Ландау. А Диц помог им сбыть краденое.

Эта троица не раз еще предпринимала дорогостоящие путешествия. Зрели планы новых грабежей. Но Венцель оказался непригодным для такого рода акций. Кроме того, на рождество его призвали на военную службу.

Пока Венцель plombировал солдатам зубы в лазарете, Диц вновь оказался в фаворе у Фукса. Его первым заданием было нападение на гадалку в Париже. Но парень испугался, и налет сорвался. Подобная участь постигла и другие задания такого рода.

1 апреля 1967 года Фукса также призвали на военную службу. Во время несения караула у склада с боеприпасами в Лебахе «лидер» замыслил преступление, которое и осуществил с Дицем 20 января 1969 года.

План тщательно разрабатывался. Вплоть до налета отдельные его детали неоднократно обсуждались и изменялись. В момент

нападения Венцель находился в кобленцском лазарете. Заранее извещенный партнерами по телефону он мысленно желал Фуксу и Дицу удачи. Несколько часов спустя он же помог налетчикам спрятать захваченное оружие в «дупле бука» у деревни Зильц.

Однако троица не собиралась останавливаться на достигнутом, хотя и придавала лебахской операции особое значение. В дальнейшем планировалось провести целую серию вымогательств. Были избраны и первые жертвы: финансовый маклер Мюнеман из Мюнхена, торговец картинами Фридрих Кон из Штуттгарта, торговец почтовыми марками Х. Ц. Швенн из Франкфурта и гадка Бухела из Ремагена. От трех бизнесменов Фукс, Диц и Венцель намеревались получить наличные деньги. Что же касается предсказательницы, то ей была уготована иная роль. Предполагалось, что, похитив ее и вынудив сообщить пикантные подробности из личной жизни высокопоставленных лиц, бандиты смогут шантажировать сильных мира сего.

Несмотря на то, что Фукс, Диц и Венцель полностью признались в совершенных преступлениях, некоторое время спустя они попытались изменить свои показания. Однако попытка все отрицать ни к чему не привела. 7 августа суд присяжных Саарбрюккена приговорил Фукса и Дица к пожизненному заключению. Процесс был показательным и проводился не в здании суда, а в городском Доме конгрессов перед тысячью зрителей. Поданная обвиняемыми кассационная жалоба была отклонена 28 мая 1971 года Верховным федеральным судом ФРГ.

О Фуксе, мечтавшем когда-то стать императором преступного мира, заговорили еще раз в 1974 году. Тогда, в декабре месяце, он участвовал в дискуссии об условиях заключения членов группы «Баадер — Майнхоф». Фукс заявил: «Я, как арестант с опытом длительной, тотальной и оупляющей изоляции, самым решительным образом опровергаю утверждение, что одиночное заключение по существу равносильно уничтожению личности».

А вот слова Юргена Барча из его прощального письма, адресованного стражам тюрьмы Дуйсбург-Хамборн: «Если бы я был не таким, каков есть, и однажды очутился бы среди Вас, то, поверьте мне, из меня вышел бы неплохой служащий!»

ПО ОБРАЗЦУ ФБР

Преступление в Лебахе было не только самым скандальным в послевоенной истории ФРГ, но и самым крупным по участвовавшим в его расследовании силам. В этом смысле его превзошли только операции по розыску террористов в 70-е годы. Но самое главное, лебахское дело послужило толчком для давно

наметившейся тенденции к дальнейшему укреплению полиции. Истинной причиной этого была возросшая во второй половине 60-х годов активность оппозиционных групп, особенно бунтующего студенчества и широких слоев населения, направленная против чрезвычайного законодательства и наступления на демократические гражданские права. Полицейские методы борьбы с демонстрантами и бастующими студентами стали еще более жестокими, все чаще полиция прибегала к насилию. И без того перегруженные делами суды и уголовная полиция вынуждены были направлять все больше сил для борьбы с оппозицией. Вовсю развернулась деятельность ведомств по охране конституции.

В то же время с невероятной скоростью увеличивалось число уголовных преступлений с применением насилия, краж, хозяйственных и половых преступлений. Убийство солдат в Лебахе расследовали на отдельных этапах до 130 сотрудников уголовной полиции одновременно. А ведь это было лишь одно из зарегистрированных в 1969 году 2 217 966 преступлений. Только в период с 1965 по 1969 год преступность в ФРГ возросла почти на 25%, в то время как число раскрытых преступлений снизилось до 51,2%*. Таким образом, каждый второй преступник мог рассчитывать на то, что ему удастся уйти от ответственности. Среди населения росло чувство неуверенности и беспомощности. Политические партии не преминули использовать сложившуюся обстановку в предвыборной борьбе и наперебой обещали избирателям «создать атмосферу безопасности». Так Свободная демократическая партия выдвинула лозунг: «Создать новую базу нашей безопасности», имея в виду прежде всего укрепление и модернизацию полиции.

По инициативе фракции Социал-демократической партии с 1967 года бундестаг стал ежегодно рассматривать отчет о развитии Федерального ведомства уголовной полиции. На 110-й сессии комитета по внутренним делам в октябре 1968 года гамбургский сенатор Рунау потребовал улучшения технической оснащенности БКА и «большей готовности отдельных земель и федерации в целом к небюрократической работе». Это был открытый призыв к дальнейшему расширению полномочий Федерального ведомства уголовной полиции.

Выдвигалось требование предоставить полиции дополнительные ассигнования и оказывать большую поддержку полицейским. Предлагалось также внести изменения в закон о Федеральном ведомстве уголовной полиции. Целиком поддерживая все эти требования, президент БКА Пауль Дикопф демагогически зая-

---

* В настоящее время в ФРГ регистрируется ежегодно уже более 3 млн. преступлений, а раскрываемость колеблется в пределах 42—48%. — *Прим. отв. ред.*

вил: «Полиция не должна быть воспитателем нации, но она не должна быть и козлом отпущения».

Однако общественность отнеслась к подобным призывам с недоверием. Уж слишком часто во время уличных столкновений полиция показывала себя именно «воспитателем нации», который уже не только размахивал дубинкой, но и чуть что хватался за оружие. У всех были свежи в памяти и злодейское убийство западноберлинским полицеймейстером Куррасом беззащитного студента Бенно Онезорга, и десятки других жертв полицейского произвола, и снисходительное отношение судов к полицейским-убийцам. Эти факты уличали Дикопфа во лжи и будили в населении недовольство. Понимая это, партии в бундестаге, как коалиционные, так и оппозиционные, не спешили с решением. В этой ситуации выстрелы в Лебахе были весьма кстати: пули, оборвавшие жизнь солдат, покончили с сомнениями политиков.

Федеральное министерство внутренних дел незамедлительно развернуло пропаганду «пятилетнего плана» по повышению эффективности деятельности Федерального ведомства уголовной полиции и со ссылкой на лебахское дело подчеркивало в прессе необходимость усиления и модернизации полиции, а также расширение ее исполнительской власти. Так, например, газета «Гамбургер абендблатт» писала 16 апреля: «Федеральное ведомство уголовной полиции должно действовать повсюду», а «Франкфуртер альгемайне цайтунг» сообщала в конце мая, что «Федеральное ведомство уголовной полиции необходимо оснастить компьютерами по образцу ФБР». Неделю спустя президент БКА Дикопф под заголовком «Нужно ли нам немецкое ФБР?» писал в «Рейнишер меркур», что «тенденция безоговорочно перенимать зарубежные образцы» будет только мешать борьбе с преступностью «оставаться на почве фактов». Преобразование Федерального ведомства уголовной полиции в немецкие ФБР или Скотланд-Ярд ничуть не облегчит задачи уголовной полиции. Что же касается столь резко критикуемого федерализма, то он не является на деле препятствием, если только не направлен против «необходимой координации руководства борьбой с преступностью». Дикопф объявил о предстоящем изменении закона о БКА и добавил: «В целом уголовная полиция ФРГ прошла только часть пути, который должен подвести ее к главной цели: стать инструментом внутренней безопасности».

И политики, и шефы западногерманской полиции спорили, должно ли ФБР стать крестным отцом предстоящей в ФРГ полицейской реформы. В августе 1969 года федеральный министр внутренних дел Бенда даже заявил, что во многих важнейших областях, как, например, службы розыска, опознания, информации, Федеральное ведомство уголовной полиции давно обогнало ФБР. Но все это были тактические уловки. Когда 19 сентября 1969 года вышел «Закон об изменении закона, учреждавшего

Федеральное ведомство уголовной полиции», стало ясно, что кроен он все-таки по американскому образцу.

С этого времени БКА могло осуществлять свои полномочия не только по указанию федерального министра внутренних дел или ходатайству какого-либо земельного органа полиции, но и по просьбе Генерального прокурора и судебного следователя, ведущего дело. Если преступление затрагивало сферу компетенции нескольких земельных полицейских органов, БКА могло передать общее руководство расследованием в руки одного из них. Был проведен и ряд других мероприятий, направленных на унификацию уголовной полиции: повышение окладов сотрудникам БКА, передача в ведение БКА ряда дополнительных задач. В результате Федеральное ведомство уголовной полиции стало по своей сути федеральной уголовной полицией, находящейся в подчинении правительства, то есть в основном приблизилось к ФБР.

Спустя несколько недель после издания этого закона в правительственном заявлении от 28 октября 1969 года было объявлено о мерах по модернизации и укреплению полиции. Вскоре на рассмотрение бундестага была представлена «срочная программа федерального правительства по модернизации и интенсификации борьбы с преступностью». Согласно этой программе БКА вместо предусмотренных на 1970 год 24,8 миллиона марок должно было получить 38,9 миллиона, а в 1971 году уже 54,2 миллиона вместо запланированных 26,4 миллиона. В дальнейшем ассигнования распределялись следующим образом: 1972 год — 74,3; 1973 год — 68,8; 1974 год — 70,8 миллиона марок. Уже в 1970 году в БКА было решено создать 278 дополнительных штатных мест, в 1971 году — еще 262. На них были переведены в первую очередь 57 сотрудников Федеральной пограничной охраны, которыми была укреплена группа безопасности Федерального ведомства уголовной полиции.

Убийство солдат в Лебахе и большинство других преступлений, послуживших предлогом для этих денежных инъекций, были чисто уголовными делами, без примеси политики. И совершенны они были преступниками, действовавшими, как американские гангстеры. То есть это были совсем не те дела, которыми занимается группа безопасности (политический полицейский исполнительный орган). Но именно этой службе были предназначены особые дополнительные ассигнования. Наряду с крупными капиталовложениями в криминалистическую технику, и особенно в расширение сети фототелеграфов, перестройку картотеки, электронную обработку данных, расширение структуры и штатов, а также модернизация оснащения касались в первую очередь группы безопасности.

Поначалу выдвинутая программа показалась некоторым критикам нереальной. Но спустя всего несколько лет, когда в ФРГ была развернута яростная кампания против террористов и радикальных элементов, программа была вновь расширена в беспри-

мерных для Европы масштабах. Выходит, преступное трио Фукса, Дица и Венцеля сыграло наруку определенным политическим кругам Бонна. Совершенно очевидно, что главной целью расширения полицейского аппарата и связанной с этим тенденцией к централизму было в первую очередь укрепление правительственной власти, а уж только дотом борьба с преступностью. В приступе редкой откровенности это случайно выдал баварский министр внутренних дел Юнкер, заявив: «Вопросы деятельности полиции это вопросы власти. Кто управляет полицией, у того в руках власть». И далее: «Всегда, во все времена централизованная полиция означала власть». Впрочем, внимательному наблюдателю баварский министр не открыл ничего нового.

Этим объясняются и истинные причины разногласия среди представленных в бундестаге партий, которые говорят сегодня одно, а завтра другое по вопросу о полицейском централизме.

Глава 5

УГОЛОВНАЯ ПОЛИЦИЯ ФРГ СЕГОДНЯ

ВКСЕЛЬ ДЛЯ УБИЦЫ

12 января 1970 года около 20 часов 40 минут у ворот виллы на Рейхсвальдаллее в Дюссельдорфе остановился черный «Мерседес» и из него вышел миллионер Теодор Шуберт. В тот же момент с противоположной опушки леса раздались выстрелы в миллионера.

Шуберта тяжело ранили. Пуля из малокалиберного бельгийского многозарядного ружья типа «FN-Тромбоне» пробила живот, задев и распоров в нескольких местах тонкую кишку и раздробив брюшные мышцы. Тем не менее миллионер остался жив.

43-летний Теодор Шуберт был товарищем-распорядителем рейнско-вестфальского общества с ограниченной ответственностью по производству напитков. Мультимиллионер, он был братом не менее богатого владельца крупной пивоварни во Франкфурте — Б. Х. Шуберта, принадлежал к высшему обществу Дюссельдорфа и вел подобающий образ жизни. Женатый во второй раз, увлекающийся женщинами, он на многое закрывал глаза и позволял своей жене немало вольностей.

Мишелин или Минуш, как ее чаще называли, было 33 года. Она была дочерью бельгийской певицы. Со своим первым мужем, американским армейским капитаном, она развелась уже через два года после свадьбы и в 1959 году вышла замуж за Шуберта. Согласно завещанию, она и ее дочь Мишель, появившаяся на свет в 1955 году, являлись наследницами состояния Шуберта.

Супружеская жизнь Шубертов, как уже было сказано, протекала вполне современно. Теодор искал себе подруг преимущественно в обеспеченных кругах, а Минуш уже несколько лет была знакома с Дитером Элленбеком, агентом фирмы по производству модных дамских поясов, который был моложе ее на четыре года. Элленбек, ленивый малый, не был приспособлен к деловой активности. Зато преуспевал как любовник.

Мишель, дочь Минуш, тоже нашла с Элленбеком общий язык. Девушка ненавидела своего отчима, контролировавшего каждый ее шаг. Она гораздо охотнее стала бы падчерицей снисходительного Элленбека, о романе которого со своей матерью

она, конечно, отлично знала, как об этом знала, впрочем, и вся прислуга в доме.

На вопрос Элленбека и Минуш, не лучше ли было бы жить без отца, Мишель отреагировала восторженно. Естественно, было ясно, что Теодор Шуберт так просто не уступит своего места подле Минуш, не говоря уже о том, что вряд ли станет выплачивать своей неверной половине достаточное содержание. Поэтому мысль о разводе совсем не привлекала Минуш. Наследство? Да! Развод? Нет! Таково было ее мнение. Значит, Шуберт должен был умереть. А так как при его отменном здоровье трудно было рассчитывать на естественную смерть, ему решили «помочь».

Три строило фантастические планы, из которых один был отчаяннее другого. Некоторые они пытались реализовать. Так в сентябре 1967 года Элленбек и Мишель хотели убить спящего миллионера электрическим током с помощью пятиметрового кабеля. Мишель гладила дога, спящего в комнате хозяина, в то время как Элленбек подкрадывался к кровати с кабелем в руке. На последнем метре мужество покинуло его.

Спустя несколько недель, в начале 1968 года Элленбек прочитал в газете заметку о японских рыбных блюдах. Там, в частности, говорилось, что одна разновидность рыбы-шара — изысканный деликатес. Надо только уметь ее приготовить. У этой рыбы есть крайне ядовитые части, которые должны быть удалены до приготовления, а это под силу только опытным японским поварам.

Элленбека осенило: смертельное отравление рыбой казалось ему теперь просто идеальным решением проблемы соперничества. Он незамедлительно связался с японским магазином в Дюссельдорфе. Ему доставили две только что привезенные из Японии рыбины стоимостью 229 марок. С этими рыбинами он отправился к японскому повару, и тот показал ему ядовитые части. Дома он вынул их и отдал Мишелю, чтобы она использовала их в приправе. Испугалась ли Мишелю, или ее супруг хорошо переносил яд, остается загадкой. Как бы там ни было, Минуш сообщила своему любовнику, что ее муж чувствовал себя так же прекрасно, как та самая рыба в воде, и не собирался уйти в мир иной.

Тогда Элленбек обратился с тем же предложением к Мишель. Она смешала рыбий яд с супом из овсяных хлопьев. Но Шуберт учуял едкий запах рыбы, обругал производителей овсяных хлопьев, «которых интересует только прибыль» и не притронулся к супу. Он ничего не заподозрил, даже когда обнаружил остатки рыбы в комнате Мишель. Шуберт только распорядился, чтобы выбросили эту дрянь. Раздосадованный напрасной тратой 229 марок, Элленбек начал подозревать, что его Минуш не очень-то стремится избавиться от мужа.

Он ревниво следил за ней, почти каждую ночь появлялся у нее в спальне, и однажды столкнулся там с Шубертом, который

немедленно вышвырнул его. Разгневанный супруг потребовал от Минуш объяснений, и она, всхлипывая, призналась в том, чего уже нельзя было скрывать. А так как у Шуберта не было ни малейшего желания в своем же доме напарываться ежедневно на свои собственные рога, он потребовал от жены обещания прекратить амуры с Элленбеком, наносившие ущерб его положению в обществе. Чтобы Элленбек понял всю серьезность ее решения, Теодор и Минуш по совету домашнего адвоката написали ему по письму. Теодор — грубое, Мишеллин — немного грустное. Едва опустили письма в почтовый ящик, как Теодор отправил жену на лоно природы «подышать свежим воздухом» под присмотром свекрови.

Элленбек и Минуш не виделись два месяца. Затем их роман возобновился. Однако теперь Элленбек избегал бывать в доме Шубертов. Встречи происходили на нейтральной территории. В это время Элленбек пробовал себя в роли самостоятельного коммерсанта и располагал временем. Но уже спустя три месяца он обанкротился, и Минуш вместе со своим состоянием стала ему нужна как никогда. Он снова вернулся к планам убийства. На этот раз надо было действовать наверняка. Решив застрелить Шуберта, он принялся за поиски пистолета с глушителем. В сопровождении Минуш он обошел магазины Брюсселя и Люттиха, но продавцы лишь с сожалением пожимали плечами: пистолет или револьвер — пожалуйста, но без глушителя. Это было запрещено. В декабре 1968 года Элленбек и Мишеллин снова поехали в Льеж купить оружие. Элленбек купил ружье с глушителем и оптическим прицелом. У него не хватило денег, и половину стоимости оплатила Минуш. В ее присутствии он стрелял из ружья по разным целям и, убедившись, что ружье достаточно мощное, стал мысленно готовиться к преступлению. Элленбек не был искусным стрелком, кроме того, он не очень доверял своим нервам, в конце концов ему пришла мысль нанять убийцу. Не обладавший большими способностями в делах, Элленбек, однако, четко усвоил основной закон общества, в котором жил: можно купить все, в том числе и убийство, дело только в цене.

В феврале 1969 года он переехал от жены в собственную квартиру и познакомился с неким Хинценом, который хвастался своими связями в преступном мире Дюссельдорфа. Элленбек понимал, что другого такого шанса не будет и, наконец, предложил Хинцену помочь ему убрать одного человека. Тот не заставил себя долго упрасивать. «Всего» за 40 тысяч марок он был готов оказать Элленбеку эту «маленькую» услугу.

Разумеется, у Элленбека, который был вечно по уши в долгах, такой суммы не было. С другой стороны, в предвкушении шубертовских миллионов плата не казалась ему чересчур высокой. Он принял условие, показал Хинцену виллу и предложил три возможных варианта убийства.

Но Хинцен отверг все три. Наконец, сошлись на том, что

стрелять надо с опушки леса. Готовясь к преступлению, Хинцен упражнялся в стрельбе из ружья Элленбека. Договорились также, что Хинцен будет ждать сигнала Элленбека к действию. Кроме того, он должен был получить 10 тысяч марок в виде аванса.

Хинцен подождал несколько недель, потом отыскал своего «заказчика», чтобы поторопить его. Однако Элленбек был как всегда на мели.

Чтобы удержать Хинцена, он все же дал ему задаток в виде одежды на сумму 600 марок. Этот тип взял вещи и тут же забыл о деле. Обанкротившийся «хозяин» больше не интересовал его. Тогда Элленбек попытался привлечь одного из приятелей Мишель. Тот в принципе был готов застрелить человека за 20 тысяч марок, но отказался, услышав имя жертвы. Для собственной перестраховки он рассказал Минуш о плане ее любовника. Мишелиф Шуберт восприняла известие совершенно спокойно.

В начале 1970 года в дюссельдорфском «Клубе 69» Элленбек познакомился с очередным кандидатом в убийцы — 26-летним Феликсом Кампхаузенном. Их свел владелец бара, знавший о том, что Элленбек ищет «киллера». Феликс Кампхаузен, сын кадрового военного, уже в детстве был далеко не святым. В конце концов он был отправлен в исправительный дом на принудительное воспитание. Вскоре он сбежал оттуда и начал болтаться без всяких занятий. Впоследствии, когда он уже не впервые отбывал срок за различные кражи, он прославился как мастер побегов. Выйдя из тюрьмы, Кампхаузен с еще большим усердием взялся за воровское ремесло, специализируясь на угоне автомашин.

В 1967 году он женился на проститутке Фрей и открыл для себя новый источник доходов как сутенер. Его жена должна была «добывать» ему ежедневно не менее 300 марок, которые он потом растрчивал в барах. Кроме того, Кампхаузен любил дорогие машины, которые он менял, как костюмы.

Наконец, он стал еще и членом хорошо организованной воровской банды. Проникая в подведомственные бургомистру учреждения, он крал формуляры и служебные печати, которые затем использовались для продажи краденых автомобилей.

Вот этого-то негодяя Элленбек и посвятил в свои планы. Поразмыслив, Кампхаузен потребовал гонорар 50 тысяч марок. Элленбеку стало не по себе. Он робко признался, что способен заплатить самое большее 20 тысяч марок. Кампхаузен скорчил презрительную мину и собрался уйти, как вдруг Элленбеку пришла на ум фантастическая идея. Если можно купить в кредит машину, почему бы не купить в кредит и убийство? Он немедленно предложил Кампхаузену заплатить 20 тысяч наличными сразу после убийства и 30 тысяч марок векселями, которые можно будет выкупить, как только все состояние Шуберта окажется в руках Элленбека. Кампхаузен согласился.

Вслед за этим Элленбек приобрел книжку с вексельными формулярами, выписал шесть векселей по 5 тысяч марок каждый и обещал после убийства передать их акцептированными Кампхаузену.

Убийца делал необходимые приготовления. Он изучил ружье, предложил купить какую-нибудь сумку, чтобы можно было немедленно перевезти его, и обсудил со своим «хозяином» все малейшие детали. Элленбек рассказал обо всем Мишелин и назвал ей точное время. Минуш была не в восторге от такой спешки. Она попросила отложить дело, пока ее дочь, приехавшая погостить домой из интерната, снова уедет.

Операция была назначена на четверг, 8 января 1970 года. Элленбек на такси доставил Кампхаузена и его приятеля «Анжело» Ортица к вилле, но оказалось, что они опоздали. Шуберт уже подъехал, и для убийства не осталось времени.

На следующий вечер Элленбек заранее привез убийцу к месту преступления, на опушку леса напротив виллы, и уехал обратно в город. Кампхаузен и Ортиц коротали время, делая пробные выстрелы. При этом 25 из 26 патронов дали осечку. Решили отложить убийство, чтобы приобрести новые боеприпасы. Договорились на 12 января.

Вечером этого дня около 19 час. 30 мин. Элленбек позвонил Минуш и спросил, когда ее муж придет домой. На этот раз опоздал Шуберт. Около 20 час. 40 мин. он, наконец, подъехал. Когда он вышел, чтобы открыть ворота, раздались выстрелы. Две первые пули отскочили от ворот, третья попала Шуберту в живот, и он упал перед машиной. Убийцам была видна только его голова. Кампхаузен сделал еще десять выстрелов, которые, однако, не достигли цели.

Миллионер звал на помощь. Преступники бросились бежать в лес. Их никто не видел. Когда они добежали до своей машины, оставленной на соседней улице, и поехали по направлению к городу, им навстречу уже мчался полицейский автомобиль.

Шуберта отвезли в больницу и немедленно оперировали. Уголовная полиция обследовала место преступления и допросила прислугу. Личная секретарша миллионера указала на Элленбека и его интимную связь с Мишелин Шуберт. Вслед за этим допросили Мишелин. Она откровенно призналась в связи с Элленбеком.

Она также сказала, что Элленбек не раз угрожал отравить ее кислотой или убить, если она не разведется с мужем. Тем не менее к убийству он совершенно непричастен, за несколько часов до происшествия они были вместе, и она не заметила ничего подозрительного.

Несмотря на это, Элленбек был все же доставлен в управление уголовной полиции для допроса. Он, очевидно, на это рассчитывал и сейчас же представил алиби. Оно было настолько неуязвимым, и он сходу смог назвать столько свидетелей, что у сотрудников полиции возникло подозрение и они приказали

обследовать его одежду. На перчатках и рукавах кожаной куртки были обнаружены следы пороха, но Элленбек утверждал, что последний раз стрелял из оружия несколько лет назад, будучи солдатом бундесвера. Все это давало достаточно оснований для его ареста. Тут ударилась в панику Мишеллин Шуберт. Озабоченная тем, что ее возлюбленный может обвинить и ее, она сама пошла в полицию и заявила о покупке оружия в Льеже. О том, что из этого ружья собирались убить ее мужа, она, по ее словам, ничего не знала. Но когда раздались первые выстрелы около виллы, она подумала, что Элленбек мог иметь к этому какое-то отношение. Подозреваемому были незамедлительно предъявлены эти показания. Элленбек не хотел верить, что Минуш так подло предала его, и полиции пришлось предъявить ему показания, подписанные самой Мишеллин. Когда Элленбек, наконец, понял, что его не обманывали, он рассвирепел и подробно обрисовал роль Мишеллин Шуберт в этом заговоре, а также активное участие ее милой доченьки. Элленбек ничего не упустил: ни первых неумелых попыток убийства, ни покупки оружия, ни поисков наемного убийцы. Вот тут-то сотрудникам полиции пришлось спуститься с облаков на землю. Они не имели ни малейшего понятия о существовании таких убийц и считали, что стрелял сам Элленбек. Его признание показалось им настолько фантастическим, что они отказывались верить. Убийца за деньги в ФРГ? Это уж слишком! В конце концов они же не в Чикаго!

Уголовной полиции ФРГ до сих пор было известно больше десятка случаев, когда за спиной убийцы стоял «хозяин». Наемное убийство давно уже не было сенсацией, даже когда речь шла об обычном преступлении, не говоря уже о покрытой мраком деятельности империалистических разведывательных служб. Но до сих пор дело обстояло, безусловно, по-другому. Здесь же в покушении на Шуберта они впервые встретились с тем, что «заказчик» и исполнитель до заключения договора друг друга вообще не знали и вступили в чисто коммерческие отношения с целью убийства, соблюдая присущие торговой сделке операции, такие, как условия оплаты и отсрочка оплаты.

Заместитель шефа дюссельдорфской уголовной полиции Шульц-Изенбек находил настораживающим и тот факт, что в ФРГ «о таких вещах уже можно говорить публично, не боясь, что на тебя донесут или по меньшей мере засмеют». Но особенно удивляться тоже не приходилось: можно же в ФРГ публично и даже на глазах полиции восхвалять Гитлера и других преступников, призывать в лозунгах к убийству коммунистов и воздавать почести таким эсэсовским палачам, как Каплер, не боясь быть привлеченным к ответственности или помещенным в сумасшедший дом.

Поскольку уголовная полиция поначалу не хотела верить Элленбеку, у Кампхаузена и Ортица оказалось достаточно времени для побега. В то время как полиция еще обследовала место

преступления, Кампхаузен встретился с Элленбеком в кафе на Дюссельдорфер Кенигсallee. Кампхаузен хотел получить «заработанные» деньги, но Элленбек, знавший о состоянии дел из телефонного разговора с Минуш, платить отказался, ведь Шуберт был еще жив. Только когда Кампхаузен пригрозил «отделать» его еще основательнее, чем миллионера, Элленбек пообещал выполнить свои договорные обязательства. В любом случае, требуемой суммы у него с собой не было, поэтому они поехали к жене Элленбека, которая одолжила своему мужу 20 тысяч марок. Остальную часть суммы Элленбек обещал Кампхаузену выплатить на следующий день векселями. Соучастник Кампхаузена Ортиц между тем бросил оружие в Рейн. Оба сочли необходимым на время уехать из Дюссельдорфа.

Когда уголовная полиция начала наконец верить Элленбеку, убийцы, снабженные фальшивыми документами, уже давно укрылись во Франкфурте-на-Майне. Полиция организовала крупную операцию по розыску, которая вызвала значительное беспокойство в преступном мире Дюссельдорфа и Франкфурта. Частые облавы и проверки отпугивали клиентуру проституток и сутенеров, так что они сами были заинтересованы в поимке Кампхаузена и Ортица. Сотрудники полиции учли этот психологический эффект и поэтому несколько не были удивлены, когда 18 февраля из воровских кругов поступил донос на обоих разыскиваемых. Их взяли внезапно в одной франкфуртской квартире, совершенно ошеломленных и потому не способных к сопротивлению.

Спустя два года, 17 февраля 1972 года дюссельдорфский суд присяжных начал судебный процесс. Мишелин Шуберт, временно арестованная на основании показаний Элленбека, но оказавшаяся снова на свободе благодаря полумиллионному залугу, получила 2 года 10 месяцев лишения свободы условно. Ее лучшим защитником был сам Теодор Шуберт. Он не только дал поручительство для ее освобождения, но и организовал в прессе шумную кампанию в ее защиту.

Дитер Элленбек, как подстрекатель убийства, был приговорен к 6 годам лишения свободы, но уже через 4 года досрочно освобожден из заключения.

Кампхаузен, которого суд признал убийцей, был осужден на пожизненное заключение. На процессе он пытался защищаться, заявляя, что не хотел убивать Шуберта, и поэтому намеренно стрелял мимо.

30 декабря 1974 года западногерманская пресса сообщила, что Феликс Кампхаузен бежал из тюрьмы Дюссельдорф-Дерендорф, где он отбывал наказание. Полиция срочно приняла меры предосторожности в отношении Мишелин Шуберт. Под охраной был и Элленбек. Между тем Кампхаузен и не собирался мстить им. Он явился к адвокату Босси, заявил, что сам скоро предстанет перед полицией и что убежал только потому, что ему отказывали в каких бы то ни было уступках и охраняли строже,

чем террористов из группы Баадер — Майнхоф*. 10 января 1975 года радио ФРГ сообщило, что беглый Кампхаузен пойман полицией. На этом дело Шуберта было закончено. Но отнюдь не закончились убийства в высших кругах западногерманского общества. Здесь по-прежнему время от времени убивают.

Иногда миллионеры убивают даже собственноручно. Так, к примеру, 29 августа 1958 года гамбургский финансовый и нефтяной магнат Герберт Гердтс застрелил свою жену и тещу. Суд установил, что «обвиняемый действовал намеренно, коварно, из низких побуждений». Тем не менее Гердтс отделался пятнадцатилетним заключением, хотя западногерманский уголовный кодекс при такой квалификации преступления предусматривает пожизненное заключение. Суд принял во внимание некоторую психическую неуравновешенность Гердтса. 16 сентября 1968 года фабрикант Карл Хас из Вехтерсбаха застрелил своего брата, который был старше его на 9 лет. Ему показалось, что тот обошел его при разделе наследства.

В начале ноября 1970 года графиня Диана цу Эльц заколола своего любовника португальца Родригеса душ Райса у входа в кафе в Мюнхене. Она также нашла мягких судей, которые приговорили ее лишь к трем с половиной годам тюрьмы. К тому же вместо реального наказания оно было условным. В конце концов, действительно не очень удобно помещать в камеру представительницу старого аристократического рода, чье феодальное поместье изображено на 500-марковом банкноте ФРГ.

СМЕРТЬ ВЛАДЕЛИЦЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА

На третьем этаже дома № 14 на Бисмаркштрассе в Брауншвейге жила вдова Хеллга Эккенсбергер. Она была очень богата, капризна и избалованна, жила довольно замкнуто, встречаясь только с немногочисленными знакомыми и компаньонами. Ее мировоззрение сводилось к простой формуле и отражало взгляды эксцентричной женщины, которая прошла путь от обыкно-

-----
* Баадер и Ульрика Майнхоф — идеологи и организаторы террористов «левацкого» направления, совершившие множество террористических актов якобы для «борьбы с существующей в ФРГ властью». Борьбу с «террористами-леваками» реакционные круги империалистических государств используют для преследования коммунистов и других демократически настроенных людей, ничего общего с «леваками» не имеющих. — *Прим. отв. ред.*

венной барменши до владелицы издательства — миллионерши, и теперь собиралась насладиться своим богатством.

Поэтому она была против участия профсоюзов в управлении ее предприятием и боялась, как бы у ее служащих не пробудилась классовые интересы. В остальном она не очень интересовалась политикой, экономикой, как, впрочем, и своим издательством. Для этого существовали служащие. Если фрау Эккенсбергер мучила боль в позвоночнике или душевные переживания, она запиралась в четырех стенах, чтобы у телевизора, за бутылкой вина поразмыслить о смысле богатства и о своем одиноком вдовьем существовании. В Брауншвейге она задерживалась ровно на столько, сколько этого требовали ее дела. Раньше она жила в гостинице, но затем строительный подрядчик и временный председатель наблюдательного совета Бодо Шинцель предоставил ей квартиру на Бисмаркштрассе. Табличка с его именем все еще оставалась на двери. Она не отдала распоряжения заменить эту табличку, так как те, кто хотел ее навестить, находили ее и без этого.

В Брауншвейге фрау Эккенсбергер не любила задерживаться. Она предпочитала жить в своей парижской квартире или в загородном поместье с виноградниками на Луаре, в Касабланке, Флоренции и других, не менее прекрасных уголках этого мира. Далекая от деловых разговоров, овеванная духом изысканной беспечности, она наслаждалась жизнью и своими миллионами в обществе болонки Пюппелинхен. Вдовой она была только семь лет. Умерший в 1966 году супруг оставил ей, наряду с роскошной квартирой в Париже и замком с виноградниками на Луаре, 60% доли в газете «Брауншвейгер цайтунг», которая приносила ежегодно около 10 миллионов марок дохода.

Рыжеволосая, очень недурна собой, эта бывшая буфетчица осталась одинокой всего в пятьдесят лет, к тому же ее окружал притягательный ореол прежней, наполненной приключениями жизни барменши. Одним словом, фрау Эккенсбергер представляла собой весьма привлекательную партию во всех отношениях. Полному счастью мешало однако досадное обстоятельство: вдова не могла снова выйти замуж, не потеряв долю участия в газете, что составляло большую часть унаследованного ею состояния. Таково было завещательное распоряжение покойного мужа.

Ганс Эккенсбергер был в свое время служащим газетного издателя Фойгта. Во времена нацизма Фойгты, жившие тогда в Дрездене, издавали в Брауншвейге три газеты, в которых неизменно рьяно пропагандировали идеи фюрера «Великой Германии». После разгрома гитлеровской Германии бригадные оккупационные власти оставили им типографию Лимбах, но отказали в лицензии на издание газеты. Тогда этой лицензии добился их служащий Ганс Эккенсбергер. В то время он был женат на еврейке, что в глазах оккупационных властей доказывало его антифашистские настроения, поэтому он без особого труда получил соответствующее разрешение. Эккенсбергер был

далек от мысли припоминать Фойгтам их коричневое прошлое. Заключив со своим бывшим шефом договор, он стал печатать газету «Брауншвейгер цайтунг», затем передал им пятую часть доли в газете, получив за это пятую часть доли в типографии Лимбах. Так возникло газетное издательство «Эккенсбергер и К°».

Эккенсбергер владел 60%, его семидесятилетняя сестра и Фойгты имели по 20% от суммы капитала. В июле 1961 года был заключен договор, который фиксировал право преимущественной покупки доли Эккенсбергера Фойгтами. Согласно договору, после смерти Эккенсбергера его вдова, в случае повторного брака, должна была уступить Фойгтам унаследованную долю, оцененную в 60 миллионов марок, всего за 2 с половиной миллиона.

Таким образом завещание связывало вдову по рукам и ногам. Был ли Эккенсбергер обманут Фойгтами или он, как позднее писала газета, действительно всегда считал себя только их «регентом» в «Брауншвейгер цайтунг», осталось тайной. Ясно одно: братья Арндт и Хеннинг Фойгт как в случае смерти вдовы, так и в случае ее повторного брака оказывались в огромном выигрыше. Умирать вдова не собиралась, а вот о замужестве подумывала, так что этот договор был ей просто бельмом в глазу. Вполне понятно, что она мечтала как-то избавиться от него. В решении этой проблемы поддержку, по крайней мере моральную, ей оказывал проживавший в Лондоне французский барон Октав де Жюньяк. Барон был не только интимным другом вдовы и возможным кандидатом в мужья, но и советчиком в ее обширных делах. Итак, Фрау Эккенсбергер никак не удавалось отделаться от тяготившей ее статьи договора, а Фойгты не собирались ни в чем уступать. Арндт Фойгт заявлял, в частности, что если вдова снова выйдет замуж, в выходных данных немецкой газеты может появиться иностранное имя. Конечно, «истинные арийцы» Фойгты не могли потерпеть такого кощунства.

Отношения между вдовой, стремившейся вступить в новый брак, и ее компаньонами были таким образом весьма напряженными, хотя внешне все выглядело вполне пристойно.

В 1969 году фрау Эккенсбергер подписала документ, который в случае ее смерти предоставлял ее другу и советчику по финансовым вопросам де Жюньяку широкие полномочия в отношении ее состояния.

В завещательном распоряжении она, как главная наследница, основывала благотворительный фонд в районе распространения «Брауншвейгер цайтунг», не считая ровно двадцати отдельных легатов. Де Жюньяку она завещала единократное безналоговое пособие в сумме 3 миллионов марок, а главному редактору «Брауншвейгер цайтунг» 200 тысяч марок. Еще с десяток людей должны были получить месячные пособия до 500 марок. Не забыла она и своего приятеля Шинцеля. Ему предлагалось купить

«по дружеской цене» замок с винодельческим хозяйством на Луаре.

Большую часть своего состояния фрау Эккенсбергер депонировала в иностранных банках. Неясно было, что считать ее главным местом жительства: Францию или ФРГ. В зависимости от ответа все вопросы по ее наследству и налогообложению должны были решаться либо в соответствии с французскими, либо в соответствии с западногерманскими законами. В завещании вдова оставила это без внимания. Кроме того, ей, видимо, казалось, что завещание надо изменить. Во всяком случае позднее было установлено, что она планировала новый вариант своего волеизъявления.

Изменение завещания должно было произойти 15 декабря 1973 года в Париже. Но к этому времени фрау Эккенсбергер была мертва.

В пятницу, 26 октября 1973 года вдову еще видели живой и, кроме того, она в этот день говорила по телефону с бароном, что засвидетельствовал шеф издательства газеты «Брауншвейгер цайтунг» Ульрих Фелькель. Около 18 часов 30 минут он договорился с ней о встрече в следующий понедельник. Фрау Эккенсбергер сказала ему также, что хотела провести выходные дни в Мюнхене, но ее опять стали беспокоить боли в позвоночнике и она решила остаться дома. Она велела включить телевизор в спальне, а позвонившему из Лондона барону де Жюньяку доверительно сообщила, что вечером к ней зайдет ее хороший друг Джон. Этот Джон, о котором вдова часто и охотно говорила своим знакомым, был поистине мистической личностью. Позже, когда шло расследование, никто не смог сказать, как выглядел этот человек. Джон, он же Коллинз, он же Кормак, он же Корнингс, Каммингем, Зиверс и так далее состоял по слухам на службе в американской разведке и был правительственным чиновником. Вдова говорила, что он венгерский эмигрант и персона нон-грата во многих европейских государствах. У Джона часто были какие-то сверхсекретные дела в ФРГ.

Судя по всему, эта таинственная личность, известная под дожиной имен, всеми силами старалась избегать знакомых вдовы. Во всяком случае, никто из них ни разу его не видел.

Однажды фрау Эккенсбергер хотела представить его своей подруге детства из Дюссельдорфа и взяла ее с собой в отель «Хилтон», где Джон назначил ей свидание. Но ее законспирированный приятель не пришел на встречу. Некоторые знакомые фрау Эккенсбергер считали его плодом фантазии стареющей женщины, однако у них было так же мало доказательств того, что его не существует, как у других не было доказательств, что он есть на самом деле. Был ли этот Джон реальной фигурой, и какую роль играл в жизни вдовы, так и не удалось выяснить, как, впрочем, и многое другое в этом таинственном случае. Защита впоследствии пыталась доказать, что он является реально существующей личностью и каким-то образом замешан в

смерти вдовы, но не нашла никакого отклика ни у прокурора, ни у суда.

Неясной осталась и роль тогдашнего начальника отдела Федеральной разведывательной службы (БНД) Рихарда Майера, он же Мантей. Фрау Эккенсбергер, по словам ее знакомых, живо интересовалась всем, что было связано с секретными службами, и хранила вырезанные из газет фотографии Майера. Между тем Майер сделал карьеру и сменил шефа Федерального ведомства по охране конституции доктора Ноллау на его посту, что, конечно, не имело никакого отношения к фрау Эккенсбергер, но говорит о незаурядном уме этого человека, категорически заявившего на суде, что он не знает ни мифического Джона, ни самой фрау Эккенсбергер. Его слов оказалось вполне достаточно, чтобы убедить судей, что никакого Джона не было и нет. В чем бы ни заключалась разгадка тайны, бесспорно одно: прокурор и суд поспешили поддержать показания Майера и сделали все от них зависящее, чтобы репутация разведслужб осталась незапятнанной. Непосвященным крайне редко удастся заглянуть в их святая святых, и только благодаря болтливости бывших руководителей ЦРУ, узнаешь из достоверных источников, на какие преступления способны секретные службы, как нагло и беззастенчиво они лгут и лицемерят в случае необходимости. Возможно, дело вдовы Эккенсбергер было именно таким случаем.

Но вернемся к 26 октября 1973 года. Итак, фрау Эккенсбергер не поехала в Мюнхен. Встретилась ли она с Джоном, как говорила барону, или с кем-то другим, это так и осталось невыясненным, как вообще все, что случилось в тот вечер на Бисмаркштрассе, 14. На следующий день, в субботу, 27 октября Хеннинг Фойгт позвонил из курортного местечка Фалькенштейн в горах Таунус шефу издательства Фелькелю в Брауншвейг и просил передать фрау Эккенсбергер, которой он не мог дозвониться, что не приедет к ней в понедельник. Через несколько часов Хеннинг Фойгт снова позвонил, чтобы узнать, передал ли Фелькель его просьбу. Оказалось, Фелькель тоже не смог дозвониться вдове. В воскресенье Фойгт позвонил в третий раз. Он был рад, что Фелькель еще не отменил его встречу, поскольку у него появилась возможность навестить фрау Эккенсбергер.

В понедельник, 29 октября фрау Эккенсбергер все еще не поднимала телефонную трубку. Не отвечала она и на звонки в дверь. Окна квартиры были открыты, и двое обеспокоенных служащих издательства сумели проникнуть в квартиру, чтобы посмотреть, в чем дело. Они нашли мертвую фрау Эккенсбергер, лежащую на полу, прислоненную головой к софе. Служащие связались с руководителями издательства, а те позвонили в уголовную полицию.

Когда прибыл обермайстер брауншвейгской уголовной полиции Шютте, в квартире было полно людей, среди них шеф издательства Фелькель и хозяин квартиры Шинцель. Обермайстер несколько растерялся. Это был всего лишь пятый или шестой

случай убийства в его полицейской практике, и Шютте боялся, что ему не хватит опыта, поэтому он предусмотрительно привлек к делу опытного гауптмайстера Хойера. Сотрудники уголовной полиции, пораженные богатством квартиры и кругом знакомых умершей, не нашли ничего подозрительного при осмотре. Им казалось, что все свидетельствует о внезапной естественной смерти вдовы, поэтому они не стали тщательно осматривать квартиру и ограничились поверхностным опросом присутствующих. В соответствии с установленным порядком труп был отправлен на вскрытие, а ключ от квартиры взят на хранение. Это было скорее формальностью, чем осмотрительностью, и когда спустя несколько дней в Брауншвейг приехал барон де Жюньяк, гауптмайстер весьма любезно разрешил ему навести порядок в бумагах покойной, взять с собой некоторые фотографии и золотую цепочку. Предупредительный полицейский даже не потребовал от барона расписки.

Только 2 ноября уголовная полиция Брауншвейга взялась наконец за дело. В заключении медицинской экспертизы отмечались следы на шее мертвой, которые говорили о том, что она была задушена, ушибы на лице и руках, переломы подъязычной кости и гортани. Труп довольно долго пролежал в теплой комнате, это ускорило процесс разложения, поэтому точно определить, когда наступила смерть, было невозможно. Зато сам факт убийства не вызывал теперь никаких сомнений. Судя по всему, фрау Эккенсбергер оказывала преступнику сопротивление.

Брауншвейгская комиссия по расследованию убийства дала распоряжение о немедленном тщательном обследовании места преступления. Но, как и следовало ожидать, все следы были за это время уничтожены.

Многое в этом деле представлялось загадочным. С самого начала встал вопрос, как смог убийца проникнуть в квартиру на третьем этаже. Фрау Эккенсбергер была очень осторожна, и дверь в ее квартиру была всегда заперта на несколько замков. Посетитель сначала называл себя в переговорное устройство внизу, потом у двери квартиры и лишь после этого ему открывали дверь. Если и в день убийства дверь была заперта, значит вдова сама впустила убийцу. Тогда следовало искать преступника среди ее знакомых. Но если дверь не была на цепочке, ее могли открыть отмычкой.

На убитой было уличное платье, но в последнее время вдова носила дома только халат, даже когда принимала гостей или вела деловые переговоры. Почему именно в тот день она отступила от этого правила? Возможно, она как раз собиралась выйти из дома? Может быть, кто-то хотел выманить ее на улицу? Или таинственный Джон назначил ей свидание? Необычным было и то, что преступник взял два дорогих платиновых кольца, стоившие около 650 тысяч марок, которые вдова постоянно носила, а гораздо более дорогой бриллиантовый браслет, стоимостью почти 4 миллиона, оставил. Наконец, непонят-

ным было поведение Хеннинга Фойгта. Трижды звонил он Фелькелю по поводу своей встречи с вдовой, а в последний раз передал, что все-таки приедет к ней, но так и не появился. Может быть, он уже в понедельник утром, то есть раньше других, знал, что она убита?

Итак, загадка за загадкой. Уголовной полиции было над чем подумать. Обнаружено множество улик, допрошены десятки свидетелей, а в результате лишь новые и новые вопросы. Чтобы допросить де Жюньяка, пришлось обратиться в Скотланд-Ярд: барон не желал ехать в ФРГ. Один из следов вел в семью Фойгтов, которая, как известно, имела наибольшую выгоду от смерти вдовы.

В то время как уголовная полиция разгадывала загадки этого дела, в двухстах километрах к северу от Брауншвейга одна девушка внимательно следила за сообщениями прессы о расследовании убийства вдовы издателя. Урсула Винклер из Траппенкампа близ Бад-Зегеберга (Шлезвиг-Гольштейн), никогда раньше не слышала о фрау Эккенсбергер, но ей казалось, что она знает, кто убил эту женщину. В пятницу, 26 октября, около 22 часов ей позвонил ее приятель Фолькмар Вейльгун, предупредил, что скоро зайдет, и через три с половиной часа появился. Они приятно провели время, чему немало способствовали 5 тысяч марок, которые Вейльгун одолжил своей подруге, и бутылка виски. Ночь промелькнула незаметно. Около шести часов утра Фолькмар собрался уходить. Он доверительно сказал Урсуле, что ему срочно нужно кое-что «разведать» в Брауншвейге и очень боялся, что его там заметят и узнают. Урсула предложила ему свой скромный «жучок»-«Фольксваген», который не так бросался в глаза, как его «Мерседес 220». Приблизительно в 15 час. 30 мин. Фолькмар вернулся в Траппенкамп. У него был очень растерянный вид, и он не сразу ответил на расспросы обеспокоенной Урсулы. В конце концов он признался, что у него что-то не вышло, обернулось не так, как должно было быть. Единственное утешение, что теперь со всем этим покончено одним разом.

Спустя какое-то время он добавил, что там, куда его послали, кто-то был, хотя его заверили, что никого не будет. Он вдруг услышал сзади шаги и ударил не глядя. Ведь его ни в коем случае не должны были узнать. Ударом он сбил с ног пожилую женщину, которая вскоре пришла в себя и подняла крик. Тогда он прижал к ее лицу какую-то подушку и убежал. Урсула спросила, задушил ли он женщину. Фолькмар оторопел, очевидно, охваченный страхом. Но о том, что его опознают, он еще не задумывался. Потом он позвонил своей жене в Мюнхен и секретарше шефа в Фалькенштейн. Около 16 час. 30 мин. он простился с Урсулой и уехал.

11 ноября 1973 года Урсула Винклер пошла в полицию и рассказала все, что ей было известно. Эти показания были пере-

даны в уголовную полицию Брауншвейга, которая немедленно отдала приказ об аресте Вейльгуна.

Австрийский подданный Фолькмар Вейльгун жил после войны в Дрездене, где привлекался к суду за нарушения таможенных правил. В 1972 году он переехал в окрестности Мюнхена. Еще в 1966 году он познакомился с Хеннингом Фойгтом, совладельцем «Брауншвейгер цайтунг» и генеральным уполномоченным издательства «Эккенсбергер и К°». Хеннинг Фойгт жил в Фалькенштайне и вел исключительно разностороннюю деятельность как коммерсант. Он торговал буквально всем, начиная с конторских машин и мусорных контейнеров и кончая итальянской обувью и земельными участками в Испании.

При его посредничестве западногерманский завод по производству вертолетов установил деловые связи с Израилем. Он финансировал разработку новых двигателей, владел холодильным комбинатом и значительным по величине чартерным флотом, не пренебрегал торговлей бриллиантами и изделиями из них. Все свои дела Фойгт по обыкновению вел со своей виллы в Фалькенштайне или из мюнхенского бюро.

Когда Вейльгун переехал в ФРГ, Фойгт помог ему обосноваться на новом месте. Сначала Вейльгун работал у него представителем командитного товарищества по продаже конторских машин в Мюнхене, затем также по рекомендации Фойгта в фирме, производящей мусорные контейнеры в Альгое, и, наконец, занялся куплей и продажей украшений. В доме Фойгтов он играл роль мальчика на побегушках: возил на машине старую мать Фойгта, следил за строительными работами, выполнял поручения конфиденциального характера. В конце концов он настолько вошел в доверие семье, что стал совершенно своим человеком и даже имел свою комнату в их вилле. Среди прочих дел он осуществлял серьезные операции по продаже драгоценностей Фойгтов. Так, однажды Фойгт передал ему для продажи кольцо с изумрудом стоимостью в 800 тысяч марок. В другой раз Вейльгун устроил для Фойгта продажу бриллианта ценой в 3 миллиона марок. Компаньону Фойгта в Западном Берлине он передал как-то 800 тысяч марок наличными. Короче, Фойгт хорошо понимал, чего стоит Вейльгун, а тот, в свою очередь, не забывал, чем он обязан своему покровителю. Поэтому попытки Фойгта убедить уголовную полицию, что его отношения с Вейльгуном самые поверхностные, вызвали естественное подозрение.

В пятницу, 26 октября Вейльгун как обычно находился на вилле Фойгтов. Ничего не говорило о том, что у него какие-то особые планы на уикэнд. Фойгт утверждал впоследствии, что когда Фолькмар решил уехать, это было для него неожиданностью. Вейльгун попросил и получил от Фойгта ссуду (или это был аванс?) в 2 тысячи марок и после ужина, приблизительно в 20 часов, укатил на своем «Мерседесе».

25 ноября на основании показаний Урсулы Винклер Вейль-

гун был арестован. Ему предъявили обвинение в убийстве. В ответ он не сказал ни слова. Упорное молчание продолжалось восемь дней. Только 3 декабря Вейльгун заговорил. Однако заносить его показания в протокол сотрудники уголовной полиции не решились. Он подтвердил все, что сказала Урсула Винклер. В квартире фрау Эккенсбергер он был застигнут врасплох, ударил вслепую, женщина начала кричать, он зажал ей рот не-то подушкой, не-то мягким валиком. Но в его показаниях было и немало неожиданного для полиции. Во-первых, получалось, что Вейльгун открыл дверь ключом. Что он там искал, от кого получил ключ и почему думал, что там никого нет, — Вейльгун не говорил.

Во-вторых, выходило, что он проник в квартиру не с целью ограбления. Платиновые кольца и 2 тысячи марок наличных, о краже которых до сих пор никто не знал, он взял только для того, чтобы создать видимость ограбления. Ценный бриллиантовый браслет он заметил, но не стал брать. Кольца спрятал в Хофольдингерском лесу. Через два дня после этих показаний он привел полицию к тайнику. Кольца были спрятаны в коробочке из-под шоколада, которая лежала под буком, слегка присыпанная листвою и хвойными иголками. Вряд ли Вейльгун, который отлично знал цену этим вещам, «спрятал» бы драгоценности таким образом, если бы похитил их для себя.

И, в-третьих, 27 октября он сжег свое синее пальто на площадке для отдыха на автостраде, чтобы уничтожить возможные следы. На месте, им указанном, полиция действительно обнаружила обуглившиеся остатки пальто.

Итак, было ясно, что Вейльгун ударил и, по-видимому, убил вдову, причем его описание мало совпадало с заключением анатомов, в котором говорилось о попытках удушения и переломах подъязычной кости и гортани. Либо Вейльгун не сказал всей правды полиции и своей подруге, либо ошиблись анатомы.

Не исключена была и третья возможность. Кто-то другой мог завершить то, что начал Вейльгун. Выяснить это так и не удалось. Вейльгун наотрез отказался назвать мотив преступления и тех, по чьей указке он действовал. Сколько полиция ни билась, он упорно молчал.

Незадолго до процесса, в ноябре 1974 года, генеральный прокурор Брауншвейга Кинци заявил: «Конечно, он (Вейльгун — Г. Ф.) действовал не по своей воле. Можно быть уверенным на 51%, что за ним стоит «хозяин». Кому-то была нужна эта «разведка». Такое впечатление подкрепляли и некоторые осторожные намеки Вейльгуна. Но кто был этот невидимый «дирижер», так и осталось тайной. Уголовная полиция тоже первоначально исходила из предположения о существовании некоего подстрекателя. Это мог быть, к примеру, кто-то из семьи Фойгта. Ни для кого не было секретом, что фрау Эккенсбергер и семья Фойгт всегда жили как кошка с собакой. Это подтвердили и свидетели на суде. Кроме того, было известно, что вдова соби-

ралась изменить завещание. Фойгты не являлись наследниками ее имущества, но кто знает, какие намерения имела фрау Эккенсбергер в отношении их. Может быть, изменения затрагивали как раз интересы Фойгтов?

Полиция была теперь совершенно уверена, что Вейльгун не искал на Бисмаркштрассе, 14 ни денег, ни бриллиантов. Не исключено, что его интересовали какие-то бумаги: проект завещания, записи, деловые документы, сведения об иностранных счетах или что-нибудь еще в этом роде. Но лично для себя он не мог извлечь никакой выгоды из этих бумаг. Следовательно, они были нужны тому, кто послал его на квартиру вдовы и от кого он зависел. Что означали его слова «теперь со всем покончено одним разом?» Если он имел в виду, что теперь можно не опасаться изменения завещания, то в качестве заинтересованных лиц нужно было рассматривать не только Фойгтов, но и всех, кому предназначались по завещанию крупные суммы. Вейльгун был многим обязан Фойгтам, и если он был готов кому-то услужить, то в первую очередь именно им.

После совершения преступления Вейльгун говорил по телефону из квартиры своей подруги с виллой в Фалькенштайне, точнее с секретаршей Фойгта Гердой Карчия. Урсула Винклер слышала, как он говорил, что все вышло не совсем удачно. Буквально, он сказал следующее: «Мне пришлось изменить свои планы, но я получил все, что хотел». Вряд ли он имел в виду кольца. Если бы он шел на риск из-за них, он, безусловно, более бережно хранил бы добытое. Секретарша подтвердила, что телефонный разговор действительно был, но она, якобы, не помнит его содержание. Как бы там ни было, не подлежит сомнению факт, что вскоре после преступления Вейльгун звонил на виллу Фойгт. Случайность или сообщение о выполнении задания? Вызывает сомнения и то, что вскоре после известия о преступлении Арндт Фойгт сообщил читателям на первой странице «Брауншвейгер цайтунг»: «Мы не имеем никакого отношения к смерти фрау Эккенсбергер».

Против Хеннинга Фойгта было возбуждено уголовное дело. Его допросили в качестве обвиняемого, но суд присяжных под председательством вице-президента земельного суда Брауншвейга Фридриха Линке демонстративно подчеркнул, что на Фойгтов, в том числе на Хеннинга, не падает и тени подозрения в убийстве. Это необычное заявление о невиновности обвиняемого тем более странно, что ни одно из подозрений, касающихся Фойгта, не было опровергнуто. Председатель суда Линке, до тошно выясняющий в судебном разбирательстве какие-то мелочи, наподобие того, спереди или сзади прыгнула на свидетеля собачка фрау Эккенсбергер, заметно терял интерес и становился весьма лаконичным, когда дело касалось подоплеки преступления и выявления замешанных в нем лиц.

Бывший слуга вдовы, уволенный ею за несколько недель до смерти из-за финансовых недоразумений, хотел в своих показа-

ниях сообщить суду о некоторых таинственных случаях в квартире фрау Эккенсбергер.

Однако председатель суда резко оборвал его, прикрикнув: «Это не надо рассказывать!» Довольно своеобразный метод познания истины.

Уголовная полиция прекратила дело против Хеннинга Фойгта, поскольку «ничего не смогла найти». Может быть, не должна была? В конце концов прекратились вообще все попытки расследовать мотивы и подоплеку убийства. Почему? Кто дал отбой? Федеральное ведомство по охране конституции или другая спецслужба? Не задели ли вдова и ее убийца как-нибудь случайно интересов секретных служб?

Наряду с сотрудником тайной политической полиции Майером на процессе в качестве эксперта выступил оберрегистратор Шрепфер из Федерального ведомства по охране конституции. Общественность при этом, естественно, не присутствовала. Майер и Шрепфер единодушно заявили, что никакие секретные службы не причастны к этому делу. Известно, чего стоят подобные заверения.

Сам Вейльгун на процессе молчал. Он не сказал ни слова ни в свое оправдание, ни в обоснование своего устного признания в декабре 1973 года. Председатель суда заметил, наконец, что его упорное молчание приведет лишь к более длительному сроку лишения свободы. В ответ Вейльгун отрубил, что тюрьма вряд ли хуже того, что ожидает его на свободе. Нечто подобное он говорил и раньше, когда в связи с предписанным законом сроком проверки необходимости ареста просил судью оставить его в тюрьме, а не выпускать на свободу. Сам собой напрашивался вопрос: кого и чего Вейльгун боялся «на свободе»?

Весь процесс, продолжавшийся с ноября 1974 по январь 1975 года, был чистейшим издевательством над правосудием. Были заслушаны семьдесят свидетелей и экспертов. От допроса барона, который после смерти вдовы наводил порядок в ее бумагах, и, видимо, знал об умершей больше, чем кто-либо, суд и вовсе отказался. Господин барон известил суд, что намерен отправиться в длительную поездку на Ближний Восток и поэтому не может явиться в срок.

«Хозяева» Вейльгуна остались неназванными, роль мистических фигур из разведки — невыясненной. Фойгты были оправданы, хотя даже председатель суда Линке вынужден был согласиться, что «в показаниях этой группы свидетелей многое осталось туманным». 30 января 1975 года австриец Вейльгун, самая мелкая сошка в этом деле, был осужден.

Приговор тоже вызывал немалое удивление. Прокурор обвинил Вейльгуна в убийстве и потребовал для него пожизненного заключения. Суд же приговорил его к двенадцати годам тюремного заключения за нанесение телесных повреждений со смертельным исходом. И казалось, что все участники процесса,

включая самого Вейльгуна, были очень довольны таким решением.

Не зря же § 46 Уголовного кодекса ФРГ гласит: «Вина преступника является основой для определения меры наказания» и «Определяя меру наказания, суд учитывает все обстоятельства, говорящие за и против преступника».

ОПЕРАЦИЯ «БОЛЬШОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ»

Вечером 19 октября 1977 года в журналистских кругах Франции и ФРГ распространился слух о том, что найден труп Ганса-Мартина Шлейера. Новость об убийстве председателя Федерального объединения союзов немецких работодателей (БДА) через несколько часов подтвердили агентства ДПА и Франс Пресс. Редакция «Либерасьон» верхнеэльзасского города Мюльхаузена и бюро ДПА в Штуттгарте получили «коммюнике» «отряда Зигфрида Хаузнера» следующего содержания: «43 дня спустя мы оборвали жалкое и продажное существование Ганса-Мартина Шлейера. Господин Шмидт, пытаясь удержаться у власти, с самого начала спекулировал жизнью Шлейера. Он может забрать его труп в Мюльхаузене на улице Шарля Пегю в зеленом «Ауди 100 G1» с номерами города Бад-Хомбург».

В узком переулке между вокзалом и больницей оперативная группа французской полиции обнаружила машину. Она стояла у предназначенного на снос дома, где обитали лишь несколько бродяг. По их показаниям «Ауди» стояла здесь уже несколько дней. Машину отправили в полицейское управление на экспертизу. Немедленно подключилась к расследованию и уголовная полиция ФРГ: сотрудники Федерального ведомства выехали в Мюльхаузен. А их коллеги в Висбадене установили, что одна западногерманская газета 5 и 8 октября помещала объявление о продаже автомашины марки «Ауди» с номером HG-AN-460. Она была куплена одним молодым человеком из Гейдельберга за 2 тысячи 900 марок. По предположению полиции покупателем был некий Кристиан Клар — давно разыскиваемый террорист, подозреваемый в причастности к убийствам Генерального федерального прокурора Бубака и банкира Понто. Объявленный в ФРГ и во Франции розыск преступников велся с таким размахом, что западногерманская пресса отметила необоснованность массовых подозрений.

Убийство Шлейера явилось последним актом кампании террора и насилия, начатой в Кельне 5 сентября 1977 года небольшой группой политических экстремистов анархистского толка. Вечером того дня в черном «Мерседесе» кроме Шлейера

и его шофера сидел сотрудник службы безопасности. Они ехали по району Браусфельд в Кельне. Сзади на машине штуттгартского земельного ведомства уголовной полиции их сопровождали еще двое сотрудников службы безопасности. Поворот с Фридрих-Шмидтштрассе на Винсенс-Штатсштрассе оказался ровным. Сделав его, обе машины вынуждены были остановиться. Желтый «Мерседес», стоявший поперек проезжей части, и детская коляска слева, у тротуара, блокировали дорогу.

Все произошло в течение четырех минут. Из стоявшего на левой стороне улицы автобуса «Фольксваген» выскочили пятеро вооруженных неизвестных и устремились к машине. Загремели выстрелы. Шлейера вытащили из автомобиля и толкнули в автобус, который тут же умчался на бешеной скорости. Его попытался догнать шофер такси, видевший все происшедшее. Однако из-за красного сигнала светофора на следующем перекрестке он вынужден был прекратить преследование. Три сотрудника службы безопасности и шофер были убиты.

Свидетели вызвали полицию. В 17 часов 36 минут на место происшествия прибыли две радиофицированные патрульные машины. А переданный через минуту сигнал тревоги обязывал перекрыть все улицы в радиусе 20 километров.

Оцепив место происшествия, полицейские ждали уголовную полицию. Воинствующие анархисты, именующие себя «Фракция Красной Армии» — «Роте Армее Фракцион» (РАФ), были известны в начале 70-х годов как группа «Баадер — Майнхоф». Похищение Шлейера явилось началом уже четвертой скандальной акции, предпринятой ими в течение полугода.

7 апреля 1977 года лидер этой группы Ульрика Майнхоф застрелила в Карлсруэ Генерального прокурора ФРГ Зигфрида Бубака, его шофера и сотрудника службы безопасности. Бубак возглавлял расследование деятельности главарей РАФ. Его твердость и беспощадность при судебных разбирательствах, когда дело касалось «защиты конституции», были общеизвестны.

Очередной жертвой террористов стал председатель правления Дрезденского банка Юрген Понто. Он был застрелен 30 июля 1977 года.

Затем по плану лидеров РАФ следовал обстрел разрывными патронами здания Генеральной федеральной прокуратуры в Карлсруэ из квартиры, находящейся напротив. Однако намеченное на 25 августа 1977 года преступление удалось предотвратить.

После убийства Бубака аппарат службы розыска и надзора органов безопасности ФРГ был укреплен вторично. Еще до этого события, летом 1972 года, Федеральное ведомство по охране конституции сформировало с разрешения тогдашнего министра внутренних дел Геншера особую группу тайных агентов, влившись в анархистское движение.

Специально подобранные люди не только добывали, как другие осведомители ведомства, нужную информацию, но и сами

инспирировали террористические акты, вызывая полицию на ответные действия.

Ответственность за попытку нападения на федеральную прокуратуру в Карлсруэ западногерманская пресса поспешила возложить на некую бригаду «Ротер Морген» («Красное завтра»). РАФ сразу же опровергла это утверждение и объявила, что такая организация абсолютно неизвестна в международных анархистских кругах. Она обвинила полицию в «грязных маневрах», в попытках «нейтрализовать» и извратить подлинный смысл политики руководства РАФ.

Похищение Шлейера произвело настоящую сенсацию. А ведь им, очевидно, не исчерпывались террористические акты анархистов. Их бригады формировались, в основном, из слоев мелкой буржуазии и интеллигенции. В основе их взглядов и деятельности лежали отрицание организованной борьбы рабочего класса и акции согласно одним им ведомым представлениям о свободе личности и борьбе против империализма.

По сообщениям западных агентств, в период с 1971 г. до начала октября 1977 г. в результате террористических актов в ФРГ было убито 30 человек, в том числе 10 террористов; 105 ранено и 14 захвачено в качестве заложников. Отдел по борьбе с терроризмом Федерального ведомства уголовной полиции (БКА) ставит в вину террористическим группировкам всех мастей 36 покушений на убийство и 45 попыток совершить преступление с применением взрывчатых веществ. Все эти бессмысленные действия нанесли огромный вред борьбе антиимпериалистических и демократических сил в ФРГ. Они дают повод реакционным кругам все более ощутимо ограничивать демократические гражданские права и свободы. На совести террористов и небывалое наращивание мощи авторитарной государственной власти, усиление ее органов безопасности. Похищение Шлейера также внесло свою лепту в этот процесс. Кроме того, оно окружило этого человека ореолом мученика, хотя к лику святых его менее всего можно было причислить.

Похищенный, а впоследствии убитый Ганс-Мартин Шлейер родился в 1915 году в семье председателя земельного суда. Уже в 1931 году, за два года до прихода фашистов к власти, он стал членом Гитлерюгенда. Несколько позднее вступил в НСДАП, а затем и в ряды СС (членский билет № 227014). Изучая право в Гейдельберге, дослужился до руководителя имперской национал-социалистской студенческой организации. А в мае 1937 года донес на ректора университета Фрейбурга, профессора, д-ра Метца за отказ дать разрешение вождю германских студентов выступить в университете.

Год спустя, после аннексии Австрии, студенты Инсбрукского университета получили в лице Шлейера яркого проповедника фашистской идеологии. На том же поприще он подвизался и в Карловом университете Праги. А с 1941 года на совести Шлейера как руководителя канцелярии президиума «Центрального

союза промышленности Богемии и Моравии» была эксплуатация мощностей чешской промышленности для нужд гитлеровской военной экономики.

Находясь всегда в стане крайне правых, Шлейер и после 1945 года не изменил себе — вступил в ХДС, заседал в наблюдательных советах, в 1959 году стал членом правления Даймлер-Бенц АГ и, наконец, в 1976 году — председателем Федерального объединения союзов немецких работодателей (БДА) и Федерального объединения германской промышленности (БДИ). Шлейер всегда отличался жестокостью и непреклонностью в отношении требований рабочих и профсоюзов. Так, его «твердую руку» почувствовали забастовавшие в 1963 году на севере земли Баден-Вюртемберг, требовавшие повышения заработной платы. Они подверглись беспощадным увольнениям.

Последовательный противник права профсоюзов на участие в принятии совместных с администрацией решений Шлейер подавал жалобу в Федеральный конституционный суд на и без того уже ограниченный закон правительства ФРГ о данных полномочиях рабочим профессиональных организаций.

5 сентября этот человек попал в руки РАФ. Около 18 часов агентство ДПА сообщило о похищении Шлейера. В 18 часов 30 минут эта новость стала известна в информационном центре Федерального ведомства печати и ее передали непосредственно федеральному канцлеру Шмидту. В этот момент он проводил совещание с министром иностранных дел Геншером, министром внутренних дел Майхофером и министром юстиции Фогелем.

Майхофер немедленно выехал в Бад-Годесберг — в отдел по борьбе с терроризмом Федерального ведомства уголовной полиции. И оттуда вместе с государственным министром Вишневски отправился на место преступления. Специалисты уголовной полиции были заняты там обеспечением сохранности следов и первыми допросами свидетелей. Найденные гильзы и патроны калибра 5,6 мм были выпущены из скорострельной винтовки швейцарского производства. Это позволило сопоставить происшедшее с убийством Генерального прокурора Бубака, застреленного из аналогичного оружия. И хотя других улик обнаружено не было, сотрудники уголовной полиции сделали вывод: похитители — члены входящей в РАФ бригады «Хааг — Майер».

Предпринятая по тревоге проверка автомашин в радиусе 20 километров не дала никаких результатов. Многих, вызвавших подозрение, задержали, но затем были вынуждены отпустить из-за недостатка улик. В 19 часов 20 минут в полицейской президиуме Кельна стало известно: в подземном гараже высотного дома по улице Винер Вег найден белый автобус «Фольксваген», та самая машина, на которой увезли Шлейера. Поскольку в ней не обнаружили пятен крови, предположили, что Шлейер невредим. В записке, оставленной в автобусе, бригада «Зигфрид Хаузнер» требовала прекратить все розыски и угрожала в противном случае убить Шлейера.

Над гаражом полиция обнаружила полупустую квартиру с затемненными окнами. Ее сняла молодая женщина, назвавшаяся Лизой Рис. 15 августа 1977 года она и сопровождавшие ее двое молодых мужчин исчезли. Выяснилось: под именем Лизы Рис скрывалась 27-летняя террористка Фредерика Краббе, а в квартире, вероятно, размещался боевой штаб похитителей. Белый автобус «Фольксваген» и желтый «Мерседес», перекрывший в момент похищения улицу, швейцар высотного дома Винер Вег увидел впервые 20 августа, да и позже они неоднократно попадались ему на глаза. Другой свидетель не раз сталкивался с автобусом «Фольксваген» желтого цвета с желтыми шторками на окнах недалеко от места происшествия. Обнаружив куски желтой материи в автобусе, увезшем Шлейера, сотрудники уголовной полиции предположили: из желтого автобуса велось наблюдение за Шлейером и маршрутом следования его автомашины, а результаты слежки передавались по радио в боевой штаб. Вполне вероятно, что это была «конспиративная квартира». Впоследствии полиция сообщила своим отделениям и общественности детальное описание такого рода апартаментов. Местонахождение председателя БДА оставалось неизвестным.

Кельнское похищение не было сюрпризом. Задолго до этого события осведомители информировали Федеральное ведомство уголовной полиции о готовящемся скандальном покушении, так называемом «Большом освобождении». И целью его было освобождение приговоренных 28 апреля 1977 года к пожизненному заключению и отбывающих наказание в тюрьме Штаммхейм лидеров РАФ: Андреаса Баадера, Яна Карла Распе и Гудрун Энслин.

Поэтому логично, что сразу же после исчезновения Шлейера были приняты серьезные меры предосторожности. Караульные посты в Штаммхейме и других тюрьмах, где находились члены РАФ, усилили конными полицейскими патрулями. В правительственный квартал Бонна ввели бронетранспортеры и вооруженные пулеметами части федеральной пограничной охраны. Предприняли дополнительные меры по охране некоторых политических деятелей. Провели совещания большого и малого кризисных штабов. В тюрьмах сотрудники уголовной полиции тщательно обыскали камеры членов РАФ. Сначала ограничили, а затем и вовсе прервали контакты заключенных с внешним миром, включая и их связи с адвокатами. Арестованные перестали получать газеты, слушать радио и смотреть телевизор. От остальных узников они были изолированы с самого начала.

Прошли обыски в канцеляриях адвокатов, защищавших на процессе анархистов, в квартирах множества граждан. Глупейший донос или просто безобидный намек являлись поводом для тщательной проверки даже самых безупречных лиц.

Федеральный министр внутренних дел Майхофер передал расследование дела в БКА. Его президент Герольд и шеф ведомства уголовной полиции земли Северный Рейн-Вестфалия

Хамахер взяли на себя руководство операцией. Кроме того, в Кельне создали боевой штаб, координирующий розыск.

6 сентября похитители вновь потребовали от федерального правительства прекращения расследования. Вторым их условием было освобождение одиннадцати названных поименно заключенных с тем, чтобы они смогли вылететь «в любую страну по их выбору». Требовалось вручить каждому денежную сумму в размере 100 тысяч марок и позволить вылететь 7 сентября в 12 часов из франкфуртского аэропорта в сопровождении пастора Ниемеллера и швейцарского адвоката, Генерального секретаря Международной федерации по правам человека Пайота. В случае невыполнения их требований террористы угрожали убить Шлейера.

Письмо заканчивалось следующими словами:

«Мы исходим из того, что Шмидт, продемонстрировавший в Стокгольме способность быстро принимать решения, постарается также без промедления определить свое отношение к этому оплывшему жиром магнату, снимающему сливки с национальной экономики.»

6.9.77.

Бригада «Зигфрид Хаузнер», РАФ.»

Среди одиннадцати заключенных, которых требовали освободить террористы, наряду с Андреасом Баадером, Яном Карлом Распе и Гудрун Энслин речь шла об Ирмгард Меллер, приговоренной в 1976 году за «членство в уголовной организации» к 4 с половиной годам тюрьмы; о Верене Беккер, приговоренной в 1974 году к 6 годам наказания для несовершеннолетних, освобожденной после похищения председателя ХДС Западного Берлина Петера Лоренца и арестованной вновь в мае 1977 года за участие в покушении на Бубака. Затем перечислялись: Гюнтер Зонненбург, обвиненный за участие в покушении на Бубака и тяжело раненный в голову во время ареста; Карл-Гейнц Делтво, Ганна Элизабет Краббе и Бернгард Мария Резнер, арестованный в апреле 1975 г. после налета на посольство ФРГ в Стокгольме; Вернер Хоппе, схваченный в 1972 году после перестрелки с полицией в Гамбурге и приговоренный к десяти годам заключения; Ингрид Шуберт, приговоренная в 1971 году к шести годам за попытку освобождения заключенных и в 1974 году к последующим тринадцати годам тюрьмы за три налета на банки.

Похитители потребовали предать их ультиматум гласности: опубликовать в прессе и объявить по телевидению.

Но Федеральное ведомство уголовной полиции не решилось на такой шаг. 7 сентября во время телевизионной передачи у

террористов потребовали «несомненного доказательства» того, что Шлейер еще жив. В ответ на это похитители прислали видеопленку, на которой был снят президент БДА.

Шлейер держал в руках белую доску со словами «пленник РАФ». Были также переданы ответы на вопросы полиции, которые мог дать только он. Не оставалось никаких сомнений в подлинности ультиматума. Шлейер был жив, и Федеральное ведомство уголовной полиции установило контакт с террористами. Но власти ФРГ не собирались идти на уступки. Федеральный канцлер Шмидт в своей речи по телевидению объявил, что правительство отнесется к этому акту насилия со всей твердостью и решительностью. Генеральный федеральный прокурор Ребман на пресс-конференции охарактеризовал похищение Шлейера как «беспрецедентный по своей жестокости налет». В надежде вызвать всеобщее негодование он дал тенденциозное описание обстоятельств преступления. По его словам, пятеро бандитов окружили машины Шлейера и расстреляли шофера и сотрудников службы безопасности, которые не смогли сделать ни одного ответного выстрела. Ребман сказал также, что в подготовке и проведении преступления принимали участие, по меньшей мере, пятнадцать человек. Несколько недель спустя Федеральное ведомство уголовной полиции объявило розыск за многочисленные преступления на такое же количество лиц.

Версию Ребмана о малодушной расправе с беззащитными людьми подхватила пресса. Расстрелянные сотрудники службы безопасности изображались как наивные и ничего не подозревавшие служащие, которые и подумать не могли о покушении, а поэтому держали свои автоматы в багажнике. Как вскоре выяснилось, это была «утка». Ее изобрели, чтобы разжечь среди населения страх перед террористами, оправдать жесткие меры сил безопасности и обеспечить себе поддержку и сочувствие населения. Уже за неделю до покушения правительство и полиция знали о том, что анархисты готовят очередную акцию. Специалисты БКА связывали прекращение голодовки заключенными — членами РАФ в Штаммхеймской тюрьме с некоей предстоящей операцией. А федеральный председатель профсоюза полицейских служащих Гельмут Ширрмахер прямо заявил, что прекращение голодовки было действительно воспринято как «сигнал тревоги». И это, в самом деле, произошло перед покушением на Шлейера. А ведь высказывались предположения, что именно он может стать жертвой бандитов. Так, после убийства банкира Понто в июле 1977 года компетентные органы уголовной полиции выяснили, что члены РАФ собирали информацию в экономическом исследовательском институте Киля не только о Понто, но и о Шлейере. Кроме того, сотрудники политической полиции нашли в бумагах адвоката Хага, члена РАФ, запись, указывающую непосредственно на Шлейера: «надо разработать Ш». После этого была усилена охрана председателя БДА. Сопровождали Шлейера специально обученные сотрудники службы

безопасности, а не формально приставленные полицейские. В программу обучения такого рода специалистов в ФРГ входило, кроме всего прочего, каратэ, быстрая стрельба и умение мгновенно реагировать в критических ситуациях. Как недвусмысленно подчеркнул шеф полиции Штуттгарта, их автоматы лежали наготове, под рукой, а не в багажнике. Они были не беззащитны. Двое из них смогли произвести одиннадцать выстрелов по пяти налетчикам.

В сентябре 1977 года в ФРГ развернулась беспрецедентная кампания под лозунгом «враги государства». Направлена она была не только против террористов, но и против всех левых сил. Самые громкие и неистовые заявления раздавались со стороны таких махровых реакционеров, как премьер-министр земли Баден-Вюртемберг и бывший нацистский палач Филбингер. Это он на похоронах телохранителей Шлейера возбужденно распинался о «безумной мании разрушения, охватившей свирепых врагов» и требовал «решительных действий». А его коллега Фогель из земли Рейнланд-Пфальц возопил: «Покончить с либерализацией! Не существует равных прав для отрицающих равноправие!» Член ХДС, премьер-министр земли Нижняя Саксония Албрехт публично договорился до того, что настоящей проблемой являются не террористы, а «симпатизирующие». К ним он причислил некоторых писателей, преподавателей высших учебных заведений и молодых социалистов. Его друг по партии Биденкопф, призывавший уже за пять недель до убийства Шлейера «молиться за него», назвал в числе симпатизирующих террористам Вилли Брандта.

Полным ходом шла эта травля, инспирированная реакционными кругами ФРГ. И в то же самое время старые и новые фашисты готовились к восторженной встрече Капплера, — сбежавшего из тюрьмы военного преступника и организатора массовых убийств. Без каких бы то ни было препятствий со стороны полиции и ведомства по охране конституции бывшие эсэсовцы заступали в почетный караул, охраняя его дом от протестующих антифашистов. Даже правительство ФРГ поднялось на защиту Капплера, отказав 22 сентября 1977 года итальянским судебным органам в выдаче преступника. Бывший оберштурмбаннфюрер СС Капплер был приговорен в 1948 году итальянским судом к пожизненному заключению за убийство 335 невинных заложников. В 1977 году при невыясненных до сих пор обстоятельствах, но, предположительно, не без помощи агентов западногерманских спецслужб, ему удалось бежать из Италии в ФРГ.

Между тем Федеральное ведомство уголовной полиции избрало опасную тактику промедлений и проволочек. 8 сентября правительство запретило передачу информации о похищении, не указав сроков этого «вето». День спустя различные газеты и телеграфные агентства вновь получили сообщение от террористов. К нему прилагалась фотография Шлейера.

11 сентября Федеральное ведомство уголовной полиции в

очередной раз потребовало от похитителей доказать, что Шлейер еще жив. А 13 сентября передало по телевидению, что адвокат Пайот в курсе пожеланий заключенных относительно избранных ими для выезда стран. Четыре дня спустя государственный министр Вишневски вылетел в Алжир, Ливию, Ирак и Южный Йемен якобы на переговоры о предоставлении политического убежища освобожденным членам РАФ. 27 сентября он посетил Вьетнам с аналогичной миссией. А расследование в это время шло полным ходом.

22 сентября в Утрехте (Голландия) после перестрелки с полицией был арестован террорист Фолкертс. В его автомашине обнаружили отпечатки пальцев разыскиваемой Бригитты Монхаупт — члена РАФ. Однако ей удалось ускользнуть.

В Федеральном ведомстве уголовной полиции исследовали переданную террористами видеопленку. Среди звуковых шумов специалисты выделили шум моря и сделали вывод: Шлейера держат под стражей на каком-то судне. Немецкие, датские и голландские полицейские части совместно провели розыскную акцию. Были прочесаны воды вдоль берегов Северного моря и несколько позже французское западное побережье. Разыскивались голландский шлюп «Торнадо Дойсс» и британское каботажное судно «Кикило Индиа Ша». По некоторым конфиденциальным сведениям они служили убежищем террористов. Розыск, начатый федеральным ведомством уголовной полиции, затронул всех известных ему членов РАФ и предполагаемых «симпатизирующих».

В сообщении от 28 сентября, переданном через редакцию одной французской газеты, похитители еще раз потребовали от правительства ФРГ прекратить расследование и покончить с тактикой проволочек. К письму прилагалась фотография Шлейера с надписью на доске, которую он держал в руках, «20 дней в плену РАФ».

В это время правительство лихорадочно разрабатывало законоположение, призванное легализовать уже давно вошедшее в практику ограничение прав определенных заключенных, в особенности права на защиту. В конце сентября в соответствии с законом или так называемым «Баедер» параграфом 129 пункт «а» западногерманского уголовного кодекса был принят закон о запрещении контактов. Он уполномочивал исполнительные органы всячески препятствовать контактам узников, осужденных за членство в уголовных организациях или ввиду подозрения в этом членстве. Фактически это имело место уже давно, но официально закон вступил в силу со 2 октября для 70 уголовных и подследственных заключенных.

В конце сентября — начале октября, несмотря на предостережение террористов, полиция вновь активизировала розыск. В Федеральном министерстве внутренних дел обдумывали проект, применение которого в определенных случаях могло бы искусственно вызывать хаос в уличном движении. Во время операции

«Красный свет» все светофоры нужно было молниеносно переключить на «красный» и заблокировать все движение.

8 октября одна парижская газета опубликовала написанное от руки письмо Шлейера, где он призывал федеральное правительство принять срочное решение. В письме лежала фотография: «31 день в плену РАФ».

Тактика правительства, избранная им в надежде выиграть время, становилась все очевидней. Было ясно, что террористов решили перехитрить. 10 октября Федеральное ведомство уголовной полиции передало по телевидению, что у адвоката Пайота имеется «важное сообщение» для похитителей. Но им никто не заинтересовался. Пустили слух: за Пайотом установлена слежка, но организована она настолько по-дилетантски, что ее может обнаружить любой неспециалист. Умысел или ошибка? Полиция прекрасно знала, что террористы не только составляют детальнейшие планы налетов. У них отлично налажена система контрслежки, и они не спускают глаз с полиции. Возможно, что не упоминавшееся до сих пор указание на «важное сообщение», в конечном счете, должно было именно удержать похитителей от визита к Пайоту. В антитеррористических отрядах полиции ФРГ есть свои эксперты в области психологии. Их привлекают к участию в важных операциях. Неужели это они дали полицейским такой плохой совет? Но, с другой стороны, уголовная полиция ФРГ накопила к этому времени настолько богатый опыт по борьбе с терроризмом, что допустить подобные примитивные ошибки она просто не могла. Во всяком случае — похитители не давали о себе знать до 13 октября.

В этот день, в четверг, ровно в 12 часов 55 минут с аэродрома в Пальма де Мальорка поднялся самолет авиакомпании «Люфтганза» «Ландсхут»* — Боинг-737. Он взял курс на Франкфурт-на-Майне. Самолет должен был приземлиться в 15 часов 10 минут на аэродроме Франкфурта-на-Майне. Однако там его не дождались. Уже около двух часов дня диспетчер миланского аэропорта доложил об отклонении этого самолета от курса. Он приземлился в Риме в 15 часов 45 минут. Непосредственно после прибытия в Рим некий Вальтер Мохамед передал сообщение с борта «Ландсхута». Он заявил, что самолет, 86 пассажиров и 5 членов экипажа захвачены группой террористов. Их отпустят лишь после освобождения находящихся в немецких тюрьмах «товарищей». В противном случае заложники будут убиты.

Боннскому правительству сразу же сообщили эту новость. На аэродром выехал сотрудник посольства ФРГ в Риме. Но террористы никого не подпустили к самолету. Однако командиру экипажа Шуману удалось переправить «на волю» зашифрован-

---

* Город в ФРГ. Каждый западногерманский аэробус имеет свое название. — *Прим. перев.*

ное послание. Оказавшиеся в пакете четыре сигареты позволили специалистам Федерального ведомства уголовной полиции определить число бандитов. Но кто они, не представляли. В начале предполагали — арабы, потом — два араба и два немца. Среди террористов были две женщины.

Бонн срочно привел в боевую готовность группу пограничной охраны 9 (ГСГ9), входящую в состав федеральной пограничной охраны и соответственно подчиняющуюся федеральному министерству внутренних дел. Эти отборные силы, сформированные после побоища в Фюрстенфельдбруке в 1972 году, размещаются недалеко от Бонна в Хангеларе. В их составе: войсковая часть управления, три оперативных подразделения, большое число технических отрядов и авиационное вертолетное звено. В каждое подразделение входит оперативный отряд и пять специальных групп, которые в своих действиях придерживаются боевой тактики американских рейнджеров*, то есть воинские и полицейские подразделения сами используют методы террористов. Согласно служебной инструкции I — 1 — 630309/1 федерального министра внутренних дел группа пограничной охраны ГСГ9 должна оказывать помощь землям ФРГ в случаях убийства, похищения людей, захвата заложников и шантажа. Правительству отдельных земель еще ни разу не использовали это воинское соединение. Вот объяснение, данное шефу ГСГ9 Вегенеру одним из министров внутренних дел: «После Вашей группы останется полоса выжженной земли от Альп до Северного моря». «Они могут только стрелять, больше ничего», — отказался от услуг пограничной охраны министр внутренних дел земли Рейнланд-Пфальц Шварц. Из-за всеобщего пренебрежения и связанной с ним бездеятельности в боннских диверсионно-разведывательных подразделениях царило недобовольство.

Представившийся случай — угон самолета, по мнению министерства внутренних дел, давал ГСГ9 возможность реабилитировать себя и испытать свои силы на практике. Репетиции предстоящего захвата «Ландсхута» проходили на аналогичном типе самолета — Боинге-737. Одновременно органы и службы, безопасности пытались из всевозможных источников добыть подробную информацию о террористах, их настроении, о распределении мест в захваченном лайнере.

13 октября в 16 часов 40 минут в информационном центре федерального министерства уже был список пассажиров. Двадцать минут спустя министр внутренних дел Майхофер попросил своего итальянского коллегу задержать вылет самолета «Люфтганзы». Этого сделать не удалось. В 17 часов 50 минут «Ландсхут» поднялся в воздух без официального разрешения на взлет. Авиакомпания «Люфтганза» доложила, что самолет взял курс

---

* Рейнджеры — военнослужащие диверсионно-разведывательного подразделения. — *Прим. перев.*

на Никозию — столицу Кипра. Из ФРГ вылетел отряд группы ГСГ9 численностью в 60 человек. В 20 часов 28 минут «Ландсхут» приземлился на Кипре. Находящийся там представитель Организации Освобождения Палестины обратился к террористам с просьбой отпустить пассажиров. Террористы отказались и потребовали срочно заправить самолет горючим. Служащие кипрского аэродрома попытались оттянуть время, но бандиты пригрозили взорвать самолет. В 22 часа 25 минут кипрский министр иностранных дел предпринял попытку уговорить террористов. Он попросил освободить хотя бы женщин и детей. Все напрасно. В 22 часа 54 минуты, за несколько минут до прибытия группы ГСГ9, «Ландсхут» поднялся в воздух.

В пятницу утром в 2 часа 32 минуты угнанный самолет приземлился в Бахрейне. Террористы потребовали выпустить на свободу 9 немецких заключенных группы «Баадер-Майнхоф» и двоих арабов — Махди и Хассейна, отбывающих наказание в Турции, в стамбульской тюрьме. Уже час спустя они полетели дальше и около шести прибыли в Дубай. Теперь террористы настаивали на освобождении уже одиннадцати немцев. Кроме того, они запросили 15 миллионов американских долларов. А от правительства ФРГ потребовали немедленного начала переговоров с Социалистической Республикой Вьетнам и Йеменом по поводу предоставления политического убежища освобожденным. Остальные условия этого ультиматума: самолет с немцами — членами РАФ на борту должен лететь через Стамбул, чтобы забрать обоих арабов; все арестанты достигают конечной цели своего маршрута к воскресенью, 16 октября 1977 года. Срок ультиматума истекал в 8 часов. В противном случае террористы угрожали убить Шлейера и заложников. Затем они предупредили правительство ФРГ о полном прекращении контактов.

После угона самолета вновь объявился «отряд Зигфрида Хаузнера». Он заявил, что присоединяется к ультиматуму «отряда Мученика Калимета», выполняющего «операцию Кофр Каддум». Поэтому отпадает необходимость в сопровождении освобожденных пастором Нимёллером и адвокатом Пайотом.

В ночь с пятницы на субботу в Дубай прибыл государственный министр Вишневски для переговоров с местным правительством и террористами.

В это время в ФРГ семья похищенного президента Федерального объединения союзов немецких работодателей на свой страх и риск вступила в контакт с РАФ. Родственники пытались выкупить Шлейера за 15 миллионов американских долларов. Это стало известно полиции. Сотрудники службы безопасности сорвали переговоры, намеренно предав гласности предстоящую сделку.

Деньги должны были передать 14 октября в отеле «Интерконтиненталь» во Франкфурте-на-Майне. К назначенному сроку там собралось множество репортеров и сотрудников уголовной полиции. Похитители не появились.

В 10 часов 30 минут Федеральное ведомство уголовной полиции сообщило две новости. Во-первых, попытка передать деньги сорвалась. И, во-вторых, у адвоката Пайота имеется новая информация для похитителей.

Жизнь Шлейера, пассажиров и экипажа самолета «Ландсхут» была в руках федерального правительства.

В воскресенье 15 октября в 11 часов 25 минут пилот захваченного самолета попросил федерального канцлера учесть в своем решении, что речь идет о жизни пассажиров, в том числе женщин и детей. Через несколько часов сын Шлейера Ганс-Эберхард обратился в федеральный конституционный суд с ходатайством о принятии временного распоряжения, которое заставило бы власти выполнить ультиматум террористов. В Бонне на специальное заседание срочно собрался кабинет правительства. В стране стало известно намерение правительства силами ГСГ9 взять штурмом захваченный самолет «Люфтганзы». В 17 часов 41 минуту государственный министр Вишневски опроверг этот слух. А группа ГСГ9 тем временем находилась уже в Анкаре.

Вечером, около половины восьмого, турецкие власти заявили о своем согласии выполнить требование террористов, но лишь в том случае, если правительство ФРГ поступит аналогичным образом.

Пока в Бонне, уже третий раз за этот день, совещался под председательством федерального канцлера Шмидта «малый кризисный штаб», в Карлсруэ первый сенат федерального конституционного суда отклонил ходатайство Ганса-Эберхарда Шлейера. Опасались, что, отдав требуемое распоряжение, сенат окажет содействие успеху террористов. Таким образом, тактика правительства была практически одобрена самым высшим судебным органом.

«Отряд Мученика Калимета» тем временем согласился на отсрочку ультиматума до 13 часов в воскресенье 16 октября. Однако Бонн не предпринимал никаких мер для выполнения требований. За сорок минут до истечения нового срока «Ландсхут» вылетел из Дубая и около трех часов ночи приземлился в столице Сомали — Могадишо. Подаренная бандитами очередная отсрочка позже была вновь продлена. Однако террористы, демонстрируя свою решительность, выбросили из самолета труп убитого несколькими часами раньше командира экипажа «Ландсхута» Юргена Шумана. Государственный министр Вишневски сразу же вылетел в Африку для тайных переговоров с правительством Сомали. Вместе с ним в спецсамолет сели руководитель отдела по борьбе с терроризмом Федерального ведомства уголовной полиции Беден, шеф группы ГСГ9 — Вегенер и другие эксперты органов безопасности. Находящаяся в это время на Крите группа ГСГ9 получила приказ лететь в Могадишо.

На аэродроме в Могадишо Вишневски удалось с помощью

психолога установить контакт с террористами. Вопросы и неопределенные обещания помогли выиграть время до наступления темноты.

Под покровом ночи приземлилась группа ГСГ9. А в 23 часа 50 минут Вишневецки отдал приказ к штурму самолета. Через 10 минут спецгруппа, забросив «ослепляющую гранату» в носовую часть «Ландсхута», взорвала двери и ворвалась в салон.

Семь минут спустя «операция Кофр Каддум» закончилась полным поражением террористов. Трое террористов были убиты, четвертая — женщина — тяжело ранена. Несколько заложников и один солдат группы ГСГ9 получили легкие ранения.

В 0 часов 12 минут Вишневецки доложил в Бонн: «Работа выполнена». В 0 часов 31 минуту агентство ДПА передало в эфир: «ГСГ9 освободила заложников». Люди вздохнули с облегчением.

А 8 часов спустя, 18 октября 1977 года в 8 часов 35 минут, ДПА сообщило озадачивающую новость: «Баадер и Энслин покончили жизнь самоубийством». Вскоре стало известно, что умер также Ян Карл Распе, а Ирггард Меллер находится в тяжелом состоянии из-за многочисленных ножевых ран. Итак, все руководство РАФ, так называемое «твердое ядро», было мертво. Ульрика Майнхоф, как известно, повесилась 9 мая 1976 года в своей камере, в тюрьме Штаммхайм.

Вероятно, то, что произошло на самом деле в Штаммхайме в ночь освобождения заложников, навсегда останется тайной. Сразу же после сообщения о смерти лидеров РАФ было высказано подозрение, что умерли они не по доброй воле. Из первых служебных донесений происшедшее выглядит так: в 7 часов 41 минуту надзиратели нашли в камере заключенного Распе с огнестрельной раной головы. Они вызвали транспорт для перевозки раненого в тюремную больницу и лишь затем около 8 часов осмотрели камеры других арестантов. Было обнаружено, что и Андреас Баадер и Гудрун Энслин совершили «самоубийство». А Ирггард Меллер нанесла себе множество ран в грудь хлебным ножом.

Сам момент и детали происшедших событий заставляли сомневаться в официальном сообщении. Причиной смерти Баадера и Распе, скончавшегося в 9 часов 40 минут в больнице, были огнестрельные раны головы. Пистолеты нашли рядом с телами. У Баадера обнаружили рану от «выстрела в затылок» у основания черепа. Распе скончался от сквозного пулевого ранения в правый висок. Баадер умер от так называемого абсолютного выстрела в упор, т.е. пистолет в момент нажатия курка касался кожи. В случае с Распе нельзя утверждать то же самое. Однако с уверенностью можно сказать: стреляли с близкого к голове расстояния. Гудрун Энслин повесилась на кабельном проводе, закрепленном на окне камеры. Таковы данные медицинского осмотра, подтвержденные адвокатами умерших. Защитник Баадера — Хельдман допустил даже, что его подзащитный мог сам выстрелить себе в затылок.

Обстоятельства и предпосылки этих загадочных смертных случаев были чрезвычайно противоречивы. Так, например, министр юстиции Бендер заявил, что арестанты воспользовались оружием производства фирмы «Хеклер и Кох» (по крайней мере один пистолет был этой фирмы). Члены РАФ всегда предпочитали именно ее продукцию. Но впоследствии полиция сообщила: на пистолетах нет клейма фирмы. Осталось в тайне и то, каким образом у заключенных, абсолютно лишенных контактов с внешним миром, появилось оружие. Бендер не смог найти объяснение этому факту. В ночь после похищения Шлейера служащие земельного ведомства уголовной полиции и работники тюрьмы тщательно обыскали камеры узников. Все связи арестантов с живущими на воле были прерваны. Лишь глазной врач получил разрешение проводить лечение и в дальнейшем. Впоследствии федеральный прокурор Ребман заявил, что пистолеты, вероятно, были тайно пронесены в «деловых бумагах защитников» еще задолго до случившегося. Это утверждение опровергли как руководство тюрьмы, так и компетентные сотрудники уголовной полиции. Именно деловые бумаги адвокатов всегда просматривались самым тщательным образом. Незамеченным не мог остаться даже перочинный ножик.

Число критических замечаний росло, они становились все более откровенными. И тогда у заключенных вдруг обнаружили тайники. большей частью они находились за пределами камер. В них хранились предметы, подтверждавшие вероятность самоубийства: подрывные патроны, наушники, транзисторный приемник. Каким образом строго охраняемые арестанты смогли не только оборудовать тайники, но и пользоваться ими в любое время, объяснялось лишь общими предположениями.

Еще одно обстоятельство осталось в тайне. Согласно различным сообщениям, 17 октября Андреас Баадер все же контактировал с внешним миром. Его просьба о посредничестве в устройстве неотложной беседы с ведомством федерального канцлера была удовлетворена руководством тюрьмы. В течение целого часа А. Баадер разговаривал по телефону с указанным ведомством (по другой версии — с Федеральным ведомством уголовной полиции). Спустя некоторое время его посетил сотрудник ведомства канцлера (или ведомства уголовной полиции?). От имени правительства Белинг опроверг слух о контактах с ведомством федерального канцлера.

17 октября Гудрун Энслин пожелала принять двоих тюремных священников — Ридера и Курмана. Позднее, давая свидетельские показания, они сообщили следующее. Опасаясь препятствий, заключенная просила священников помочь переправить три письма, находящихся в «адвокатской папке» в ее камере, статс-секретарю Шюлеру в ведомство федерального канцлера. Это бесспорный факт. После смерти Г. Энслин Ридер и Курман обратили на него внимание федерального министра юстиции. Он, в свою очередь, осведомился в Баден-Вюртемберге о сущес-

товании упомянутых писем. Однако в ответе было сказано, что в камере ничего не нашли.

После таинственного самоубийства Ульрики Майнхоф в мае 1976 года Баадер и другие заключенные — члены РАФ поставили в известность своих приверженцев и адвокатов о том, что они не верят в добровольную смерть Майнхоф. И если их однажды найдут мертвыми, то речь может идти только об убийстве. Это заявление, сделанное задолго до похищения Шлейера, а также отсутствие писем Энслин было расценено властями как умышленный и заранее согласованный маневр. А целью его объявили стремление дискредитировать западногерманское государство. Но утверждение это доказано не было и повисло в воздухе так же, как многое из того, что случилось в Штаммхайме. Предположительным мотивом самоубийства лидеров РАФ назвали крушение их надежд в связи с освобождением заложников. Но никаких свидетельств, подтверждающих, что они знали об исходе операции по угону самолета, приведено не было.

Ликование по поводу успешных действий группы пограничной охраны (ГСГ9) и известие об обнаружении трупа Шлейера отодвинули на задний план происшествия в Штаммхайме.

Несколько месяцев спустя, 9 мая 1978 года, государственная прокуратура города Штутгарта прекратила следствие по делу о загадочных смертных случаях в Штаммхайме. Официальное заключение звучало лаконично — «несомненное самоубийство».

Расправа со Шлейером была ответной реакцией террористов на Могаришо и Штаммхайм. Похитители Шлейера заявили в своем «коммюнике»: «Мы никогда не простим Шмидту и поддерживающим его империалистам пролитую кровь. Борьба только началась».

Федеральное ведомство уголовной полиции опубликовало еще один список лиц, на которых объявило розыск. Началась новая волна поисков. Политические деятели ФРГ стремились превзойти друг друга: они изощрялись в требованиях применить более эффективные меры для борьбы с терроризмом, ратовали за выработку новых законов международного сотрудничества в этой области. Кампания чествования группы ГСГ9 сопровождалась не только гневным осуждением экстремистов, но и гонениями на все левые силы.

От французского правительства потребовали выдачи арестованного 30 сентября 1977 г. в Париже адвоката членов РАФ Круассана, от голландского правительства — арестованного в Голландии террориста Фолкерта.

Во время этой «антитеррористической» шумихи промелькнуло одно сообщение. Оставшееся почти незамеченным, оно, однако, многое объясняло в уголовной практике ФРГ и проливало яркий свет на лживость некоторых западногерманских политических деятелей. 11 октября, за два дня до угона западногерманского самолета «Ландсхут», два террориста, угрожая оружием, захватили самолет ЯК-40 чехословацкой авиакомпании ЧСА

с 26 пассажирами на борту и заставили его приземлиться в аэропорту Франкфурта-на-Майне. Бандиты обратились в полицию и получили «политическое убежище». Чехословакии было отказано в их выдаче. Правительство ФРГ не в первый раз отказалось сделать то, что оно громкогласно требует от правительств других стран. Например, в 1976 году ФРГ не выдала похитивших чехословацкий самолет преступников, даже несмотря на то, что один из членов экипажа был убит. Весной 1978 года в Социалистической Федеративной Республике Югославия была арестована разыскиваемая полицией ФРГ группа террористов. Правительство Западной Германии потребовало их выдачи, но одновременно отказалось передать Югославии находящихся в ФРГ усташей, убивших югославского дипломата. Вот так дифференцированно западногерманские правительство и полиция подходят к проблеме терроризма.

Для борьбы со «своими» бандитами все средства хороши. С того момента, когда был найден труп Шлейера, и до января 1978 года Федеральное ведомство уголовной полиции показало по западногерманскому телевидению десять фильмов на тему «Розыск террористов». 6 миллионов специальных листовок по розыску на немецком языке и полмиллиона листовок на иностранных языках, а также 500 тысяч фотографий разыскиваемых лиц были распространены в ФРГ и за границей. Все газеты Западной Германии печатали полосные обращения к населению с призывом искать террористов. Федеральная почта подключила к федеральному и земельным ведомствам уголовной полиции 22 дополнительных телефонных номера специально для секретных переговоров. Телефонная справочная служба предоставляла желающим услышать записанные на видеопленку голоса похитителей Шлейера. За поимку двадцати срочно разыскиваемых членов РАФ было назначено вознаграждение в общей сложности в 1 миллион марок. 30 миллионов листовок со сведениями о лицах, на которых объявлен розыск, призывали помочь полиции. Уже в сентябре 1977 года, непосредственно после похищения Шлейера, министр внутренних дел Майхофер потребовал от федерального кабинета дополнительные ассигнования в сумме 950 миллионов марок. Он собирался расширять аппарат полиции и секретных служб. Идея Майхофера получила одобрение. И в 1978 году 118 миллионов из этой суммы переключались в бюджет службы безопасности министерства внутренних дел. Таким образом, он составил 20 с половиной миллиардов марок.

До 1981 года правительство собиралось ввести 5 тысяч новых штатных единиц. В результате штат федерального ведомства пограничной охраны будет доведен до 27 тысяч человек. Федеральное ведомство по охране конституции увеличит количество персонала с 900 до 1700, Федеральное ведомство уголовной полиции — с 1300 до 2500. А дефицит государственного бюджета в это время составляет 35 миллиардов марок!

Но правительство ФРГ не ограничилось дополнительными

ассигнованиями и расширением штатов. Был принят новый закон по борьбе с терроризмом. Он фактически отменяет право на защиту всех обвиняемых в террористической деятельности граждан. Направленный на ограничение таких законных гражданских прав, как, например, неприкосновенность личности и жилища, закон попустительствует полицейскому произволу.

В опубликованном 3 сентября 1977 года, т.е. за два дня до похищения Шлейера, сообщении президента Федерального ведомства уголовной полиции Герольда говорится о 156 гражданах ФРГ, подозреваемых в террористической деятельности. 21 января 1978 года ордер на арест был предъявлен только 41 человеку из этого числа. Что на самом деле означает эта цифра «156», видно из такого примера: в 1976 году в ФРГ было арестовано 40 лиц по обвинению в терроризме, но треть их, т.е. 16 человек, были освобождены за отсутствием веских причин для ареста. Неужели из-за крохотной группки людей, составляющей лишь десятитысячную часть населения Западной Германии, необходимы такие баснословные затраты? Можно было бы найти лучший предлог.

Похищение президента Федерального объединения союзов немецких работодателей Шлейера не обошлось без последствий. 6 июня 1978 года федеральный министр внутренних дел Майхофер был вынужден уйти в отставку. Причиной этому послужили ставшие известными в марте промахи полиции при розыске похитителей. Выяснилось, например, что через два дня после нападения в Кельне — 7 сентября 1977 года — некогда направил донесение в окружное полицейское управление Бергхайма. В сообщении шла речь о высотном доме по улице Цум Реннграбен, 8 в городе Либлар. Квартира, снимавшаяся Аннерозой Лоттман-Бюхлер, по всем признакам походила на «конспиративную», каковой на самом деле и оказалась. В этой квартире Шлейера держали под арестом до 13 сентября. Если бы донесение не затерялось, путешествуя по служебным коридорам, Шлейера можно было бы спасти. Не только это сообщение, но и другие деловые бумаги и документы бесследно пропадали в неразберихе полицейского бюрократизма. И, наконец, со всей очевидностью проявилось усердие полицейских в слежке за так называемыми симпатизирующими, чего нельзя было сказать об их лишенном всякого рвения поиске похитителей.

22 августа 1978 года один иллюстрированный журнал поведал об очередной неудаче работников сыска. Трое анархистов, разыскиваемых Федеральным ведомством уголовной полиции в связи с убийствами Бубака, Понто и Шлейера, буквально выскользнули из рук преследователей. 26-летний Кристиан Клар, 23-летняя Адельхайд Шульц и 28-летний Вилли Петер Штоль арендовали личный вертолет. Летая над определенными районами ФРГ, они делали фотографии с воздуха. За этой компанией велось наблюдение, однако никого не опознали. Когда же «специалисты по борьбе с терроризмом» Федерального ведомства

уголовной полиции раскусили, наконец, за кем они следят, и решились действовать, преступников и след простыл. Шеф Федерального ведомства уголовной полиции Герольд нашел извинение для своих «ребят»: разыскиваемые-де полностью изменили свою внешность. Кроме того, при дополнительной проверке было установлено, что террористы пустились на «хитрость», указав свой собственный адрес. То есть, другими словами: лица, на которых был объявлен розыск, в августе 1978 года выглядели совсем не так, как несколько лет тому назад, когда их фотографировали в полиции. Кроме того, в фальшивых личных документах и удостоверениях они указали — какая изощренность! — адрес, по которому действительно проживали некоторое время. Расчет был прост: при случайном контроле или возможных расспросах в адресном бюро они не сразу будут уличены во лжи. Но на такой «коварный трюк», который, кстати говоря, родился вместе с удостоверением личности, никак не рассчитывали высококвалифицированные, разбирающиеся во всех технических тонкостях современной криминалистики специалисты из Федерального ведомства уголовной полиции.

Подозреваемые анархисты ускользнули от них. Состоящие в черном списке БКА адвокаты и «симпатизирующие» на собственной шкуре ощутили действие «закона по борьбе с терроризмом». Во время организованной по всей стране блиц-операции адвокатов поднимали с постелей, взламывали двери их квартир и контор, полиция обыскивала все подряд, конфисковывала бумаги и письма. Но и это не ново. Возникает вопрос: когда и где, хотя бы раз, исследовали усердные стражи государства конторы и корреспонденцию адвокатов, которые смело защищают старых и новых нацистов и не боятся, как это было, например, на недавнем процессе по обвинению фашистских преступников, виновных в массовых убийствах заключенных в концентрационном лагере Майданек, клеветать на свидетелей — антифашистов и издеваться над замученными жертвами нацистских палачей? Как часто и где специалисты из уголовной полиции ФРГ и Ведомства по охране конституции, хотя бы с похожим размахом, выслеживали и преследовали растущую банду фашистских убийц и террористов?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга заканчивается уголовным делом, в котором многое кажется таким же сомнительным, как и в деятельности службы, расследующей его. Дело о похищении Шлейера еще не завершено, и вполне возможны новые «сюрпризы». Продолжаются спо-

ры о том, придется ли уйти со своего поста президенту Федерального ведомства уголовной полиции Герольду. Но каков бы ни был результат, принципы работы западногерманской полиции и службы безопасности от этого не изменятся. Они по-прежнему будут соответствовать сути и характеру государства, которому служат. С тех пор как существует институт полиции, он стоит на страже интересов господствующего класса, и только его. И кто бы ни был на месте шефа полиции, он не сможет изменить эту закономерность.

Уголовная полиция ФРГ — одна из наиболее технически оснащенных в западном мире. Но и ее успехи весьма скромны. Несмотря на то, что в ее распоряжении миллиардный бюджет, современная техника и подразделения рейнджеров, несмотря на ее все усиливающуюся централизацию, из года в год растут неуверенность населения в своей безопасности и бессилие полиции в борьбе с преступностью.

История уголовной полиции ФРГ насчитывает три десятилетия. В книге отражены определенные этапы ее развития на примере характерных уголовных дел. Я хочу сердечно поблагодарить всех, кто поддержал меня в этой работе. Моя особая благодарность — сотрудникам Немецкой государственной библиотеки в Берлине и библиотеки Академии государства и права ГДР в Потсдаме-Бабельсберге за их помощь, а также моей жене за ее терпеливое техническое сотрудничество.

Биндов, август 1978

Г. Ф.

СОДЕРЖАНИЕ

Западногерманская полиция и реальности политики в области борьбы с преступностью в ФРГ **5**

Глава 1. Полиция возвращается

Мертвая женщина в отводном канале **16**

Своекорыстные «отцы» **23**

Мошенник с дипломатическим паспортом **27**

Зловещие находки **34**

Захмелевший арестант **36**

Скандальные промахи **41**

Ограбление в Маннгейме **46**

Мошенники из комиссариата **53**

Глава 2. От службы уголовной полиции британской зоны к Федеральному ведомству уголовной полиции

Смерть пришла по почте **60**

Ядовитый шоколадный гриб **68**

Таинственное происшествие **74**

Волки в овечьей шкуре **83**

Похитители автомобилей с полицейским удостоверением **87**

Спор шефов уголовной полиции **90**

Смерть подстерегает влюбленных **94**

Глава 3. Чикаго в Западной Германии

Ложное признание **106**

Магараджа из Охтендунга **116**

Томми бесчинствуют в Люнебурге **118**

Огненный дьявол Люнебурга **120**

«Пропал мальчик» **125**

Голос убийцы **130**

«Твердые, как крупповская сталь!» **134**

Аль-Капоне из Пфальца **136**

«Русские идут» **144**

Галантный призрак **146**

«Урсула — пистолет» **151**

«Парадный конь» **153**

Глава 4. По образцу ФБР

Особая примета **160**

«Банк-леди» **163**

Чемпион по боксу **168**

Миллионер за государственный счет **176**

Дело об убийстве солдат в Лебахе **185**

«Горячий» след **189**

По образцу ФБР **196**

Глава 5. Уголовная полиция ФРГ сегодня

Вексель для убийцы **202**

Смерть владелицы издательства **209**

Операция «Большое освобождение» **220**

Послесловие **238**

Герхард Файкс известен советскому читателю по книге „Большое ухо Парижа“. Новая работа – „Полиция возвращается“ – знакомит с деятельностью уголовной полиции ФРГ. Исторический период, описываемый автором, сравнительно короткий. Тем не менее читатель может видеть, сколь стремительно преступность в ФРГ приобретает черты, присущие другим странам западного мира, и в первую очередь США.

